

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2023 Том 18 № 1 (37)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Подписной индекс издания 70771. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (uralpress.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (zhanryrechi.sgu.ru)
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8)
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в Международные базы данных Scopus, ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2023

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алтатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Ст. Гайда, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
И. Э. Клюканов, Ph.D., проф. (Вашингтон, США)
Р. Лакофф, Ph.D., проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Белоруссия)
А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Белоруссия)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
П. Серио, Ph.D., проф. (Лозанна, Швейцария)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
М. Сифиану, Ph.D., проф. (Афины, Греция)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Р. Г. Тирадо, Ph.D., проф. (Гранада, Испания)
Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

- Vladimir M. Alpatov* (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
Elena G. Elina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>
Stanisław Gajda (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0002-2288-9723>
Olena I. Goroshko (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0002-8592-1022>
Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>
Robin Lakoff (Berkeley, USA)
Igor E. Klyukanov (Washington, USA), <https://orcid.org/0000-0003-2240-0980>
Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>
Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>
Mei Huang (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>
Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>
Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>
Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>
Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>
Renate Rathmayr (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>
Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>
Patrick Sériot (Lausanne, Switzerland), <https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>
Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>
Maria Sifianou (Athens, Greece), <https://orcid.org/0000-0002-3231-937X>
Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>
Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>
Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>
Rafael Guzman Tirado (Granada, Spain), <https://orcid.org/0000-0002-4615-6436>
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>
Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

- Прозоров В. В.**
Саратов, Россия
- О стартовых условиях смыслообразования
в общении с письменными речевыми жанрами 6

Исследования отдельных жанров

- Загуменнов А. В.**
Вологда, Россия,
Маматов Г. М.
Новосибирск, Россия
- Речевой жанр «толкование» в эпоху русского церковного
раскола XVII века с позиций герменевтического
и лингвоперсонологического аспектов (на материале
«Книги толкований и нравоучений» Аввакума) 15
- Халиков М. М.**
Самара, Россия
- На полях типологии речевых жанров: кроссворд 24
- Харченко В. К.**
Белгород, Россия
- Семейные родословные как речевой жанр 36
- Дементьев В. В.**
Саратов, Россия
- Научно-популярные статьи о животных: речевые
характеристики и их динамика (на материале советской
печати XX века и публикаций в Рунете XXI века) 43

Жанры СМИ

- Глазко П. П.**
Минск, Беларусь
- Взаимодействие категорий экспрессивности
и оценочности в персональных жанрах медийного
дискурса США 58

Интернет-жанры

- Викторова Е. Ю.,**
Пантеева К. В.
Саратов, Россия
- Жанр интернет-комментария: аксиологический аспект 66

Рецензии. Обзоры. Хроника

- Байкулова А. Н.,**
Малашенкова Е. Н.
Саратов, Россия
- Изучение речевого жанра «пожелание»: обзор работ
в современной лингвистике 74
- Карасик В. И.**
Москва, Россия
- Энциклопедическое освещение речевых жанров (Рец.
на кн.: *Балашова Л. В., Дементьев В. В.* Русские
речевые жанры: монография. М.: Издательский Дом
ЯСК, 2022. 832 с. (Studia Philologica)) 92
- Волынкина С. В.**
Красноярск, Россия
- Друг, учитель, жанровед (Рец. на кн.: Приращение
смысла: сборник научных статей к юбилею Татьяны
Викторовны Шмельёвой / кол. авторов; науч. ред.
А. Н. Сперанская. Москва: РУСАЙНС, 2021. 320 с.) 96

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Prozorov V. V.** On the starting conditions of meaning making in written
Saratov, Russia speech genres 6

Studies of Individual Genres

- Zagumennov A. V.** Speech genre “interpretation” in the era of the Russian
Vologda, Russia church schism of the 17th century: hermeneutic
Mamatov G. M. and linguo-personological aspects (based on the
Novosibirsk, Russia “Book of Interpretations and Moralities” by Avvakum) 15
- Khalikov M. M.** In the margins of the speech genres typology: A crossword
Samara, Russia puzzle 24
- Kharchenko V. K.** Family pedigrees as a speech genre 36
Belgorod, Russia
- Dementyev V. V.** Popular science articles about animals: Speech genre
Saratov, Russia characteristics and their dynamics (based on the Soviet
press of the 20th century and publications in Runet
of the 21st century) 43

Genres of Mass Media

- Glazko P. P.** The interaction of the categories of expressiveness
Minsk, Belarus and evaluativity in personal genres of the US media
discourse 58

Internet Genres

- Viktorova E. Yu.,** An Internet comment as a speech genre: Axiological aspect 66
Panteeva K. V.
Saratov, Russia

Reviews. Chronicle

- Baikulova A. N.,** The speech genre “wish”: An overview of modern linguistic
Malashenkova E. N. papers 74
Saratov, Russia
- Karasik V. I.** An encyclopedic elucidation of speech genres
Moscow, Russia (Review of the book: Balashova L. V., Dementyev V. V.
Russkiye rechevyye zhanry [Russian Speech Genres].
Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (Studia
Philologica)) 92
- Volynkina S. V.** Friend, Teacher, Genre researcher (Review of the book:
Krasnoyarsk, Russia *Prirashcheniye smysla: sbornik nauchnykh statey k yubileyu*
Tatiany Viktorovny Shmelyovoy [Speranskaya A. N., ed.
Increment of Meaning: A collection of research articles
for the anniversary of Tatiana V. Shmelyova]. Moscow,
RU-SCIENCE, 2021. 320 p.) 96

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 6–14
Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 6–14
<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-6-14>, EDN: NVHWBY

Научная статья
УДК 81'1'27

**О стартовых условиях смыслообразования
в общении с письменными речевыми жанрами****В. В. Прозоров**

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, научный
руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего
литературоведения и журналистики, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Аннотация. В статье идет речь о начальной стадии процесса смыслообразования, возникающего при соприкосновении конкретного читательского запроса с внутренней адресной направленностью данного письменного высказывания. Стартовые условия смыслообразования в общении с письменными РЖ напоминают эффект встречи субъектов общения, один из которых пребывает в терпеливом ожидании вероятного контакта со своим адресатом, а другой в полную меру ситуативного запрашивающего интереса оказывается устремленным к непосредственному взаимодействию. Их продуктивное соприкосновение – своего рода когнитивный взрыв. Итогом является создание облака смыслов, полностью не совпадающих ни с теми, которые заключает в себе воспринимаемый текст, ни с теми, что до сей поры ощущались реципиентом. Нас интересуют факторы, связанные с ключевыми вербальными раздражителями – доминантными лексическими единицами в самой письменной текстуре РЖ и в актуализированной памяти приступающего к чтению пользователя. Надежность смыслообразования определяется, в том числе, интенсивностью контекстовых совпадений собственных ключевых слов-понятий в сознании реципиента с теми, что содержит и приоткрывает для реципиента сам воспринимаемый письменный текст.

Ключевые слова: письменные РЖ, инициатива, чтение, читатель, внимание, запрашивающий интерес, ключевые слова-понятия, смыслообразование

Для цитирования: Прозоров В. В. О стартовых условиях смыслообразования в общении с письменными речевыми жанрами // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 6–14. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-6-14>, EDN: NVHWBY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the starting conditions of meaning making in written speech genres**V. V. Prozorov**

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valery V. Prozorov, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Abstract. The article deals with the initial stage of the meaning making process which occurs when a certain request of the reader comes into contact with the inner targeted orientation of the given written saying. The starting conditions of meaning making in written speech genres remind of the effect produced by the meeting of two communicating subjects, with one of them patiently expecting the coming interaction and the other striving to start the immediate interaction to the best of the situationally determined interest of the addressee. Their productive contact is a kind of a cognitive explosion. As a result, there is born a cloud of meanings which do not coincide completely neither with the meanings enclosed in the perceived text nor with the ones felt so far by the recipient. We focus on the factors associated with key verbal aggravators – dominant lexis in the text of the written speech genre and in the updated memory of those who are about to read this text. The reliability

of meaning making is determined among other things by a number of intensive contextual coincidences of the key words and notions in the consciousness of the recipient and those which the given written text contains and reveals.

Keywords: written speech genres, initiative, reading, reader, attention, requesting interest, key words and notions, meaning making

For citation: Prozorov V. V. On the starting conditions of meaning making in written speech genres. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 6–14 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-6-14>, EDN: NVHWBY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Нас интересует начальная стадия диалогических контактов читателя с большим разнообразием письменных РЖ. Речь идет о коммуникативно-деятельностном, когнитивном подходе к письму и его восприятию. По определению М. М. Бахтина, «письменные жанры – искусственные жанры (особенно – вторичные), с ними мы работаем сознательно и руководствуемся определенными образцами...» [1: 172]. Сознательная работа с ориентацией на закрепленные в памяти письменные образцы имеет в виду противопоставление этой работы вольным жанровым комбинациям устных высказываний. Нам близка фундаментальная и вместе прагматически осознаваемая исследовательская задача, сформулированная еще в 1999 году В. Е. Гольдиным: «поиск связей между строением речевых произведений и компонентами ситуации общения, включая в число последних прежде всего субъекты коммуникативной ситуации, отношения между ними, их знания и интенции» [2: 4]. Теория РЖ давно устремлена к разностороннему осмыслению стратегии и тактики ведения коммуникации [3: 7].

Каждый из нас – обладатель многофункциональной мозговой способности, обнаруживающей себя на так называемом внутреннем экране воображения. Внутренний экран воображения по нашему хотению воссоздает пережитые уже образы, настроения, эмоции, фокусируясь на самом желанном. Мы хозяйева своего личного кинотеатра. Визуальный экран наш мерцает и светится, когда мы видим сны. И самое главное в нынешнем размышлении: внутренний экран загорается, как только мы что-то заинтересовавшее нас (и особенно относящееся к искусству слова) принимаемся **читать**.

Чтение – чрезвычайно активная мыслительная процедура зрительно-слухового восприятия текста и декодирования запечатленных в текстовых символах смыслов. Процедура эта направлена на понимание знаковой системы избранной нами (встреченной, невольно попавшейся на глаза) текстовой реальности. Диапазон отношений к текстовым смыслам обширный: от безразличия, скуки, презрения,

негодования, страха – до внезапной радости, яркого душевного подъема, очевидной солидарности. Чтение – процесс чувствительно тонкого взаимодействия между текстом и читателем, процесс превращения текста в дискурс.

Смех смехом, но Гоголь в «Мертвых душах» на примере лакея Чичикова Петрушки поразительно точно воссоздает сам интерес к механизму смыслообразования в процессе чтения. Петрушка читал всё без разбора: «ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, – он всё читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался». При этом ему больше всего «нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения». Привычная для искушенного читателя процедура вызывала в гоголевском герое неподдельное изумление: «вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит...». В переводе на ученый язык Петрушка поражался тому, как любопытно происходит взаимодействие сенсомоторики и семантики, как вдруг в поле его внимания удерживается новая, получаемая им информация, какие неожиданные смысловые догадки на основе этой информации возникают. Иными словами, чичиковский Петрушка упорно занимался самонаблюдениями над техникой чтения, над переключением зрительной лексемы в ее звуковой и кинестетический аналог.

Затаенные в художественных текстах эмоционально-интеллектуальные открытия просятся быть проникновенно понятыми. Наши мысли освещены чувствами, чувства осмыслены. Системно заявленных понятийно-логических смыслов мы усердно ищем и в письменных текстах любого иного рода: деловых, инструктивных, рекламных, учебных, научных и т. д.

Мы знаем, сколь ненадежными могут оказаться любые устные заверения и обещания политиков и дипломатов и насколько юридически обязывающими становятся те же заверения, закрепленные на письме. Или вспомним, как гоголевский Земляника в общении с Хлестаковым, всласть наябедничав

на своих коллег, угодливо прибавляет: «Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?». Устный донос во всех своих подробностях может улечься из памяти предполагаемого начальственного лица. На бумаге надежнее! И бумаге можно дать ход со всеми вытекающими последствиями. Как говорится, «написанное остаётся, сказанное забывается» или «плохой карандаш лучше хорошей памяти».

Смыслы, запечатленные в письменном тексте, отзываются в нашем собственном опыте осознания реальности, в фоновых знаниях, которыми мы вооружены, в прихотливых ассоциативных впечатлениях, которые до востребования хранит наша память. «Включение в контекст собственной жизни, – пишет Д. А. Леонтьев, – это и есть то, благодаря чему мы в состоянии понять смысл чего бы то ни было, соотнести с нашей жизнью: что это для меня, зачем это надо. Опыт становится то, что соотнесено с жизненным контекстом. Извлечение опыта, собственно говоря, и есть смыслообразование» [4: 109].

Наше внимание обращено к стартовой атмосфере самого процесса смыслообразования, который возникает при соприкосновении конкретного читательского запроса с внутренней адресной направленностью данного письменного высказывания.

* * * * *

Активное общение реципиента с письменным текстом всегда пронизано диалогическими токами. «Всякое понимание, – полагает М. М. Бахтин, – установлено на ответ, чревато ответом, – согласием-несогласием, исполнением-отказом и т. п. Ответное понимание эквивалентно высказыванию, это – потенциальное высказывание, выполняющее функции звена в цепи речевого общения» [1: 167]. Письменный текст в этой цепи выполняет роль притягивающего к себе опорного начала речевой коммуникации.

Особого удивления заслуживает феномен смиренного ожидания текстом своего пользователя-читателя. При кажущейся метафоричности такого определения, оно опирается на общеизвестные, исторически протяженные эмпирические наблюдения и факты. Имеется в виду исходная готовность письменного текста к вероятному и желанному восприятию.

В пушкинской драме «Борис Годунов» отец Пимен усердно «пишет перед лампадой», и нам передается торжественно мерный, проникновенно мудрый строй его внутренней речи – знаменитый монолог о благодатной нетленности летописного предания, обращенного через поколения к «потомкам православных». Д. С. Лихачев замечает: русский

«летописец стремится видеть события с высоты их “вечного”, а не реального смысла» и иногда так заявляет о цели своих записей: «Да и сие не забвено будет в последних родах» [5: 293].

Письменный текст – молчаливый и надежный хранитель памяти. Долговременная память обращает нас вспять, позволяя прошлое воспринимать как предельно приближенное к нам, как почти что настоящее, с нами соприкасающееся и нас словно бы научающее. В зависимости от самой природы РЖ письменный текст может иметь адресацию, принципиально отдаленную от времени создания, или, напротив, скорую, едва ли не сиюминутную.

Любая, письменно закрепляемая система текстовых знаков требует от автора непрерывной ориентации на желанного адресата. Обстоятельно рассматривается эта проблема применительно к художественной литературе, что давно уже находит свое отражение не только в авторитетных исследованиях, но и в специальных терминологических справочниках и учебных пособиях (см. [6: 315; 7: 293–314]). «Поэзия, как целое, – убежденно писал О. Э. Мандельштам в статье «О беседнике», – всегда направляется к более или менее далекому, неизвестному адресату, в существовании которого поэт не может сомневаться, не усумнившись в себе» [8: 187]. Древний способ пересылки почты – письменное послание в засмоленной бутылке, направляемое до востребования океаническим течением.

Великая тайна буднично обнаруживающего себя коммуникативного опыта связана с тем, как в привычных для нас символах-знаках автору удаётся заключить трудно исчисляемый потенциал смыслов и чувств, обращенных вовне, особенно, если речь идет о текстах художественных. Сила воздействия бытового письма многократно возрастает, когда воспроизводимое эпистолярное высказывание принадлежит художественному тексту. Вспомним, к примеру, письмо чеховского Ваньки Жукова «на деревню дедушке» или завязку гоголевского «Ревизора» (городничий читает фрагменты письма от Андрея Ивановича Чмыхова).

Письменный текст заключает в себе более или менее очевидную читательскую направленность. В век грустного прощания с прежними распространенными практиками общения с текстовыми фолиантами пронзительно звучат строки М. Светлова: «Безмолвствует черный обхват переплета, // Страницы тесней обнялись в корешке, // И книга недвижна. Но книге охота // Прильнуть к человеческой теплой руке».

Сегодня мы свидетели иной, активно возобладавшей формы текстового бытия. В электронной версии текст часто воспринимается не менее осязаемо ярко и сильно: он светится нам с экрана, он живой, он мерцает. Текст затаённо вызывает к вероятному пользователю: открой для себя, вникни, удивись...

На письме часто обнаруживает себя и прямая адресная нацеленность: в эсэмэсках, почтовых письмах, поздравительных открытках, любовных записках, акростихах, дарственных надписях с автографом, заявлениях, извещениях, доносах и т. д. Сказывается это и в разных формах обращений к предполагаемому виртуальному интернет-адресату, в формах неожиданных приветствий, всевозможных настойчивых рекламных предложений. Особый обширный сегмент здесь – современная «потребительская культура» [4: 110]. Примеров тьма.

В текстах сообществ, обсуждающих темы моды и красоты, например, часто встречаются стилистически кокетливые обращения: «дорогие девчоночки», «милые зайки», «мои красульки», «стройняшки», «няшки», «феечки», «лапульки» и проч. [9: 97–105]. Универсализация сетевого общения привела к созданию отменного безвкусного приветствия «Доброго времени суток» – своего рода безликого обращения к своему кругу. Соцсети переполнены соблазнительными приглашениями скорого получения полного счастья в любых сферах жизни. Касается это и тех, кто стремится удовлетворить авторские амбиции: «Сочинить книгу – пошаговая инструкция»; «Как легко написать и издать книгу?»; «Как написать и издать бестселлер за 90 дней»; «Как написать и издать книгу за 60 дней» и т. п.

Нескончаемые цепочки громких рекламных текстов словно бы выпрыгивают из своих графических пределов и атакуют наивных сетевых новобранцев. Пользователю бывалому предлагается более изысканный рекламный продукт: «Поможем тратить со смыслом»; «Что от вас скрывают...»; «Сначала попробуйте»; «Вы заслуживаете» и т. п.

Любой текст по-разному, но согрет заботой о своем искомом адресате. Степень персональной выраженности автора и характер его озабоченности адресатом в письменных РЖ сильно различаются. Вплоть до почти нулевого уровня выраженности в таких РЖ, как тексты законов, инструкции по применению, медицинские протоколы (алгоритмы действий) по диагностике и лечению без учета индивидуальных особенностей пациента и т. д.

Письменный текст во всех его речеванровых воплощениях располагает определенным диапазоном смысловых готовностей и усердно

ждет контакта с каждым новым читательским горизонтом ожиданий (Ханс Яусс).

* * * * *

Проблему превращения системы текстовых знаков в смыслы и чувства воспринимающего М. М. Бахтин предлагает осмыслить в ряду таких понятий, как «контекст высказывания и контекст понимания (апперцептивный фон)» [1: 149]. Это заключение впрямую касается и общения с письменным текстом. Исходную позицию охотно внимающего тексту читателя А. П. Скафтымов определял удачным словосочетанием «запрашивающий интерес».

Инициативные импульсы – в основании всех наших действий, поступков и превращений, в том числе и творческого характера. Живую цепь понятий, характеризующих создание и восприятие словесно-письменного текста, с большой степенью корректности можно описать через универсально психологическую категорию *инициативы*:

Автор – *инициатор*, создатель словесно-письменного высказывания, преднамеренно или невольно направленного на вероятного адресата.

Авторский текст – *словесно-письменная инициация*, отмеченная родовой печатью полисемии. Отсюда неисчерпаемость содержания символа, определяемая его смысловыми диапазонами и разнообразием ассоциативных связей. При истолковании символа всегда остается «иррациональная» невыразимость. Очень точно скажет о парадоксах осмысления художественного текста Г. Г. Шпет: «Чем больше вдумываться в “идею” поэтического творения, тем меньше от неё останется. В итоге – всегда какой-то сухой комочек, нисколько не заслуживающий имени идеи» [10: 345]. Насмешливый образ «сухого комочка» – удачная иллюстрация к усердным, но часто безуспешным попыткам распознавания «идейных смыслов», якобы «вложенных» авторами в тексты.

Адресат – *соинициатор авторского текста*, реально осуществляющий свои притязания на восприятие словесно-письменной инициации.

Огромная роль в диалоге с письменным текстом принадлежит внутренней речи реципиента, его удивлению, согласию, спору, безразличию. Соинициатор способен заметно видоизменять поступающие ему смыслы, исходя из собственных горизонтов ожидания, и касается это не только художественных текстов. Абсолютно прозаический пример: представим себе чей-то давний, письменно оформленный приказ, воспринимаемый «после срока действия»: сам текст приказа несет одни смысловые готовности, а мозг реципиента обнаруживает уже совсем другие смыслы:

«устарело», «можно не исполнять», «проехали!» и вплоть до усмешки: «вот ведь гадость какая, а было время – подчинялись беспрекословно!»

Первоначальное условие превращения символа в смысл – знание пользователем языка (кода) письменно оформленного РЖ. По утверждению ван Дейка, «не существует никакой четкой границы между знанием языка и знанием о мире. Это особенно справедливо в отношении нашего лексического знания, в котором знания слов и их значений смешиваются с нашим концептуальным знанием о “мире”» [11: 11].

Культура чтения предполагает отчетливое различие читателем разности письменно-речевых жанров. Вспомним, к примеру, наши читательские представления о предводителе крестьянского восстания в пушкинской «Истории Пугачева» и в его же повести «Капитанская дочка». В первом случае преобладают аттестации негативного свойства (злодейская жестокость исторического персонажа, погрязшего в кровавом разбое), во втором мы свидетели проявления прежде всего недюжинного ума и великодушия со стороны пушкинского героя. Сама собой предполагается смена читательских установок при обращении к разным письменным РЖ – историческому исследованию событий, потрясших в XVIII веке Российскую империю, и словесно-художественному дискурсу.

От исходных мотивов чтения зависит степень предстоящей погруженности в текст. Сам текст тоже оставляет за собой право на взаимность – на ответное «тестирование» читателя. Это тест на сложность/примитивность/уместность текста, к контакту с которым подключается читатель.

Диалогу соинициатора с вероятным текстом предшествует формирование запрашивающего читательского побуждения. Побудительным мотивом может стать обязательное/факультативное/случайное ознакомление с документом, информацией, корреспонденцией, деловой бумагой, надписью на стене. Специальный интерес к чтению определяется родом профессиональных и любительских занятий и задач. Настоятельной бескорыстной потребностью оказывается так называемое чтение «для души». Оно нередко сочетается и с известными прагматическими (учебными, научными, просветительскими) целями.

Существует множество разных классификаций читательских подходов к письменным текстам. При этом за читателем всегда сохраняется (часто игнорируемая школьной практикой преподавания литературы) естественная свобода выбора собственной реакции читателя на встречу с данным текстом. Это его,

соинициатора, внутреннее право на ответное понимание, на собственное высказывание. Право это может быть ограничено только речевыми особенностями воспринимаемого текста. В любом случае возникает некий первоначальный конкретный предлог для обращения к письменному тексту.

* * * * *

О тексте, погруженном в ситуацию общения, убедительно пишет В. И. Карасик. Его рассуждения проливают свет и на стартовые условия процесса смыслообразования в диалоге читателя с письменным текстом [12: 91].

Само обращение к данному тексту почти всегда начинается с оглядывания читателем общего текстового очертания, внешнего состава. Задача – графическое (зрительное) опознание письменного текста как целого, получение предварительных представлений об объемном контуре, о размерах облюбованного текста (книги, журнала, листовки, объяснительной записки, сообщения в соцсетях). В результате рождается первоначальное визуальное представление о примерных речевых характеристиках данного письменного явления. Делается это для невольного или осознанного определения временной протяженности предстоящей процедуры проникновения в текстовые смыслы. Не случайно проблему понимания текста М. М. Бахтин связывает с необходимостью «прежде всего установления принципиальных и четких границ высказывания» [1: 198]. Внешние границы играют здесь заметную роль. Как говорится, каждый альпинист сперва проходит маршрут глазами.

С определения границ письменного текста, выбранного для прочтения, начинается диалог в пределах разных письменных РЖ. Младшеклассники, прежде чем приниматься за чтение, оглядывают заданный на дом рассказ с картинками, чтоб оценить объем предстоящей работы. Специалист в любой сфере определяет на глаз размеры заинтересовавшей его статьи в солидном сборнике трудов. Еще недавно, распечатывая пришедшее по почте письмо, мы сразу же отмечали про себя протяженность текста. В рукописном варианте письменного РЖ важны отличительные почерковые особенности. Печатный текст отмечен своими шрифтами, форматами и другими полиграфическими характеристиками. Мы свидетели первоначального этапа рассудительного и вместе чувственного распознавания графических знаков-сигналов письменного текста, готового обратиться в дискурс.

Определение внешних текстовых очертаний и объемов вызывает и соответствующую внутреннюю реакцию читателя: «ну и задание огромное на дом!», «мало времени, статья

большущая, но ведь мне ее только полистать надо!», «записка, к сожалению, очень коротка, но тем более стоит в нее пристально вникнуть», «какой ужасный почерк!», «что за шрифт мелкий!». Для смыслового восприятия письменного текста особенно важен этап так называемого «первоочтения» [13: 3] или первоначального восприятия. Происходит распознавание и первичной фазы уровня внимания в структуре текста (см. [14: 195–204]).

Уровень внимания в широком речевом контексте – это избирательно направленная сосредоточенность конкретного читателя на иницируемый автором предмет (тему) речи. Происходит то, что В. Ф. Асмус называл «установкой ума читателя, действующей во время чтения» [15: 56]. При «первоочтении» обычно отмечают и механизм внутреннего проговаривания осваиваемого текста, и смысловое предугадывание (в соответствии с названием текста или отдельной главы, с аннотацией, с иллюстрациями), и вербальное предвосхищение (по первым словам угадывание синтаксического целого). Предполагают, что вплоть до XV века при чтении в одиночку (наедине с самим собой) «текст произносился вслух», глазная работа дополнялась артикуляционно-слуховой [16: 36].

Реже обращается внимание на факторы, которые связаны с ключевыми вербальными раздражителями – доминантными лексическими единицами в письменной текстуре РЖ и в актуализированной памяти приступающего к чтению пользователя.

* * * * *

В сознании читателя, избирающего данный текст предметом своего внимания, существует предвосхищающий чтение «контекст понимания». В этом контексте нас интересует набор актуальных ключевых слов-понятий в определенных ассоциативных ореолах (о разных подходах к проблеме ключевых слов в филологии см. [17: 284–287; 3: 493]).

Занимает меня, к примеру, тема, связанная с начальными условиями смыслообразования в общении с письменными РЖ, пишу я статью на эту тему, и в поисках нужной специальной литературы в моем сознании восстает целая вселенная разноуровневых и ассоциативно соотносимых ключевых слов-понятий. Эти ключи выстраиваются в заметно меняющиеся по ходу работы порядки, множатся, уточняются, конкретизируются. Им навстречу отзываются статьи и монографии со своими говорящими названиями и аннотациями. Как замечал Мартин Хайдеггер, «при движении вперед нужно все время ясно видеть изменчивость всего, что выступает навстречу. Только в горизонте извечной инаковости

изменения проявляется полнота особенного, полнота фактов» [18: 139]. Неисчислимы повороты многообъемлющей темы. Специальная литература помогает утвердиться в поисках единомышленников и оппонентов. И сами ключи существуют (и в моем поисковом сознании, и в литературе интересующего меня вопроса) в неожиданных ассоциативных сближениях и параллелях [19: 17]. И это обстоятельство позволяет шаг за шагом продвигаться навстречу все более усложняющейся и все более определяющейся теме.

Ключевые слова помогают ориентироваться в море-океане занимающей нас информации. Мы имеем здесь дело с «языковыми единицами, которые становятся единицами общения и в которых значение приобретает статус смысла, привязанного к ситуации и личностям участников коммуникации» [12: 91]. В ситуации непосредственного общения с письменным текстом читатель цепко фокусирует внимание на интересующих его ключевых языковых единицах, исполненных для него особо значимого смысла.

Прочтем в Яндекске обещающее заглавие «Кто-нибудь вообще понимает современную действительность?», и появляется (или не появляется) желание вместе с автором попробовать потренировать свой ум в распознавании всяческих нелепостей окружающей нас и проникающей в нас реальности. Или встретится заголовок «Пандемия закончится в 2023 году, но сразу начнется вторжение пришельцев», и – ключевые слова у землян на слуху – раскроется широкий веер читательских ожиданий: от серьезно озабоченных до насмешливых и ироничных. Мало кто из интернет-пользователей устоит перед многообещающим заглавием статьи журнала «Нож»: «Большинство научных публикаций – ложь (доказано учеными)»? С другой стороны, перестает работать назойливое употребление одного и того же приема-приманки. Лишаются кредита доверия и бесконечно эксплуатируемые в Интернете словосочетания «Упадете, узнав подробности...», «Чудо-лекарство. Эффект через полчаса», «Это известие повергнет в шок...».

У всякого реципиента существуют свои потенциальные, ситуативно актуализируемые шлейфы слов-понятий, представляющие направления самых разных его интересов – поверхностных и углубленных, центральных и периферийных. Встречаясь с новыми письменными текстами, мы даже при первичном их осмотре способны угадать близкие нам, цепляющие наше внимание слова и словосочетания. Происходит невольное ранжирование подобных ключей. Актуальные для меня слова-понятия, объявляющиеся в тексте, отзываются

во мне, соотносятся с моими определяющими запросами. Основательному охвату диапазона смысловых готовностей письменного текста способствует распознавание в тексте искомым или близких к ним ключевых слов в их ассоциативно-контекстовой реализации.

Встречаю в Яндекс-Дзене короткий заголовок: «Книги – что с ними станет?» Профессионально близкое мне понятие «книги». Тревожный, давно беспокоящий вопрос. Несмотря на обилие разных высказываний на эту тему, не теряющую своей печальной злободневности, принимаю читать. Автор задумывается над тем, насколько закономерно происходящее с книгами. Грустные констатации, краткий экскурс в читательскую историю: от изобретения письменности до наших дней. И обнадеживающий финал: хоронить книгу преждевременно, «рано или поздно маятник качнется в обратную сторону и книги вернутся в наши дома!» Спасибо за оптимизм! Благодатным может быть соприкосновение и кипение смыслов, тех, что запечатлены в тексте, и тех, что солидарно рождаются в сознании читателя.

Противоположный пример. Читаю в сети заголовок «Куда смотрят книги?» Ключевой манок в вопросительном высказывании делает свое дело. Вникаю. Оказывается, речь о том, что с начала 2021 года по новым правилам торговли магазины не обязаны держать в специальном уголке потребителя книгу отзывов и предложений... Мало волнующая меня тема, и чтение мгновенно прерывается. Не совпали смыслы понятия «книга» – моё ожидаемое и то, что предложено в тексте. И так – на каждом шагу.

Передо мной интернет-текст «Смысл книги Достоевского “Идиот”». Привлек внимание заголовочными ключами. Читаю: попытка кратчайшего простодушного пересказа содержания: «Основная мысль романа /.../ в том, что таким людям, как Мышкин, нечего делать в современном Достоевскому обществе. Да и в наше время многие считали бы князя потенциальным пациентом психиатрической больницы». Вот и весь, оказывается, смысл. Поистине, простота хуже воровства.

Семейный журнал «Лучик» в 2019 году поместил пост под интригующим названием «В чем была ошибка капитана Гранта?» Действие романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта» завязывается вокруг расшифровки загадочного документа, найденного лордом Гленарваном внутри выловленной в море бутылки. Документ в трех разноязычных версиях сильно испорчен морской водой. Отчетливо различимы два ключевых понятийных ядра: факт крушения судна «Британия» и обозначение широты (долготу смыло) – географической координаты места крушения. Это обстоятельство

и служит основанием для кругосветного путешествия героев.

Автор журнальной статьи разъясняет, что, с точки зрения теории информации, капитан Грант совершил грубую ошибку: в записке много избыточной информации и явно недостает ключевой: стоило бы много раз повторить слово «крушение» и главное – точное обозначение широты... Интересны тут два обстоятельства. Во-первых, представлено еще одно свидетельство важности ключевых слов при восприятии письменного текста, особенно в катастрофических ситуациях, и, во-вторых, некоторая, шуточно допускаемая авторами статьи путаница РЖ – приключенческого повествования и информативного документа.

Момент перехода смыслового света письменной текстуры в смысловую систему читательского восприятия не в последнюю очередь определяется интенсивностью совпадения для реципиента собственных ключевых слов-понятий с теми, что являет собой письменный текст. При интенсивном совпадении вспыхивает семантико-когнитивная дуга-радуга.

Приведу простодушно детское объяснение этого процесса. Пример из реальной практики – диалога двух родных мне людей. Мама читает сыну трёх лет сказку и замечает: он слушает и в то же время словно бы какая-то легко усматриваемая отрешенность (мечтательность, сосредоточенность на чем-то) в нем. Мама, приостанавливая чтение: «Ты о чем-то думаешь, что-то вспомнил?» Сын: «Нет!.. Да! То, что ты читаешь, запутывается у меня в голове, и я это думаю!» Запутываются – закипают – прихотливым образом сближаются и совмещаются направленная на пользователя авторская интенция и актуальные ожидания-запросы социациатора. Отчасти это состояние схвачено в одном из мемов про чтение: «Когда я читаю, то погружаюсь в собственный мир».

Смысловая система воспринятого текста всегда отличается от смысловой системы воспринимаемого текста. РЖ указа, письменного распоряжения, законодательного акта, запроса, инструкции, медицинского рецепта стремятся к идентичности смыслов – заданного текстом и воспринятого реципиентом. В других РЖ отчетливо наблюдается явное несовпадение. Пример: обценная лексическая единица, кем-то изображенная на заборе. У меня свои отношения к уместности этого ключевого слова. И воспринимая заборный текст, я переношу на него собственные экспрессивные оценки. Или, как выразился один подросток: «Ну и дурак – оставил кличку свою!»

На пути к состоятельности речежанрового общения много когнитивных испытаний и искажений. В последнее время они преодолеваются с помощью компьютера. Обратил

на себя внимание такой заголовков в виртуальном пространстве: «Как заставить компьютер читать текст вслух». Преобразование текста в речь – то, что нас сейчас интересует! Стал вникать. С появления Apple Siri с iPhone 4S зазвучали голоса, сгенерированные компьютером. Но тут – про способность компьютера считывать любой текст. В статье речь как раз о преобразовании текста на экране в устное слово. Подумалось: главное, чтоб homo sapiens, давно уже плененный соблазнами комфорта, не уступил бы виртуальному помощнику эти в высшей степени полезные для работы нашего мозга читательские функции.

Итак, пользователь в диалоге с речевым письменным высказыванием поначалу готов попасть в колею авторских интенций, угадать и определить для себя смысловую направленность текста, оказавшегося в фокусе внимания. Стартовые условия смыслообразования напоминают здесь эффект встречи субъектов общения, один из которых открыт в терпеливом ожидании вероятного контак-

та со своим адресатом, а другой в полную силу ситуативного интереса устремлен к непосредственному общению. Их когнитивное соприкосновение – своего рода малый взрыв, случающийся в сознании реципиента. Итог – создание облака новых смыслов, полностью не совпадающих ни с теми, которые заключает в себе воспринимаемый текст, ни с теми, что до сей поры ощущались соинициатором. И особая роль на начальном этапе контакта отводится относительно соответствию исходных ключевых слов-понятий, содержащихся в тексте и в запрашивающем сознании пользователя.

Впереди, в процессе восприятия письменного текста – пробуждение активного читательского соучастия. Не исключено, что к финалу диалога с текстом ждет нас и всегда желанное открытие-откровение. Но это уже предмет отдельного размышления, связанного с поэтапным осуществлением речевых коммуникаций (см. [14: 195–204; 20: 27–36]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари, 1996. 732 с.
2. Гольдин В. Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 4–6.
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
4. Леонтьев Д. А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт // Мир психологии. 2014. № 1. С. 104–117.
5. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е, доп. Ленинград : Худож. лит. Ленингр. отделение, 1971. 414 с.
6. Shaw H. Dictionary of Literary Terms. New York : McGraw-Hill, 1972. 402 p.
7. Введение в литературоведение : в 2 т. : учебник для вузов. Т. 2 / под ред. Л. В. Чернец. 6-е изд. М. : Юрайт, 2020. 388 с.
8. Мандельштам О. Э. О собеседнике // Мандельштам О. Э. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. Проза. М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993. С. 182–187.
9. Золтнер О. В., Шабурова Е. Е. Этикетные особенности интернет-коммуникации (на материале сообщества социальной сети «ВКонтакте») // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 97–105.
10. Шпет Г. Г. Сочинения. М. : Правда, 1989. 602 с.
11. Дейк ван Т. А. Дискурс и знание // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 13 (156), вып. 18. С. 5–23.
12. Карасик В. И. Высказывание, жанр, дискурс: семиотическое моделирование // Жанры речи. 2020. № 2 (26). С. 90–99. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99>

13. Мучник Б. С. Культура письменной речи: Формирование стилистического мышления. 2-е изд., испр. и доп.. М. : Аспект Пресс, 1996. 175 с.

14. Прозоров В. В. О надёжности и состоятельности речевых коммуникаций // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 195–204. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-195-204>

15. Асмус В. Ф. Чтение как труд и творчество // Асмус В. Ф. Вопросы истории и теории эстетики : сб. ст. М. : Искусство, 1968. С. 55–67.

16. Зюмтор Поль. Опыт построения средневековой поэтики. СПб. : Алетейя, 2003. 544 с.

17. Потехина М. С. Проблемы ключевых слов в филологии // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 284–287. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-3-284-287>

18. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М. : Гнозис, 1993. 464 с.

19. Гольдин В. Е. Языковое сознание. Речевая коммуникация: Избр. работы. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2020. 496 с.

20. Формановская Н. И. Коммуникативный контакт. М. : ИКАР, 2012. 200 с.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. *Sobranie sochinenij : v 7 t. T. 5. Raboty 1940–1960 godov* [Collected works : in 7 vols. Vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996. 732 p. (in Russian).
2. Goldin V. E. Problems of genre studies. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : collection of scientific arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh” Publ., 1999, iss. 2, pp. 4–6 (in Russian).
3. Dementyev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

4. Leont'yev D. A. Meaning formation and its contexts: Life, structure, culture, experience. *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2014, no. 1, pp. 104–117 (in Russian).
5. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury. Izd. 2-ye, dop.* [Poetics of ancient Russian literature. Ed. 2nd, add.]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. Leningradskoe otделение Publ., 1971. 414 p. (in Russian).
6. Shaw H. *Dictionary of Literary Terms*. New York, McGraw-Hill, 1972. 402 p.
7. *Vvedeniye v literaturovedeniye : v 2 t. Uchebnik dlya vuzov. T. 2. Pod red. L. V. Chernets. 6-ye izd.* [Introduction to Literary Studies : in 2 vols. Textbook for universities. Chernets L. V., ed. Vol. 2. 6th ed.]. Moscow, Yurayt Publ., 2020. 388 p. (in Russian).
8. Mandelstam O. E. About the interlocutor. *Mandelstam O. E. Sobr. soch. : v 4 t. T. 1. Proza* [Collected Works : in 4 vols. Vol. 1. Prose]. Moscow, Art-Business Center Publ., 1993, pp. 182–187 (in Russian).
9. Zoltner O. V., Shaburova Ye. Ye. Etiquette features of Internet communication (on the material of the community of the social network “Vkontakte”). *Communicative Research*, 2017, no. 4 (14), pp. 97–105 (in Russian).
10. Shpet G. G. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 602 p. (in Russian).
11. Dijk van T. A. Discourse and knowledge. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities*, 2013, no. 13 (156), iss. 18, pp. 5–23 (in Russian).
12. Karasik V. I. Utterance, Genre, Discourse: Semiotic Modeling. *Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 90–99 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99>
13. Muchnik B. S. *Kul'tura pis'mennoy rechi: Formirovaniye stilisticheskogo myshleniya. 2-ye izd., ispr. i dop.* [Culture of written speech: Formation of stylistic thinking. 2nd ed., rev. and add.]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 175 p. (in Russian).
14. Prozorov V. V. On the Reliability and Consistency of Speech Genre Communication. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 195–204 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-195-204>
15. Asmus V. F. Reading as work and creativity. In: *Asmus V. F. Voprosy istorii i teorii estetiki : sb. st.* [Issues of history and theory of aesthetics : coll. arts]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968, pp. 55–67 (in Russian).
16. Zyumtor Pol'. *Opyt postroyeniya srednevekovoy poetiki* [Experience in the construction of medieval poetics.]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. 544 p. (in Russian).
17. Potekhina M. S. Problems of keywords in philology. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 284–287 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-3-284-287>
18. Heidegger M. *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and reflections of different years]. Moscow, Gnozis Publ., 1993. 464 p. (in Russian).
19. Goldin V. Ye. *Yazykovoye soznaniye. Rechevaya kommunikatsiya: Izbr. raboty* [Linguistic consciousness. Speech communication: Fav. works]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2020. 496 p. (in Russian).
20. Formanovskaya N. I. *Kommunikativnyy kontakt* [Communicative contact]. Moscow, IKAR Publ., 2012. 200 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 05.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 01.04.2022
The article was submitted 05.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 01.04.2022

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 15–23

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 15–23

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-15-23>, EDN: WHWSGC

Научная статья

УДК 811.161.1:801'73

**Речевой жанр «толкование» в эпоху русского церковного раскола XVII века
с позиций герменевтического и лингвоперсонологического аспектов
(на материале «Книги толкований и нравоучений» Аввакума)**

А. В. Загуменнов¹✉, Г. М. Маматов^{2,3,4}

¹Вологодская духовная семинария Вологодской епархии Русской Православной Церкви, Россия, 160009, г. Вологда, ул. Монастырская, д. 2

²Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28

³Новосибирская областная юношеская библиотека, Россия, 630099, г. Новосибирск, Красный проспект, д. 26

⁴Центр довузовского образования Сибирского государственного университета путей сообщения, Россия, 630049, г. Новосибирск, ул. Дуся Ковальчук, д. 191

Загуменнов Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, zaw1991@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2440-3918>

Маматов Глеб Максимович, ²аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, ³библиотекарь, ⁴учитель русского языка и литературы, zarras8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0625-3853>

Аннотация. Исследование посвящено описанию речевого жанра «толкование» на материале малоизвестного сочинения протопопа Аввакума «Книга толкований и нравоучений». Актуальность темы обусловлена, во-первых, малочисленностью публикаций с анализом привлеченного источника, а во-вторых – полярными и противоречивыми утверждениями о составе «Книги...». В статье используются следующие методы и приёмы: описание, контекстный анализ, реконструкция, сравнение и интерпретация. Впервые с привлечением сторонних рукописных (XIII–XVI веков) и старопечатных источников (XVII столетия) выявлены и прецедентные черты оформления интерпретаций у Аввакума, и его новаторство в данном речевом жанре. К первым следует отнести воспроизведение структуры «стих–толкование», известной по образцам славянского перевода труда Андрея Кесарийского и толковых псалтырей. К новаторству в речевом жанре мы относим содержательную сторону интерпретаций. В частности, обосновывается, что экзегетика 102-го псалма сопровождается переосмыслением православной гимнографии, включая евангельский канон, вследствие чего ветхозаветный источник наполняется содержанием богослужения новозаветной церкви и потому оказывается значительнее и значимее, чем сумма текстов, привлечённых в качестве материала для толкования.

Ключевые слова: жанр, текст, толкование, языковая личность, филологическая герменевтика

Для цитирования: Загуменнов А. В., Маматов Г. М. Речевой жанр «толкование» в эпоху русского церковного раскола XVII века с позиций герменевтического и лингвоперсонологического аспектов (на материале «Книги толкований и нравоучений» Аввакума) // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 15–23. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-15-23>, EDN: WHWSGC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Speech genre “interpretation” in the era of the Russian church schism of the 17th century: Hermeneutic and linguo-personological aspects (based on the “Book of Interpretations and Moralities” by Avvakum)

A. V. Zagumennov¹✉, G. M. Mamatov^{2,3,4}

¹Vologda Theological Seminary of the Vologda Diocese of the Russian Orthodox Church,

2 Monastyrskaya St., Vologda 160009, Russia

²Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk 630126, Russia

³Novosibirsk Regional Youth Library, 26 Krasny Prospekt, Novosibirsk 630099, Russia

⁴Pre-university education center of Siberian Transport University, 191 Dusi Kovalchuk St., Novosibirsk 630049, Russia

Alexander V. Zagumennov, zaw1991@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2440-3918>

Gleb M. Mamatov, zarra8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0625-3853>

Abstract. The research presents the description of the speech genre “interpretation” on the basis of the under-studied essay of Archpriest Avvakum “Book of Interpretations and Moralities”. The relevance of the topic is determined, firstly, by the small number of publications with the analysis of the source involved, and secondly, by polar and contradictory statements about the composition of the “Book of Interpretations and Moralities”. The article uses the following methods and techniques: description, context analysis, reconstruction, comparison and interpretation. For the first time, with the involvement of third-party handwritten (XIII–XVI centuries) and early printed sources (XVIIth century), both precedent features of the form of the interpretations of Avvakum and his innovation in this speech genre have been identified. The reproduction of the “verse-interpretation” structure, known from the samples of the Slavic translation of the work of Andrei of Caesarea and the explanatory psalters, should be attributed to the precedent features of the form of the interpretations. We refer to the content side of the interpretations as innovation in the speech genre. In particular, it is substantiated that the exegesis of Psalm 102 is accompanied by rethinking of Orthodox hymnography, including the Eucharistic canon, as a result of which the Old Testament source is filled with the content of the worship of the New Testament church and, therefore, turns out to be more significant and valuable than the sum of the texts used as material for interpretation.

Keywords: genre, text, interpretation, linguistic personality, philological hermeneutics

For citation: Zagumennov A. V., Mamatov G. M. Speech genre “interpretation” in the era of the Russian church schism of the 17th century: Hermeneutic and linguo-personological aspects (based on the “Book of Interpretations and Moralities” by Avvakum). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 15–23 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-15-23>, EDN: WHWSGC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В эпоху церковного раскола, когда изъяснение и объяснение своей позиции становятся едва ли не сущностью богословия как такового [1: 353], экзегетика меняет свой статус, переходя из разряда дополнительного учебно-методического инструментария христианских катехизисов в ведущий метод обсуждения догматических вопросов. Формируемое коммуникативное пространство строится на перекрестии речевых жанров, которые, согласно концепции М. М. Бахтина, включают в себя «тематическое содержание, стиль и композиционное построение» [2: 159] и образуют тем самым относительно устойчивые типы «проговариваемого-прописываемого» для определенных ситуаций общения.

Поскольку русский церковный раскол XVII века сопровождался интенсивным напи-

санием богословско-полюемических сочинений [3, 4], то определенный род текста (фр. genre – ‘род’), и в частности – «толкование», может быть итогом «кристаллизации» деятельности языковой личности. Это предположение обусловлено контекстом разработок «Московского методологического кружка» под руководством Г. П. Щедровицкого [5]. В рамках данного объединения и в настоящей работе под языковой личностью (вслед за Г. И. Богиным) мы понимаем человека, рассматриваемого с «точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [6: 5]. Приведенная дефиниция термина учитывает «активное», «деятельностное начало», что видно из самой последовательности употребленных инфинитивов: «производить → создавать → принимать». Поэтому в рамках «Московского методоло-

гического кружка» «герменевтика – это деятельность человека или коллектива при понимании или интерпретации текста или того, что может трактоваться как текст» [7: 1], причём именно от языковой личности зависит «усмотрение и предвидение способа дальнейшего действия с текстом», в том числе «жанроопределение» [7: 17]. Остановимся несколько подробнее на последнем утверждении. «Жанроопределение» возможно и со стороны языковой личности, создающей текст, и со стороны языковой личности читателя [7: 10–16]. Разумеется, указанные позиции (продюцента и реципиента) могут не совпадать. Более того, если тематическое содержание, стиль и композиционное построение речевого жанра «толкование» является результатом кристаллизации герменевтики как деятельности языковой личности, то исследователь «включается» в эту деятельность, осуществляя «толкование толкования», т. е. продолжает трактовку чего-либо с опозданием на четыре столетия.

Отметим (к сожалению – кратко, поскольку мы ограничены в объёме), что, помимо предложенной, существуют и иные точки зрения по теме статьи. В значительном массиве работ жанр «толкование» либо упомянут, но подробно не анализируется [8: 50, 9: 13], либо вообще не рассматривается как жанр, а видится смысловой частью христианской гимнографии [10: 11]. И в литературоведении [9, 11–15 и др.], и в лингвистике [16–21 и др.] справедливо преобладает точка зрения, что герменевтика присуща проповеди и древнерусскому ораторскому искусству, что не является противоречием нашей позиции, поскольку в координатах «Московского методологического кружка» деятельность шире жанра. В англо-саксонской литературной традиции есть аналог славянскому «толкованию», но он известен под другими номинациями: *speech* ('речь', 'слово о чем-то'), *homily* ('гомилія', проповедь с включением экзегетики) и *commentary* ('комментарий', чаще всего относится к письменному наследию Андрея Кесарийского) [22–24]. Жанроопределение, интерпретация и понимание текста толкования – прерогатива языковой личности, поэтому приходится учитывать лингвоперсонологический аспект наравне с герменевтическим.

Вокруг самой «Книги толкований и нравочений протопопа Аввакума» сложилась ситуация, близкая к парадоксу. Допустимо сравнить а) буквальность характеристики произведения в первом томе «Истории русской литературы» («она (Книга толкований. – примеч. З. А., М. Г.) включает толкования Аввакума на псалмы и другие библейские тексты» [25: 396]), и б) утверждение о соподчиненности этого со-

чинения и придворной драматургии «общим тенденциям» второй половины XVII века [26: 336]. Также можно сопоставить а) упоминание «как бы вскользь» в фундаментальной работе П. Паскаля [27], и б) признание отличия интерпретаций Аввакума «от традиционных памятников экзегезы, распространенных на Руси» [28: 7]. Контуры этой парадоксальной ситуации обусловлены разностью исследовательских позиций, приводящей к полярным точкам зрения на сочинение огнеопального протопопа.

Выход из сложившегося положения вещей видится нам в перефразированной формуле В. В. Колесова: «общий подход ... герменевтический, метод – системный анализ» [29: 6], взгляд на дело – лингвоперсонологический. Мы убеждены, что только в данном русле можно найти ключи к пониманию и традиционности, и новаторства в речевом жанре «толкование» эпохи русского церковного раскола, в частности, в «Книге...» протопопа Аввакума.

Прецедентность структурных признаков речевого жанра «толкование» в «Книге...» Аввакума

«Толкование» как литературный жанр, действительно, было перенесено на русскую почву из Византийской традиции. Вместе с тем уже В. В. Колесов отмечал, что в «средневековой Руси текст предстаёт как *essentia* 'сущность' <...> его надлежит ведать и сказать (растолковать, раскрыть)...» [29: 33]. К XVII веку толкование как специфический речевой жанр письменной коммуникации в среде идеологов старообрядчества раннего периода представлялся «действующим» и определенным образом структурированным. С одной стороны, на это указывает и критика «духовным сыном» Аввакума – Федором Ивановым – публикаций сторонников реформы Никона (Такъ по тому ихъ безбожному **толкованію** (полужирное выделение здесь и далее принадлежит нам. – примеч. З. А., М. Г.) [4: 32]), и несогласие с позицией самого огнеопального протопопа (И се его, господина Аввакума, **толкованіе** свидѣтельствуйте, – согласна ли со святыми отцы. Здѣ онъ тако **толкуеть**, пряся с нами, Аввакумъ; также ли пиша глаголетъ? – невѣмы [4: 107]). Очевидно, что бывший диакон не определяет тексты своих идейных оппонентов как «проповедь», «слово» или иной жанр древнерусского ораторского мастерства.

С другой стороны, закономерно, что сам Аввакум в одних местах «Книги...» то каламбурно соединяет «толкование» (но не проповедь!) с разговором и говорением вообще («много толковать-тово про антихриста-тово?» [3:

462]), то – в других её частях – разграничивает эти способы речевой деятельности («*Богослову ангель сказаль и протолковаль*» [3: 500]). Приведенные примеры в целом характерны и для остальных произведений протопопы [3: 6, 851–852, 899]. Вместе с тем разграничение *сказаль* и *протолковаль* выступает ещё одним косвенным указанием на «толкование» как специфический речевой жанр.

Полемика как со сторонниками (Федор Иванов), так и с противниками (Никон и его последователи) требовала учета некоторых устойчивых правил. По этой причине заданность структуры речевого жанра извне в той же мере признак её прецедентности, как и повторение в персональном творчестве – черта исключительного понимания границ и рамок у языковой личности.

Аввакум с самого начала «Книги...» акцентирует внимание читателя на традиции оформления своих последующих высказываний. «*Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его* (1-й стих 102-го псалма. – примеч. З. А., М. Г.). **Толкъ:** *Видь, душе, Христа закаляема на божественнѣй трапезѣ, и не бесѣдуй, окаянная, прилежно со други своими. Бога бо...* (текст оборван. – примеч. З. А., М. Г.) *Господа внутренняя и имя Его пресвятое...*» [3: 425]. Тематическое содержание «аввакумовской» части изложения как бы детерминировано содержанием стиха псалма. В сноске к этому фрагменту публикаторы оставляют следующее замечание: «**Толкъ** какъ здѣсь, такъ и далѣе, вездѣ очерчено круговидной линіей» [3: 425]. Источник этой графической детали следует искать в традиции экзегетической литературы, с которой были знакомы все защитники старого обряда. В их текстах обнаруживаются упоминания «толковых псалтырей» и славянского перевода толкований Андрея Кесарийского на стихи из Откровения Иоанна Богослова («Апокалипсис»). Оба источника не были напечатаны в XVII столетии [30], поэтому обратимся к рукописной традиции (рис. 1).

На изображении представлена маркировка текста «толкования» для славянского перевода Андрея Кесарийского (№ 1 – [31: л. 6 об.]),

«толковых псалтырей» (№ 2 – [32: л. 210], № 4 – [33: л. 45 об.]) и сборника с экзегетическими сочинениями (№ 3 – [34: л. 241]). Разные источники, почерки и века, но одно и то же воплощение на письме. Приведенными примерами из рукописей демонстрируется, что «круговидная линия» вокруг «толк», как палеографическая деталь, на протяжении пяти столетий (XIII – XVII) была частью схемы «стих↔толкование», присущей исключительно этому жанру.

Вероятно, изначально требовалось – во избежание недоразумений – разделить на письме интерпретируемый и интерпретирующий тексты. За несколько столетий схема «стих↔толкование» закрепилась как модель, координирующая минимум две метатекстовые единицы в рамках одного смыслового поля. Аввакум, следуя известным ему образцам, формально не отступает от выявленной выше структуры, но содержательно вносит существенные изменения, ранее этого периода нам неизвестные.

Прецедентность коммуникативных признаков речевого жанра «толкование» в «Книге...» Аввакума

Как было указано выше, интерпретирующий текст не мыслился как *физическое продолжение интерпретируемого*, потому что в таком случае автор ставил бы себя на одну ступень с псалмопевцем («Псалтырь» Давида) или с апостолом («Откровение» Иоанна Богослова), договаривая нечто за них. Сам феномен сочинения заключается в том, что вся «Книга...» – монолитное высказывание самого Аввакума, его герменевтическая деятельность, его позиция и «дерзновение» быть если не в одном ряду, то близко к авторитетным интерпретаторам: к Апостолу Павлу в его посланиях, к Златоусту в «Маргарите» и т. д.

Толкование протопопы воплощает собой связанное, параллельное ветхозаветному источнику, изложение. Это становится очевидным, когда мы обращаемся к интерпретации первых трёх стихов 102-го псалма в трёх источниках: двух толковых псалтырях и «Книге...» Аввакума [3: 427–428] (рис. 2).

№1	№2	№3	№4
XIII – нач. XIV вв.	Кон. XV в.	XVI в.	Сер. XVI в.

Рис. 1. «Толк» в рукописных памятниках XIII–XVI веков

Fig. 1. Designation of interpretation in manuscripts of the XIII–XVI centuries

№ стиха	Толковая псалтырь (Конец XV в.)	Толковая псалтырь (Первая четверть XVI в.)	Толкования в «Книге...» (Последняя треть XVII в.)
1	члѣкѣ вѣрныи дшю оѹстити да непрестани благословити га	члѣкѣ вѣрны и дшю оѹстити. да беспрестани блвнѣти га	Видь, душе, Христа закаляема на божественѣй трапезѣ, и не бесѣдуй, окаянная, прилежно со други своими. Бога бо... Господа внутренняя и имя Его пресвятое...
2	всѣмъ бо оѹдомъ дшевнымъ и тѣснымъ подобаетъ блвнѣти ба.	всѣ бо оѹдоу дшевны и телесны подобаетъ блвнѣти ба.	Душе моя окаянная, душе страстная, ужаснися, зряще тинства преславная, и, воздыхаючи, в перси бющи и глаголющи: Боже, очисти мя, якоже и блуднаго, не забывай, окаянная, воздаянїя Его ... отъ небытїя в бытїе приведе тя; тебя ради сотворилъ землю и небо, яко камару чудну устроилъ; солнце, и луна, и звѣзды тебѣ служить, и вся видимая тварь тебя трепещуть. Не забывай всѣхъ воздаянїй Его
3	не единой ни дважды срѣче множицею оѹбоѹжаетъ дшю си. на бню блвнѣти ба	не единою ни дважды срѣче множицею оѹбоѹжаетъ дшю си. на бнѣю блвнѣти ба	Видь, душе, ино преславное и ангеломъ удивительное: отпадшую ты ис породы в грязь и язвою ненсцѣльную уязвленну очистилъ и исцѣлилъ смотрѣнїемъ своимъ и бытїемъ на земли Сынъ, Слово Божїе, и Богъ. Благослови, душе моя, Господа!

Рис. 2. Интерпретация первых трёх стихов 102-го псалма в толковых псалтырях и «Книге...» Аввакума
Fig. 2. Interpretation of the first three verses of Psalm 102 in the explanatory psalms and the "Book..." of Avvakum

Приведенные данные требуют достаточно обширного комментария. Первое, на что мы обращаем внимание, так это на разницу («по горизонтали») между «толковыми псалтырями» и сочинением Аввакума. Если структурные признаки прецедентны и транслируются из века в век, то коммуникативное пространство, в котором живёт и действует огнеопальный протопоп, вынуждает его отказаться от прямого повторения компонентов содержания в интерпретациях. В противном случае это было бы списанное с оглядкой на известные образцы, вторичное произведение, максимум интересное как часть творческой лаборатории идеолога старообрядчества. Впрочем, при очевидной разнице в интерпретации конкретных стихов псалма, каждая из колонок («по вертикали») прецедентна по коммуникативной установке на связный текст. Благодаря этому спецификой жанра у Аввакума является выстраивание двух скоординированных изложений, каждое из которых выступает как метатекст. В зависимости от направленности читательской интенции, у адресата остаётся право на вариативность. Он может и охватывать всю структурную связку целиком («стих↔толкование»), и останавливаться только на самом псалме («стих↔стих»), и следить за мыслью в самом толковании («толкование↔толкование»). Хотя «Книга...» Аввакума и сохранилась с по-

вреждениями, читатель в состоянии осознать единство «авторских частей» за счет повторяющихся обращений к душе и упоминаний Бога.

Специфика герменевтики содержания первых двух стихов 102-го псалма в «Книге...» Аввакума

Инициальная часть рассматриваемого сочинения огнеопального протопопа начинается с толкований на 102-й псалом. Почему именно с него – вопрос пока открытый, требующий дополнительного изучения и не входящий в цели текущей статьи. Вместе с тем толкования на 102-й псалом интересны не столько отличием от «псалтырных» интерпретаций, как мы демонстрировали ранее, сколько самой составляющей изложения, формируемой языковой личностью. Речь идет не только о структурной прецедентности и коммуникативных характеристиках, но и о том, что входит в состав интерпретирующего текста.

Начнём с рассмотрения «толкования» на первый стих 102-го псалма. При внимательном прочтении выясняется, что это текст из псалтыри с воследованием [35: Хв об.], часть канона ко святому причащению, приписываемому Симеону Новому Богослову (рис. 3).

Следует отметить, во-первых, что в современных изданиях этот фрагмент отсутствует

«Книга...» Аввакума	Псалтырь с воследованием 1636 г.
Видь, душе, Христа закаляема на божественнѣй трапезѣ, и не бесѣдуй, окаянная, прилежно со други своими. Бога бо... Господа внутренняя и имя Его пресвятое...	вѣдѣ дѣе хѣ закаляема , навѣтвеннѣй трапезѣ . ине вѣдѣдѣй окаянная сѣдѣрѣги своили. вѣако прогнѣваеши многогрѣшна

Рис. 3. Толкование на первый стих 102-го псалма

Fig. 3. Interpretation of the first verse of Psalm 102

[36: 437], а во-вторых – благодаря именно современным Аввакуму изданиям удаётся частично восстановить поврежденный фрагмент сочинения. В финале толкования вклинивается вторая половина первого стиха 102-го псалма (*Господа внутренняя и имя Его пресвятое*), как бы закольцовывая композицию высказывания и одновременно координируя между собой разные части «Книги...».

Интерпретация второго стиха сложнее, поскольку представляет собой изощренную комбинацию из нескольких источников. Это «толкование» условно можно разбить на три части. В первой из них – продолжение последования ко святому причащению [35: хѣ об.], с замыкающим рефреном из интерпретируемого текста с некоторыми изменениями (в оригинале – *не забывай всѣхъ воздаяній Его*) (рис. 4).

Вторая часть представляет собой оборот, который несколько раз обнаруживается в последовании литургии Иоанна Златоуста [37: рѣз, рѣд- рѣд об.] в дониконовской редакции (рис. 5).

Финал толкования представляет собой, вероятно, сильно сжатую компиляцию нескольких текстов, которая закольцовывается рефреном «Не забывай...»: «*тебя ради сотворилъ землю и небо, яко камару чудну устроилъ; солнце, и луна, и звѣзды тебѣ служатъ, и вся видима тварь тебя трепещуть. Не забывай всѣхъ воздаяній Его*» [3: 427]. Возможно, что этот отрывок, с одной стороны, вдохновлен «Книгой пророка Исаяи» (Ис: 60: 19–19), а с другой – является творческим осмыслением молитвы из чина великого водоосвящения. Из всего вышесказанного следует, что Ав-

«Книга...» Аввакума	Псалтырь с воследованием 1636 г.
Душе моя окаянная, душе страстная, ужаснися, зрящее таинства преславная, и, воздыхаючи, в перси бѣючи и глаголющи: Боже, очисти мя, якоже и блуднаго, не забывай, окаянная, воздаянія Его ...	Дѣе моѣ окаянная , дѣе страстная , оужаснися , зрящи таинствѣ преславная . и воздыхаючи прослезися , вперси бѣючи , з'вѣщи иглющи . вѣже очисти мѣ , якоже и блуднаго

Рис. 4. Первая часть интерпретации второго стиха 102-го псалма

Fig. 4. The first part of the interpretation of the second verse of Psalm 102

«Книга...» Аввакума	Служебник 1651 г.
отъ небытія в бытіе приведе тя;	иже ѿнебытіа , во еже быти приведезъ всѣческаа ... ты ѿнебытіа въ бытіе насъ приведезъ еси

Рис. 5. Вторая часть интерпретации второго стиха 102-го псалма

Fig. 5. The second part of the interpretation of the second verse of Psalm 102

вакум, транслируя прецедентные структурные и коммуникативные характеристики речевого жанра, радикально меняет в его содержании ценность богослужебных текстов. Теперь вся гимнография, включая евхаристический канон (самое сердце и центр всего христианства!), превращена в материал для герменевтики конкретных стихов авторитетной, но *ветхозаветной* книги.

Заключение

Толкование как внешнее оформление деятельности, направленной на понимание, представляется самостоятельным, но сложноорганизованным речевым жанром в «Книге...» Аввакума. Образец, взятый за основу огнеопальным протопопом, представляет собой повторение структурной схемы «стих↔толкование», но с новаторством в самом подходе к интерпретации ветхозаветного источника. Вме-

сто поиска прообразов евангельских событий в псалтыри, Аввакум наделяет стихи псалма литургическим содержанием богослужения новозаветной церкви и тем самым – намеренно – как бы меняет ход божественного промысла. Происходит радикальная переоценка библейских текстов: всё свято чтимое православное предание, всё, включая евхаристический канон, произносимый перед причащением святых христовых тайн, оказываются вторичными, обломочными (на фоне цельности стихов псалма) высказываниями. Мы можем только предположить, что новаторство содержания в речевом жанре «толкование» является продолжением общей всем идеологам раннего периода старообрядчества идеализации религиозного опыта прошлых эпох. И, если мы правы, то каждая интерпретация в «Книге...» – это новое проявление языковой личности до сих пор обсуждаемого Аввакума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмеман А. Исторический путь Православия. М. : Омофор, 2016. 416 с.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений : в 7 т. / под ред. С. Г. Бочарова, Л. А. Гоготишвили. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари, 1997. С. 159–206.
3. Русская историческая библиотека. СПб. : [б. и.], 1872–1927. Т. 39 : Памятники истории старообрядчества XVII века. Кн. 1, вып. 1. 1927. ХСVII, 960 стлб.
4. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита. Т. 6. М. : Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1881. 335 с.
5. Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. Кн. 3 : Методологический подход в языковедении: 11 лекций 1974–1979 годов. М. : Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2007. 447 с.
6. Богин Г. И. Языковая личность как педагогическая проблема // Обретение способности понимать / под ред. Н. Ф. Крюковой. Т. 1. Работы разных лет по лингводидактике и языковой личности. Тверь : Тверской государственный университет, 2009. С. 5–12.
7. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. URL: <https://bookree.org/reader?file=599468&pg=0> (дата обращения : 30.08.2021).
8. Лихачёв Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Доклад советской делегации на V Международном съезде славистов. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 47–70.
9. Ерёмин И. П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М. ; Л. : Наука, 1966. 263 с.
10. Кусков В. В. История Древнерусской литературы. М. : Высшая школа, 1998. 335 с.
11. Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума (творческая история произведения). Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1974. 168 с.
12. Гончаров И. Н. Проповеди Григория Богослова и Кирилла Туровского как словесный ритуал // Сибирский филологический журнал. 2007. № 1. С. 4–8.
13. Антипова И. А. Способы толкования в «Словах» и «Притчах» Кирилла Туровского // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 2 (3). С. 133–135.
14. Чевела О. В. От притчи к аллегории: аллегореза как приём построения сакрального текста // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Филология. Искусствоведение. 2009. № 2. С. 280–285.
15. Рабенко Т. Г. Древнерусская духовная литература: традиции и новации проповедничества (на материале проповедей XI–XIII вв.) // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сборник научных статей. 2017. Т. 8, № 8. С. 163–169.
16. Розанова Н. Н. Коммуникативно-жанровые особенности храмовой проповеди // И. А. Бодуэн де Куртэнэ: Ученый. Учитель. Личность. Красноярск : Красноярск. гос. ун-т, 2000. С. 25–41.
17. Расторгуева М. Б. Речевой жанр церковно-религиозной проповеди : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 26 с.
18. Кузьмина К. А. Структурные и языковые особенности проповеди как речевого жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 22 с.
19. Савин Г. А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре современной православной проповеди : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 26 с.
20. Валентинова О. И. Архетипические признаки средневекового богословского текста и их трансформация // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3 (48). С. 109–118.
21. Медведев Е. Ю. Семантическая структура православной литургической проповеди : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 136 с.
22. Chase F. H. Chrysostom, a study in the history of biblical interpretation. Cambridge, Deighton, Bell, & co. : [etc., etc.], 1887. 230 p.

23. Constantinou E. S. Guiding to a Blessed End: Andrew of Caesarea and His Apocalypse Commentary in the Ancient Church. Washington, D. C. Catholic University of America Press, 2013. 350 p.

24. Holmes S. M. The Latin literature of liturgical interpretation: Defining a genre and method // *Studia Liturgica* / ed. Peter C. Bower. Driebergen, 2013. P. 76–92.

25. Панченко А. М. Литература «переходного века» // История русской литературы / под ред. Н. И. Пруцкова. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 291–407.

26. Демин А. С. О художественности древнерусской литературы: Очерки древнерусского мировидения от «Повести временных лет» до сочинений Аввакума. М. : Языки рус. культуры ; Кошелев, 1998. 847 с.

27. Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола. М. : Языки славянской культуры, 2016. 680 с.

28. Сочива Т. А. «Книга толкований и нравочений» протопопа Аввакума в контексте литературного наследия писателя : дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2017. 253 с.

29. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петербургское востоковедение, 2007. 624 с.

30. Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках : сводный каталог. М. : [б. и.], 1958. 150 с.

31. Апокалипсис с толкованием святителя Андрея Кесарийского, XIII – нач. XIV вв. // ОР РГБ. Ф. 256. № 8. 110 л.

32. Псалтырь толковая с прибавлениями, Кон. XV в. // ОР РНБ. Ф. 717. ОР Сол. 1044/1153. I + 364 л.

33. Псалтырь толковая, с толкованиями свт. Афанасия Александрийского, Перв. четв. (10-е г.?) XVI в. // ОР РГБ. Ф. 98. № 90. 305 л.

34. Сборник, из шестнадцати отрывков [Уточненное загл. по доп. описи] : Сборник летописно-хронографических статей, толкований и пр. XVI в. // ОР РГБ. Ф. 113. № 583. 415 л.

35. Псалтырь (с воследованием) 1636 г. // ОР РГБ. Ф. МК РГБ. Ед. хр. 1690. 661 л.

36. Псалтырь следованная. М. : Донской монастырь, 1993. 466 с.

37. Служебник 1651 г. // ОР РГБ. Ф. МК РГБ. Ед. хр. 7. 444 л.

REFERENCES

1. Shmeman A. *Istoricheskii put' Pravoslaviia* [The Historical Path of Orthodoxy]. Moscow, Omofor Publ., 2016. 416 p. (in Russian).

2. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. In: *Sobranie sochinenii: v 7 t. Pod red. S. G. Bocharova, L. A. Gogotishvili. T. 5. Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh godov* [Collected works : in 7 vol. Bocharov S. G., Gogotishvili L. A., eds. Vol. 5. Works of 1940 – early 1960s]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, pp. 159–206 (in Russian).

3. *Russkaia istoricheskaia biblioteka T. 39 : Pamyatniki istorii staroobryadchestva XVII veka: Kn. 1, vyp. 1* [Russian Historical Library. Vol. 39. Monuments of the history of the Old Believers of the 17th century, book 1, iss. 1]. Saint Petersburg, 1927. XCVII, 960 columns (in Russian).

4. *Materialy dlia istorii raskola za pervoe vremia ego sushchestvovaniia, izdavaemye Bratstvom sv. Petra*

mitropolita. T. 6 [Materials for the history of the schism for the first time of its existence, published by the Brotherhood of St. Nicholas. Peter the Metropolitan. Vol. 6]. Moscow, Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana, 1881. 335 p. (in Russian).

5. Shchedrovitskii G. P. *Znak i deiatel'nost'. Kn. 3 : Metodologicheskii podkhod v yazykovedenii: 11 lektsii 1974–1979 godov* [Sign and activity. Book 3 : Methodological approach in Linguistics : 11 lectures 1974–1979]. Moscow, Nekommercheskii nauchnyi fond “Institut razvitiya im. G. P. Shchedrovitskogo”, 2007. 447 p. (in Russian).

6. Bogin G. I. Language personality as a pedagogical problem. In: *Obretenie sposobnosti ponimat'. Pod red. N. F. Kryukovoi. T. 1. Raboty raznykh let po lingvodidaktike i yazykovoii lichnosti* [Kryukova N. F., ed. Gaining the ability to understand. Vol. 1. Works of different years on linguodidactics and linguistic personality]. Tver, Tver State University Publ., 2009, pp. 5–12. (in Russian).

7. Bogin G. I. *Gaining the Ability to Understand: An Introduction to Philological Hermeneutics*. Available at: <https://bookree.org/reader?file=599468&pg=0> (accessed 30 August 2021) (in Russian).

8. Likhachev D. S. The system of literary genres of Ancient Russia. In: *Doklad sovetsoi delegatsii na V Mezhdunarodnom s"ezde slavistov* [Report of the Soviet delegation at the V International Congress of Slavists]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963, pp. 47–70 (in Russian).

9. Eremin I. P. *Literatura Drevnei Rusi: Etiudy i kharakteristiki* [Literature of Ancient Russia: Sketches and characteristics]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 263 p. (in Russian).

10. Kuskov V. V. *Istoriia Drevnerusskoi literatury* [The History of Ancient Russian Literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1998. 335 p. (in Russian).

11. Demkova N. S. *Zhitie protopopa Avvakuma (tvorcheskaiia istoriia proizvedeniia)* [The life of Protopop Avvakum (the creative history of the work)]. Leningrad, Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1974. 168 p. (in Russian).

12. Goncharov I. N. The sermons of Gregory the Theologian and Kirill Turovsky as a verbal ritual. *Siberian of Philology Journal*, 2007, no. 1, pp. 4–8 (in Russian).

13. Antipova I. A. Methods of interpretation in the “Words” and “Parables” of Kirill Turovsky. *Herald of Vyatka State University*, 2008, no. 2 (3), pp. 133–135 (in Russian).

14. Chevela O. V. From parable to allegory: Allegoresis as a method of constructing a sacred text. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Philology. Art History*, 2009, no. 2, pp. 280–285 (in Russian).

15. Rabenko T. G. Old Russian spiritual literature: traditions and innovations of preaching (based on the material of sermons of the XI–XIII centuries). *Man and Language in the Communicative Space : coll. of sci. arts.*, 2017, vol. 8, no. 8, pp. 163–169 (in Russian).

16. Rozanova N. N. Communicative and genre features of the temple sermon. In: *I. A. Boduen de Kurtene: Uchenyi. Uchitel'. Lichnost'* [I. A. Baudouin de Courtenay: A Scientist. Teacher. Personality]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University, 2000, pp. 25–41 (in Russian).

17. Rastorgueva M. B. *The Speech Genre of the Church-religious Sermon*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Voronezh, 2005. 26 p. (in Russian).

18. Kuz'mina K. A. *Structural and Linguistic Features of the Sermon as a Speech Genre*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2006. 22 p. (in Russian).
19. Savin G. A. *Communicative Strategies and Tactics in the Speech Genre of Modern Orthodox Preaching*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2009. 26 p. (in Russian).
20. Valentinova O. I. Archetypal signs of the medieval theological text and their transformation. *Questions of Cognitive Linguistics*, 2016, no. 3 (48), pp. 109–118 (in Russian).
21. Medvedev E. Iu. *Semantic Structure of the Orthodox Liturgical Sermon*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2017. 136 p. (in Russian).
22. Chase F. H. *Chrysostom, a study in the history of biblical interpretation*. Cambridge, Deighton, Bell, & co. : [etc., etc.], 1887. 230 p.
23. Constantinou E. S. *Guiding to a Blessed End: Andrew of Caesarea and His Apocalypse Commentary in the Ancient Church*. Washington, D. C. Catholic University of America Press, 2013. 350 p.
24. Holmes S. M. *The Latin literature of liturgical interpretation : Defining a genre and method*. Bower P. C., ed. *Studia Liturgica*, Driebergen, 2013, pp. 76–92.
25. Panchenko A. M. *Literature of the "transitional age"*. *Istoriia russkoi literatury. Pod red. N. I. Prutskova. T. 1. Drevnerusskaya literatura. Literatura XVIII veka* [Prutskov N. I., ed. History of Russian literature. Vol. 1. Ancient Russian literature. XVIII century literature]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1980, pp. 291–407 (in Russian).
26. Demin A. S. *O khudozhestvennosti drevnerusskoi literatury: Ocherki drevnerusskogo mirovideniia ot "Povesti vremennykh let" do sochineniy Avvakuma* [About the artistry of Old Russian literature: Essays of Old Russian worldviews from "The Story of time years" before the writings of Avvakum]. Moscow, Koshelev, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 847 p. (in Russian).
27. Paskal' P. *Protopop Avvakum i nachalo raskola* [Protopop Avvakum and the beginning of the schism]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2016. 680 p. (in Russian).
28. Sochiva T. A. *"The Book of Interpretations and Moral Teachings" by Archpriest Avvakum in the Context of the Writer's Literary Heritage*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Vologda, 2017. 253 p. (in Russian).
29. Kolesov V. V. *Russkaia mental'nost' v iazyke i tekste* [The Russian Mentality in the Language and Text]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2007. 624 p. (in Russian).
30. Zernova A. S. *Knigi kirillovskoi pechati izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh : svodnyi katalog* [Books of the Cyrillic Press Published in Moscow in the XVI–XVII Centuries : a Consolidated Catalog]. Moscow, 1958. 152 p. (in Russian).
31. The Apocalypse with comments by Andrew of Caesarea, Slavic translation, manuscript XIII-beginning. XIV centuries. *OR RGB, F. 256, № 8* [Department of Manuscripts of the Russian State Library, Fund 256, no. 8. 110 sheets] (in Russian).
32. The explanatory Psalter with additions, a manuscript of the end of the XV century. *OR RNB, F. 717, OR Sol. 1044/1153* [Department of Manuscripts of the Russian National Library, Fund 717 : Department of manuscripts of the Solovetsky monastery no. 1044/1153. I + 364 sheets] (in Russian).
33. The psalter is an explanatory one, with the interpretations of Svt. Athanasius of Alexandria, a manuscript of the first quarter (or 10th years) of the XVI century. *OR RGB, F. 98, № 90* [Department of Manuscripts of the Russian State Library, Fund 98, no. 90. 305 sheets (in Russian).] 34. A collection of sixteen excerpts. (Updated title according to the Additional inventory : A collection of chronicle and chronographic articles, interpretations, etc. of the XVI century). *OR RGB, F. 113, № 583* [Department of Manuscripts of the Russian State Library, Fund 113, no. 583. 415 sheets] (in Russian).
35. *Psaltir' (s vossledovaniem) 1636 g.* [Psalter (with ascension) of 1636]. *OR RGB, F. MK RGB., ed. khr. 1690* [Department of Manuscripts of the Russian State Library, Fund MK RS L. Storage unit 1690. 661 sheets] (in Russian).
36. *Psaltir' sledovannaia* [The Psalter followed]. Moscow, Donskoy monastyr', 1993. 467 p. (in Russian).
37. Orthodox Service Book of 1651. *OR RGB, F. MK RGB, ed. khr. 7* [Department of Manuscripts of the Russian State Library, Fund MK RS L. Storage unit 7. 444 sheets] (in Russian).

Поступила в редакцию 12.08.2021; одобрена после рецензирования 15.10.2021; принята к публикации 17.11.2021
The article was submitted 12.08.2021; approved after reviewing 15.10.2021; accepted for publication 17.11.2021

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 24–35

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 24–35

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-24-35>, EDN: SDIWWS

Научная статья

УДК 811.161.1'27

На полях типологии речевых жанров: кроссворд

М. М. Халиков

Самарский государственный университет путей сообщения, Россия, 443063, г. Самара,
ул. Свободы, д. 2В

Халиков Магомед Магомедович, доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой лингвистики, magomed_samara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1306-632X>

Аннотация. Популярный социокультурный феномен, кроссворд, рассматривается как особый аспект некодифицированной (народной) лингвистики, спонтанной, не обусловленной институциональной интенцией практики рефлексирования людей над языком в референтно-инструментальном поле обыденного сознания. Основная задача публикации – показать, что в дискурсивном формате кроссворда актуализируются фундаментальные знания, понятия и категории из предметно-проблемной области лингвистики слова (лексикологии); жанрово-специфично для этой формы коммуникации отсутствие единой стратегии презентации лингвистических знаний, которые предстают перед адресатом в широком спектре модально-прагматической интонированности – от строго-лексикографической до пародийно-комической. Кроссворд выступает как семиотически многоплановое образование, интегрирующее в своей субстанции разные аспекты онтологии коммуникативно-информационного продукта: визуальное и вербальное, игру и академизм, стандарт и творчество. Многоплановая семиотическая природа кроссворда обуславливает его особое место в типологии текстов и речевых жанров – категорий, в которых воплощается лежащая в основе всякого интеллектуального произведения формообразующая интенция. Это креолизованный (полимодальный, синкретичный) текст с доминированием изобразительной семиотики и функции зрительной репрезентации; в систематике речевых жанров кроссворд занимает периферийное положение – ввиду комбинаторной специфики своей субстанции и многоплановости дискурсивных свойств. При анализе эмпирического материала, извлеченного из двух досугово-специализированных периодических изданий, выявляется обусловленное форматом коммуникации своеобразие актуализации знаний о лингвистической природе слова.

Ключевые слова: кроссворд, игра, визуальное, вербальное, дискурсивные стратегии, понятия и категории лексикологии, семантика и прагматика слова

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения».

Для цитирования: Халиков М. М. На полях типологии речевых жанров: кроссворд // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 24–35. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-24-35>, EDN: SDIWWS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

In the margins of the speech genres typology: A crossword puzzle

M. M. Khalikov

Samara State Transport University, 2B Svobody St., Samara 443063, Russia

Magomed M. Khalikov, magomed_samara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1306-632X>

Abstract. A popular socio-cultural phenomenon, the crossword puzzle, is considered a peculiar aspect of uncodified (folk) linguistics, a spontaneous, not conditioned by an institutional intention, practice of reflecting people on the language in the referent-instrumental field of everyday consciousness. The main objective of the publication is to show that the discursive format of the crossword puzzle actualizes fundamental knowledge, concepts and categories from the thematic area of the word linguistics (lexicology). The lack of a unified strategy for the presentation of linguistic knowledge, which appears before the addressee in a wide range of

modal-pragmatic intonation – from the ones which are strict lexicographic to the comic ones – is specific for this form of communication as a speech genre. A crossword puzzle acts as a semiotically multifaceted formation, integrating in its substance different aspects of the ontology of the communicative-information product: visual and verbal, play and academicism, standard and creativity. The multifaceted semiotic nature of the crossword puzzle determines its special place in the typology of texts and speech genres – the categories in which the form-creating intention underlying any intellectual work is embodied. It is a creolized (polymodal, syncretic) text dominated by pictorial semiotics and visual representation functions; in the speech genres systematics, the crossword puzzle occupies a peripheral position – due to the combinatorial specificity of its substance and the multifaceted discursive properties. Based on the analysis of the empirical material extracted from two leisure-specialized periodicals, the author reveals the peculiarity of updating knowledge about the linguistic nature of the word due to the format of communication.

Keywords: crossword puzzle, game, visual, verbal, discursive strategies, concepts and categories of lexicology, semantics and pragmatics of the word

Acknowledgments. Research for this work was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 20-011-00622 “Philosophy as action: the pragmatics of textual conduct”.

For citation: Khalikov M. M. In the margins of the speech genres typology: A crossword puzzle. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 24–35 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-24-35>, EDN: SDIWWWS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Постановка проблемы

Современное общество принято называть досуговым (*leisure society*), и значительная часть досуговой деятельности осуществляется в виде социокоммуникативных практик, к числу которых относится и кроссворд. Чрезвычайная популярность кроссворда и возникших в русле его онтологии других форм игрового использования словесного материала дает основание рассматривать его не только как важнейший элемент досуговой практики, но и как явление, отражающее существенные аспекты глобального антропологического дискурса. Кроссворд – эмблематическое явление современной культуры, в которой поиск смысла и истины становится все более интеллектуально-обременительным и человек в режиме нон-стоп мучим вопросами: *А где же правда? Кому верить? Что происходит в мире?* (Неслучайно выражение *когнитивный диссонанс* относится к числу наиболее частотных в коммуникативном обиходе.) Эту стратегию интеррогативности – важнейший признак, характеризующий ментальное состояние современного человека, – кроссворд транслирует в область коммуникативных практик, придав ей интеллектуально-игровую модальность, осложненную другими функциональными задачами. Кроссворд включается в фундаментальную для человеческого сознания когнитивную оппозицию «серьезное – игровое», в идеологическом пространстве которой ей отведена двойная роль: 1) функционирование в качестве рекреативного механизма, обеспечивающего человеку возможность отвлечения от нагрузки повседневной жизни и сохранения своего физического и психоэмоционального благопо-

лучия; ср.: «...игра имеет ярко выраженную компенсаторную функцию, предстает как катарсис» [1: 62]; 2) удовлетворение потребности человека в разнообразии жизни, в диверсификации экзистенциального опыта: «Люди нуждаются в естественных, а если таковых не хватает, искусственных источниках разнообразия, без чего невозможен творческий процесс, невозможно воспроизводство» [2: 149].

Таким образом, кроссворд представляет собой полифункциональный интеллектуальный объект, в феноменологии которого могут быть выделены разные аспекты – семиотический, функциональный, психологический, эстетический и др. В настоящей публикации предпринята попытка изучения кроссворда в лингвистическом ракурсе, с точки зрения специфики актуализации в нем важнейших характеристик словесной субстанции языка. Материал исследования собран на страницах журнала «Салон кроссвордов» и газеты «Русский кроссворд» (2018–2022 гг.). Выбор этих изданий в качестве источника эмпирических данных объясняется их принадлежностью к категории качественной прессы и высокими интеллектуальными стандартами, которыми руководствуются их авторы.

Кроссворд как элемент неcodифицированного (народного) лингвистического дискурса

Работа с кроссвордами (составление и разгадывание) в интеллектуально-содержательном плане представляет собой специфический аспект рефлексии над языком, аналитического восприятия и проблематизации суб-

станции языка. Потребность в осмыслении языка в той же мере свойственна нашему сознанию, в какой сам язык представляет наш интеллектуальный и социальный образ. Дискурс рефлексии над языком имманентно вписан в процесс коммуникативного семиозиса как онтологическая его составляющая; когнитивно-типологические манифестации этого дискурса разнообразны, а его идеализированным воплощением в системе знаний стала лингвистика – продукт кристаллизации мирового опыта познания языка, образцовое и концентрированное выражение этого опыта. Но и обыденное сознание людей продолжает рефлексировать о феномене языка и вербальной коммуникации; повседневный обиход декорирован спорадическими размышлениями и беседами о происхождении, разнообразии, функционировании и эволюции языков. Таким образом, в эпистемологическом дискурсе языка сформировались две линии: институциональная (кодифицированная) лингвистика, развиваемая профессиональными языковедами и трактуемая многими как методологическая платформа всей гуманитарно-научной исследовательской мысли (ср. название статьи Б. М. Гаспарова «Теоретическая лингвистика как миропонимание» [3]), и некодифицированная, институционально-неоформленная («народная», «стихийная», «наивная») лингвистика, культивируемая бытовым сознанием и повседневной речемыслительной практикой людей. Весьма примечательно, что наметилась тенденция к выделению и концептуальному оформлению в составе институциональной лингвистики отдельного исследовательского направления, задачей которого должно стать изучение общенародного опыта познавательного наблюдения над языком. Предлагаются различные варианты наименования этой научной отрасли, помимо упомянутых выше – «бытовая лингвистика», «любительская лингвистика», «обыденная лингвистическая гносеология», «лингвистика метаязыкового сознания» [4: 371]. В данной работе принята формулировка «народная лингвистика» – как продолжающая традицию (вспомним народную этимологию) и созвучная уже укоренившемуся за рубежом термину *folk-linguistics*.

Народная лингвистика не очерчена в своих предметно-понятийных границах, растворена в общей структуре социокоммуникативных практик, многопланова в формах проявления и взаимодействия с другими видами интеллектуально-информационной деятельности; это и спонтанное, не обусловленное актуальными коммуникативными целями размышление о богатстве синонимии в каком-то сегменте лексической системы; и естественный для обиходной сферы семантический запрос (*Гло-*

ясни, что значит это слово), и метаязыковое предупреждение нежелательного иллюкативного эффекта (*Нам нужен скандал в хорошем смысле слова*); и обширный дискурс языковой игры, реализуемый, в значительной своей части, по модели дидактических практик (*загадки, шарады, ребусы и т.д.*).

Последний аспект имеет особое значение для развития феноменологии кроссворда, который возник и функционирует как продукт игровой транспозиции проблематики языка и процессуальную сущность которого составляет досуговая, не связанная с реальными коммуникативными потребностями, интерпретация и актуализация субстанциональных свойств языкового материала. Условием осуществления игровых манипуляций с планом выражения и планом содержания слова (что и составляет предметно-операциональную специфику кроссворда) является когнитивная (аналитическая, интерпретационная) рецепция языковой субстанции; поэтому кроссворд входит в онтологическую область некодифицированной (народной) лингвистики в качестве релевантной феноменологической ее составляющей. Как будет показано ниже, в вербально-содержательной фактуре кроссворда воспроизводится ключевая проблематика лингвистики слова, актуализируются важнейшие понятия и категории лексико-семантической системы языка.

Текстовый и жанровый статус кроссворда

Понятие текста не поддается терминальной экспликации, оно в той же мере диффузно и пластично, как и остальные слова языка. В разнообразии текстовых объектов особое место принадлежит формированиям синтетического (гибридного) характера. К числу последних относится и кроссворд: в нем превалирует аспект визуальной эстетической фигуративности, слова также используются в нем как оптически релевантные объекты, обладающие свойством членимости на обозримое количество конструктивных элементов (букв). Слово – явление двуплановое, единство плана содержания и плана выражения составляет его сущность, вне этого модуса оно не может ни возникнуть, ни функционировать. Поэтому в качестве объекта манипулирования в кроссвордном тексте выступает не только графическая форма слова, но и его семантика, содержательная сторона языка.

Понятие жанра переносит текст из мира лингвистических объектов в широкий контекст идеологии, ценностных мотивов и алгоритмов социокультурной коммуникации, определяет границы интенциональной свободы и параметры социально-контекстной, риторико-прагматической, эмоционально-эстетической организа-

ции текста, фиксирует его место в устоявшейся системе систематике коммуникативно-релевантных явлений. Жанровая определенность и демаркация кроссворда в структуре социокоммуникативных практик не вызывает сомнения, а в типологии речевых жанров он занимает периферийное положение, в зоне актуализации двуплановой онтологии текстовых феноменов.

Дискурсивные стратегии кроссворда

СТИЛИЗАЦИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

В кроссворде может быть академически строго воспроизведена энциклопедическая (лексикографическая) дефиниция слова. В этом случае семантические формулы характеризуются когнитивной полнотой репрезентации концепта и минимальным использованием словесного материала:

*Миллионная часть метра (МИКРОН);
Одиннадцатиметровый удар в футболе
(ПЕНАЛЬТИ).*

Примечательной стороной таких построений является также безусловная идентичность денотата в обеих частях когнитивной пары и возможность реверсирования семантической формулы (можно читать и справа налево). Такой тип кроссвордной дефиниции можно назвать концептно-актуализованным, в нем раскрывается предметно-сигнификативная онтология слова; этим он отличается от другого типа определения, контекстно-актуализованного, ориентированного на раскрытие связей слова с другими элементами языка, картины мира и коммуникативного контекста. Вот несколько примеров контекстно обусловленных дефиниций:

*Драгоценный камень (САПФИР)
(возможно множество решений, выбор
зависит от буквенной композиции);
Борется с болезнями (МЕДИЦИНА)
(связь между дефиницией и лексемой –
вероятностная, возможно альтернативное
решение: ВРАЧ);
Любимый поэт Бродского (ОДЕН)
(актуализована связь с культурологическим
контекстом).*

Несмотря на имеющиеся различия в способах вербальной репрезентации денотата, все кроссвордные определения интенционально ориентированы на функционал толковых словарей; впрочем, здесь моделируются и другие типы словарей: синонимические – *Выпивоха, пьяница, пропойца (АЛКОГОЛИК)*, антонимические – *Триумф наоборот (ФИАСКО)*, идеографические – *Дирижерский пиджак (ФРАК)* и др.

КОГНИТИВНОЕ ДЕЗОРИЕНТИРОВАНИЕ

Усложнение процесса идентификации искомого концепта/денотата – важнейшая стратегическая цель разработчика кроссворда; для ее достижения используются разнообразные лингвистические механизмы, в значительной своей части сводимые к технике косвенной номинации. Часто используется прием создания внутреннего противоречия в семантике и предметно-референтной структуре определенной лексической группы; противоречие заключается в том, что в кроссвордном определении актуализируются одновременно два разных фрагмента действительности, но при этом искомым денотат включен в структуру только одного из этих фрагментов, а определяющая формула ориентирует адресата на первоочередное восприятие альтернативной картины действительности. В конкурентной рецепции возникают разного рода дополнительные смысловые и прагматические (игровые, комические, гедонистические) эффекты. Рассмотрим пример:

*Одна из причин для открытия счета
(НОКАУТ).*

Лексическая группа *открыть счет*, приоритетно воспринимаемая языковым сознанием как относящаяся к банковской сфере, здесь транспонирована в предметно-референтную область спортивных единоборств; она меняет значение ключевого слова *счет* с метафорического на буквальное, но автор как бы не замечает этой трансформации и декларирует ложное тождество обеих предметно-дискурсивных областей. Игра прямого и переносного значений, рецепция разнотипных ситуаций в едином концептуальном ракурсе служат заявленной выше цели – созданию эффекта затемнения семантики.

В предыдущем определении заметна нестандартность предметно-логических связей внутри определяющей конструкции: банковская операция обычно не трактуется в аспекте причинности. В следующем случае возможность выбора между прямым и переносным значением не маркирована, идентификация денотата происходит по формальному критерию, с учетом распределения букв:

Наложат – не вывезешь (ЭМБАРГО).

Интерференция предметно-референтных ситуаций с сопутствующими металингвистическими эффектами имеет место и в следующем примере:

Он свое получит – по почте (АДРЕСАТ).

Здесь реализован прием обманутого ожидания. Фраза «Он свое получит» в узуальном употреблении прогнозирует неприятности для субъекта референции, но этот аспект семантики нейтрализуется появлением обстоятельственной группы *по почте*, которая переводит смысл высказывания из области косвенной номинации в сферу прямых предметных значений.

Способом когнитивного дезориентирования в кроссвордах является и трансформация существенных связей предметного мира – от объективно-очевидных к фиктивно-игровым; на окказиональном переформатировании атрибутивных отношений построен следующий пример:

Лошадиное счастье (ПОДКОВА).

Определительная формула настраивает на смысловое решение «Предмет, способный сделать лошадь счастливой», по которому животному приписывается роль бенефициара. Фактически же ему, согласно кроссворду, отведена противоположная роль – донора. Контраст словесно-текстовых и объективно-смысловых интерпретаций создает юмористический эффект.

В таких текстовых построениях лексическая субстанция языка выступает как инструмент комически-игровой организации дискурса, что приближает их к таким социокультурным коммуникативным практикам, как розыгрыш, перформанс, маскарад, театр.

КРЕАТИВНОСТЬ

Кроссворд функционирует в особом поле субъективности дискурса, его конструктивно-значимым элементом является активная (интерактивная) роль реципиента в формировании завершённой текстовой композиции продукта. Всякая игра по своей сути интерактивна, и дискурсивная полнота кроссворда возникает как продукт интерактивной творческой деятельности. В кроссворде кооперативная вовлечённость реципиента тем выше, чем больше он воспринимает это занятие как нетривиальный интеллектуально-творческий процесс, как возможность успешной когнитивной самореализации в этой деятельности и достижения при этом гедонистического эффекта. По существу, здесь речь идет о мотивационном аспекте игровой деятельности, о мере заинтересованности реципиента быть субъектом коммуникативно-игрового действия. Эта психологическая составляющая выступает в кроссворде как прогнозируемая и регулируемая величина, функционал которой, как уже отмечалось, коррелирует с инновационно-креативными характеристиками конкретного интеллектуально-игрового произведения.

Применительно к исследуемому материалу представляется возможным говорить о трех аспектах авторской креативности, которые напрямую продуцируют прагматику восприятия кроссворда адресатом как инновационно-творческого произведения и источника интеллектуального удовольствия. Эти три аспекта таковы: беллетризация, юмор, языковой эксперимент.

Беллетризация реализуется как интенция к преодолению академизма, одномерности и статичности лексикографического дискурса, который, как отмечалось выше, выступает в качестве прототипической модели кроссворда. Основными приемами деакадемизации и воплощения субъективной модальности в кроссворде являются: усиление эмоционально-коннотативного и ослабление денотативного аспекта в процессах лексической номинации *Цветок – ну просто конфетка (ИРИС)*; построение кроссвордного определения по схеме бытового нарратива *Прибор, что висит на стене, но часто падает (БАРОМЕТР)*; широкое применение средств лексической фигуративности, прежде всего – метафоры *Сердце Египта (КАИР)*.

Юмор и творчество взаимосвязаны. Юмористический речевой акт интерактивен по своей природе, при отсутствии смеховой реакции он нерелевантен как коммуникативное событие. В кроссворде юмор играет конструктивную роль как способ создания эмоционально-игровой атмосферы, располагающей к творчеству. Частотна в этом типе текстов номинация, в основе которой лежит существенный логико-референционный сдвиг: *Курица в декрете (НАСЕДКА)*; *Насморк у медицинского работника (РИНИТ)*.

Языковое экспериментирование по своей сущности есть творческий акт, в ходе которого создается инновационный вербальный продукт с заданными прагматическими свойствами. Можно выделить две грани этого процесса: окказиональное словообразование и перекодирование нормативно-узуальных предметных и синтагматических связей. Они будут раскрываться ниже, в соответствующих разделах статьи.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

Кроссворд построен на идее игрового моделирования дидактического дискурса. Но есть и частный аспект игровой феноменологии кроссворда, он связан с идеей трактовки лексической субстанции языка как материала для игровой творческой преобразующей деятельности, имеющей целью усложнение процесса лингвистической идентификации искомого слова и достижение «комического или гедонистического эффекта» [5: 55]. Техника языковой игры в кроссворде, как правило,

состоит в эксцентрически-инновационной окказиональной трактовке существенных аспектов узуального бытования слова – субстанциональных и реляционных. Весьма распространена практика деконструкции отношений между планом выражения и планом содержания, в результате которой существенным образом видоизменяется предметно-референтная фокусировка слова. В этих целях довольно часто эксплуатируется лексическая омонимия – традиционный объект игрового манипулирования языковым материалом; примечательно, что в фокусе творческой рецепции оказывается мера нетривиальности способа окказиональной вербальной репрезентации выступающего в омонимичной связке концепта; о значимости этой интенции свидетельствует практика варьирования техники лексической номинации одного и того же омонимичного концепта; ср., например, варьирование способов комической репрезентации слова АВГУСТ в разных кроссвордных композициях:

*Месяц с манией величия; Месяц на троне;
Императорский месяц.*

Во всех трех случаях творчески используется узуальная омонимия ‘название месяца – римский император’, но при этом для достижения экспрессивно-окрашенного впечатления новизны актуализованы разные аспекты лексической субстанции языка: коннотативная семантика, метонимия, идиоматика.

Омонимия в кроссвордах может быть и динамической, контекстно-инспирированной, актуальной для данного случая:

Сыроежка из басни (ВОРОНА).

В противоречиво-эксцентрическом симбиозе оказались здесь узуальная (‘сорт грибов’) и окказионально-прецедентная (‘орнитология’) предметно-референтные функции слова; но эффект противоречия как будто нейтрализуется убедительностью мотивировки, лежащей в основе переосмысления слова в духе народной этимологии.

Окказиональная омонимия построена на эффекте обманутого ожидания, на радикальном переформатировании узуальных коллокаций; при этом степень ее экспрессивности, комической и гедонистической действенности тем выше, чем менее предсказуема для данной лексемы актуализованная в кроссвордной дефиниции локально-контекстная семантика:

*Человек, приходящий на выручку
(НАЛОГОВИК).*

Идиома *приходить на выручку* трактуется языковым сознанием исключительно как

элемент синонимической группы *оказать содействие, поддержать, помочь выбраться из затруднительного положения*. В данном примере эта единственная для узуального употребления смысловая реализация ключевого слова (*выручка*¹ «помощь») замещена эксцентричной по отношению к узусу его семантической интерпретацией (*выручка*² «доход, финансовые поступления»).

Для демонстрации активной роли омонимии и доминирования фактора креативности в технике языковой игры приведем еще ряд примеров:

Пиковая дама (АЛЬПИНИСТКА); Голосистый плуг (ОРАЛО); Родственница в больнице (СЕСТРА); Любит пить из горла (ВАМПИР).

Как видно, игровая вербальная интенция часто реализуется во взаимодействии с нестандартными мыслительными действиями, целью которых является создание эффекта остраннения, когнитивного диссонанса, логического парадокса. Для разбалансировки семантической оптики иногда используются нарративные миниатюры:

Если будет сторониться женщин, у него есть шанс стать папой (ЕПИСКОП).

Два существенных момента характерны для подобного рода построений: 1) создается локально-релевантное поле динамической дихотомии «узуальная номинация – окказиональная номинация»; 2) генерируются яркие и разноплановые позитивно-эмоциональные эффекты, сопутствующие творчеству, сопоставимые с катарсисом в искусстве.

Слово в лингвистической оптике кроссворда

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНСТРУКТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ СЛОВА

Ввиду первостепенной значимости зрительного канала восприятия наше сознание фиксирует кроссворд прежде всего как визуально-пространственный объект; изобразительная функция предопределяет также модус рецепции включаемого в него лексического материала. Слово актуализируется здесь как сложная субстанциональная структура, которая может быть собрана, разобрана или трансформирована подобно тому, как это делается с кроссвордной сеткой. Интенция к визуально-объектной актуализации слова и манипулированию его конструктивными особенностями реализуется по-разному. Наиболее простой случай – репрезентация искомого слова как материальной составной части другого слова-объекта:

*Этого служащего можно найти в тяжелой занавеске (ПОРТЬЕ);
Попугай в сарае (АРА).*

Другой прием визуально-ориентированной репрезентации состоит в представлении слова как артефакта, построенного по законам геометрической пропорции, симметрии:

*Путейное заведение-палиндром (КАБАК);
Колесо в обратную сторону (ОСЕЛОК).*

К этому приему примыкает и задание, имеющее целью произвести эффект зеркального восприятия слова путем его реверсивного прочтения:

ПАРК справа налево (КРАП).

Семантика слова здесь иррелевантна. Исключительно на зрительной рецепции языкового материала построена и такая методическая вопросительная игра:

*Что разделяет Римского и Корсакова?
(ДЕФИС).*

Такие примеры можно охарактеризовать как особый аспект реализации риторико-прагматического приема остраннения (О признанной автором термина В. Б. Шкловским предпочтительности его написания с двумя «н» сообщил Л. А. Новиков [6: 3]). Остраннение широко используется в коммуникативных практиках для создания эффекта новизны, имитации впечатления от увиденного впервые.

Конструктивистская рецепция субстанции слова лежит в основе шарады:

*Бобовое с парой нот в названии (ФАСОЛЬ);
Есть в нем лошадь, есть в нем бык, пьет его крутой мужик (КОНЬЯК).*

Техника морфосемантического анализа соединена здесь с установкой на создание комического контекста; ритмическая организация во втором случае акцентирует вещественно-сенсорный аспект рецепции языкового материала.

СИНОНИМИЯ

В целях семантической экспликации искомого слова часто используются лексические синонимы; встречаются лингвистически безупречные примеры актуализации синонимии как системно-языкового явления, когда определительная часть кроссворда формируется из группы семантически близких слов, повторяющимся взаимодействием которых обеспечивается возможность безошибочного обнаружения технически пригодной для данного случая лексики:

*Упадок, разложение, деградация
(ЗАГНИВАНИЕ);
Выгода, польза, толк (ПРОК).*

Нетрудно заметить, что в таких номенклатурных композициях воспроизводится процедура составления синонимических словарей.

Весьма характерен для кроссвордов интерес к стилистической синонимии, семиотическая функция которой состоит в регулировании субъективно-оценочной прагматики в языке. В этом случае обязательно включение в определительную конструкцию специальных лексем – метаязыковых индикаторов функционально-стилевого статуса целевого слова (полу жирно выделены в примерах):

*Неудача на жаргоне (ОБЛОМ);
Разговорный диплом (КОРОЧКИ).*

Экспрессивно-стилистическая окраска слова не может быть объективирована столь же эксплицитно; в следующем примере она выражена посредством оценочного атрибута, семантически выводимого из представления об эксклюзивном статусе денотата:

Гордый флаг (СТЯГ).

Семантизация искомого слова может происходить и без использования метаязыковых стилистических помет, эту роль принимает на себя фондовая, предметно-контекстная информация:

*Работал бы на нас, был бы разведчиком
(ШПИОН).*

Здесь экспрессивно-стилистические различия слов актуализованы в остроумной нарративной миниатюре.

Заслуживает внимания еще один способ имплементации лингвистических знаний о синонимах в кроссворд – путем раскрытия коммуникативно-релевантных различий в их комбинаторных свойствах. При этом дефиниционная формула имеет вид, не характерный для речевого узуса и в какой-то степени напоминающий оксюморон:

*Наслаждение, которое ловят (КАЙФ);
Скука в зеленом одеянии (ТОСКА);
Правда в последней инстанции (ИСТИНА).*

В этих примерах показано, как синонимы, характеризующиеся идентичностью сигнификативного содержания, отличаются друг от друга тем, что один из синонимов идиоматически маркирован и это исключает их взаимозаменяемость в узуальном контексте. Это случай привативной оппозиции [7: 82].

АНТОНИМИЯ

Антонимия манифестирует сильный тип семантической связи, области и возможности ее функционирования многообразны. Прием антонимической репрезентации искомого предмета мысли (концепта) довольно часто применяется в практике составления кроссворда; примечательно, что в интеллектуально-игровой актуализации может появиться и сам лингвистический термин АНТОНИМ:

Слово-антипод; Противное слово.

Приемы словесно-текстовой техники антонимической актуализации концепта весьма разнообразны; ключевую роль играют здесь лексические индикаторы системно-реляционной семантики – слова, специализированные для передачи идеи семантической противоположности. Эти слова входят в концептное поле репрезентации антонимии, а в составе кроссвордных дефиниций они выполняют метаязыковую функцию – в качестве вспомогательного элемента, обозначающего характер системных связей в языке. (Семантические операторы выделены полужирным шрифтом):

*Направление, **обратное** югу (СЕВЕР);
Противоположность анализа (СИНТЕЗ);
Антипод правды (ЛОЖЬ).*

Нередко в кроссвордах используется риторический потенциал антонимии, ее роль как структурной основы стилистических экспрессивных композиций. В следующем примере комически обыгрывается фигура антитезы:

*Средство для улучшения фигуры
и ухудшения дыхания (КОРСЕТ).*

Лексическая антонимия транслирует в язык один из фундаментальных принципов организации материального и идеального мира, ее конструктивно-речевая функция используется во многих типах дискурса.

ОМОНИМИЯ/ПОЛИСЕМИЯ

Существенной составляющей драматургии кроссворда являются лингвистические операции в области полисемии и омонимии; асимметрия плана выражения и плана содержания традиционно считается благодатной почвой для языковой игры, розыгрыша, создания эффектов семантической многоплановости и обманутого ожидания. Принцип игры на омонимах прост: некоторое слово ставится в такие условия контекста, когда оно одновременно актуализирует два словарно-автономных, контрастных по своей предметно-референтной отнесенности, значения, а весь

контекст при этом приобретает метасемантические прагматические свойства. Важно отметить, что в семантической формуле кроссворда должен присутствовать лексический элемент, осуществляющий связь между двумя предметно-омонимическими областями. Этот элемент с метаязыковой функцией находится в определенных системно-релевантных отношениях с искомым словом-омонимом. В следующем примере это отношения синонимии (*шоу-зрелище*):

Зрелищный английский писатель (ШОУ).

Возможны также родо-видовые предметно-классификационные отношения, таковы *собака-такса* в следующем примере:

Собачий тариф (ТАКСА).

В ряде случаев для целей игровой актуализации омонимичной семантики используются логические или дискурсивно-событийные связи между угадываемым словом и элементами предметно-событийной ситуации:

Лев, убитый ледорубом (ТРОЦКИЙ).

Встречаются дефиниции с бинарной структурой – в тех случаях, когда ее составные части, взятые по отдельности, не обладают достаточной силой для семантической идентификации слова, ср. пример:

*В огороде растет, в кармане хрустит
(КАПУСТА).*

Платформой для языковой игры в кроссворде могут служить и видовые варианты этой лексической категории – омоформы и омофоны, см. соответственно:

*Слишком много спевшая птица (ПЕРЕПЕЛ);
Молодой человек, увлекающийся джинном без
тоники (АЛАДДИН).*

Непрогнозируемый игровой диссонанс плана выражения и плана содержания всегда экспрессивен.

ПАРОНИМИЯ

Случаи паронимии в кроссвордах встречаются редко; возможно, это объясняется относительной сложностью самого явления – эмпирически очевидной звуко-смысловой гармонии слов. Возможно, сказывается и то, что сама паронимия находится на периферии лексической системности; во всяком случае, она гораздо в меньшей степени, по сравнению с синонимией, антонимией или омонимией, представлена в лингвистическом сознании

и обыденной системной рецепции языка. Удачным примером можно считать следующий, где два паронима близки между собой по звучанию и семантике, и оба вместе входят в качестве видовых имен в семантику третьего (искомого в кроссворде):

И труппа, и группа (КОЛЛЕКТИВ).

Несмотря на статистическую нерепрезентативность, паронимия выступает как риторически-эффективный способ актуализации лингвистической информации в кроссвордном тексте. «Паронимические коннотации» [8: 231] – ценный языковой материал для нестандартных решений экспрессивного характера (не только в художественной речи).

ГИПОНИМИЯ

В основе кроссворда лежит идея систематизации языкового материала по формально-строеному признаку; но и содержательная сторона языковых единиц является здесь сферой приложения таксонимической интенции. В частности, довольно наглядно и лингвистически корректно эксплицируется в этой области интеллектуального досуга специфика гипо-гиперонимических отношений в лексической системе языка. Примечательной стороной таких построений является необходимость лимитирования количества видовых терминов, что объясняется техническими условиями формата:

И швед, и финн, и норвежец (СКАНДИНАВ).

Этот номенклатурный ряд неполон, в нем отсутствуют датчанин и исландец.

Таксонимическая структура, в целях придания ей риторической экспрессии, может быть оформлена по канонам фоностилистики:

И стон, и звон, и крик, и стук (ЗВУК).

Средствами звуковой выразительности здесь выступают ритм, рифма (*стук-звук, стон-звон*), анафорический союз *И*. Обращает на себя внимание конечное расположение дидактически релевантного элемента *стук*.

В кроссвордных родо-видовых систематизациях может быть отображена национально-культурная специфика мировосприятия:

Лешие, черти, кикиморы, вурдалаки, водяные (НЕЧИСТЬ).

Представленный здесь номинационный ряд отражает сигнификативный потенциал русской фольклорной картины мира.

Примечательной стороной кроссворда является то, что дефиниции в нем нередко

построены по экспансионистской модели систематизации предметов и явлений внешнего мира – на основе представления о том, что общеэпистемологические категории тождества и аналогии представлены в реальной языковой картине мира в гораздо более масштабном и диалектическом виде, чем это следует из коммуникативного узуса и институционально-лингвистической трактовки языка. Соответственно, выстраивается и расширительная модель гипо-гиперонимических связей:

*Привычки природы (КЛИМАТ);
Гостиница для неодошевленных постояльцев (СКЛАД).*

В обыденном языковом сознании и лингвистическом исследовательском дискурсе лексические пары *климат-привычки* и *склад-гостиница* не актуализованы как элементы гипонимических микросистем.

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ НЕОЛОГИЯ

При знакомстве с исследуемыми досуговыми изданиями бросается в глаза их смеховая интонированность. Одним из средств реализации этой интенции является окказиональное словообразование – игровое экспериментирование с языковым материалом с целью создания неотмеченных в узуальной коммуникации лексических единиц с заданными номинативными, семантическими и прагматическими свойствами. Эти неологические единицы иллюквативно-фокусированы, эксцентричны, часто вызывают комическую реакцию, в них парадоксальным и гротесковым образом трансформирована узуальная картина предметно-референционных связей слова. Ведущим техническим приемом является смешение и неожиданное комбинирование принципиально разных аспектов и свойств языковой субстанции. В следующем примере комический эффект вызывает эксцентрическая, в духе народной этимологии, трактовка предметно-ориентированной номинативной функции слова как атрибутивно-оценочной:

Изюмительная булочка (КЕКС).

Нетривиальный коммуникативный ход всегда эмоционально окрашен, особенно когда это приводит к образованию номинативной единицы со сложной структурой семантических и прагматических свойств.

Для исследуемого массива текстов характерно следование в русле литературно-разговорной речи, неформальных коммуникативных практик образованной части общества. Особенно это заметно в примерах, имитирующих научный дискурс со свойственным ему тяготением к спонтанному терминообразованию:

*Антишкольное время года (ЛЕТО);
Цветоизменительница (КРАСКА).*

Понимание банальности именуемых явлений, которые никак не могут быть объектом научного исследования в силу простоты своей сущности, усиливает эффект пародирования.

Исследуемый словообразовательный материал позволяет сделать определенные выводы о своеобразии творческого поиска в этой сфере, о том, что этот процесс характеризуется ярко выраженной экспансией креативной воли составителей кроссворда, раскованностью и неограниченной свободой их созидательной инициативы. Такие образования прагматически ориентированы, рассчитаны на манипулирование процессом рецепции текста:

*Второспортный металл (СЕРЕБРО);
Малыш – «вечный двигатель и прыгатель»
(ЕГОЗА).*

Провокативная в отношении языкового узуса неординарность новых слов воспринимается как часть общей стратегии дискурса: отвлечение внимания адресата на конструктивные особенности плана выражения с целью затруднения процесса декодирования определенной формулировки.

По раскованности техники словообразования кроссворды близки к рекламному дискурсу; такую свободу экспериментирования со словесным материалом в других жанрах письменной коммуникации нельзя увидеть (ср. название турфирмы «Магазин путешествий»).

ЛЕКСИЧЕСКАЯ АРХАИКА

По причине минимального присутствия архаизмов в актуальном речевом обиходе они обладают свойством «семантической затемненности», что в полной мере согласуется со стратегией разработчика кроссворда: усложнить процесс угадывания искомого слова. Можно говорить и о другой интенциональной составляющей включения архаизмов в кроссворд – просветительской, с целью актуализации исторической и языковой памяти.

Способы словесно-текстового представления архаизмов (редко – историзмов) в кроссворде не отличаются большим разнообразием. Главная задача – транспозиция номинируемого денотата в исторический контекст – решается, как правило, путем использования лексических единиц, семантика которых связана с передачей различных аспектов концепта старины, обозначением исторической дистанции:

*Негр из прошлого (АРАП); Митинг у предков
(ВЕЧЕ); Глаз в былые времена (ОКО); Рубин
в старину (ЛАЛ).*

Слова *прошлое, предки, былые, старина* вербализуют идею исторической отдаленности предмета описания и выступают здесь как функционально-синонимичные единицы языка. Способом косвенной языковой репрезентации исторического объекта является актуализация его импликационала:

Охранник в латах (СТРАЖНИК).

Слова-историзмы *стражник* и *латы* связаны ассоциативно-семантическими отношениями и в равной степени пригодны для передачи идеи старины. Возможно включение архаизма в кроссворд по операциональной модели языковой игры – например, путем юмористической перегруппировки семантических связей внутри определительной конструкции:

Слишком старый оговорщик (НАВЕТЧИК).

Объективная референтно-смысловая функция предиката «старый» связана с метаязыковым дискурсом, с лингвистической характеристикой слова «наветчик»; но в синтаксической структуре фразы ему приписывается функция качественной оценки денотата, что вызывает комическую реакцию.

К редким явлениям в этой области относятся примеры, содержательно имитирующие существенные характеристические лексикологические источники, но отличающиеся от них несвойственным им своеобразием в лексическом оформлении:

*Ретросиноним цеки (ЛАНИТА);
На Руси этот цветок также звался –
сорочка, молодило, виновник (ЛАНДЫШ).*

В первом примере применен отсутствующий в научном узусе термин *ретросиноним*, а во втором наблюдается синтез повествовательного и лексикографического дискурсов.

В ряде случаев архаически акцентируется не сама лексическая единица, а предметно-референтная ситуация, симптоматической составной частью которой являлась когда-то эта единица. Такой своеобразный случай ситуационно-событийного архаизма мы имеем в следующем примере:

*Там сапожник занимает самое высокое
положение (КИНОТЕАТР).*

Нетривиальный комический смысл семантической формулы понятен только тем, кто помнит старые кинотеатры с их предметно-ситуативным антуражем: проецирование фильма на экран над головами зрителей, часто рвущаяся пленка, выкрики «Сапожник!» в адрес киномеханика.

СИНТАГМАТИКА СЛОВА

Способом поисковой актуализации слова в кроссворде может быть оглашение его симптоматической лексико-синтаксической сочетаемости. Наиболее простой случай – когда для идентификации искомой единицы достаточно предельно редуцированный контекст, представленный одной лексической единицей. Легче всего распознаются таким образом слова с уникальным идиоматическим типом связи:

Постоялый... (ДВОР); Навострить... (ЛЫЖИ).

При меньшей очевидности силы идиоматической связи искомое существительное может быть представлено бинарной конструкцией – в виде двух параллельных формул сочетаемости:

Совковая, штыковая (ЛОПАТА).

Итеративная валентностная актуализация усиливает когнитивный сигнал, но в некоторых случаях этот прием кажется избыточным, рассчитанным на какие-то побочные эффекты; в следующем примере денотат идентифицируется по четырем признакам:

Чертово в парке, запасное в багажнике (КОЛЕСО).

Здесь в виде параллельной конструкции дублируется атрибутивная и обстоятельственная связь заданного имени существительного. Возможно, это элемент коммуникативной игры составителя с адресатом («Видишь, как я стараюсь для тебя»).

Поскольку основным материалом кроссвордов являются имена существительные, то наибольший спрос в этом отношении приходится на атрибутивную связь, реализуемую посредством согласованного определения. Но встречаются и примеры синтаксической репрезентации существительного через глагольную идиоматическую сочетаемость:

Можно молоть, нести и даже пороть (ЕРУНДА).

Конститутивным признаком кроссворда является интенция к семантическому затемнению концепта; в следующем случае способом усложнения когнитивной задачи является де-конструкция узуальной идиомы с синонимической заменой ключевого слова:

Нелепость со своим театром (АБСУРД).

Интересны примеры, когда в кроссвордной дефиниции актуализируется не лексико-синтаксический контекст слова, а его устойчивые дискурсивные связи в обширном предметном и событийном мире. Таковы формулы, отсылающие к классике мировой литературы:

Встретила улыбку без кота (АЛИСА)

или к эмпирическим знаниям человека о распределении вещей в мире:

Телега возле сакли (АРБА).

В таких примерах мы имеем дело с сильным типом контекстных связей, благодаря чему они привлекательны для ассоциативно-игровых решений.

Заключение

Кроссворд представляет собой уникальный способ существования человека в социокультурном пространстве, природа и функциональность этого объекта многоплановы и подлежат исследованию по всему спектру гуманитарных наук, что обусловлено важной его ролью в организации интеллектуально-досуговой практики и когнитивной самоактуализации личности. Феноменологию кроссворда в значительной степени определяет его принадлежность к эпистемологическому дискурсу обыденной рефлексии над языком и функциональной области знаний, объединяемых в понятие некодифицированной (народной) лингвистики. Всякое произведение интеллектуального труда возникает как воплощение некоторой формообразующей интенции; кроссворд в этом отношении не является исключением – он существует в сложившихся тексто-жанровых координатах. Его место в этой систематизации определяется двойственностью его природы, в которой по законам диалектики сочетаются оптическое и вербальное, игровое и серьезное, стандарт и творчество, текст и перформанс. Указанные качества обуславливают амбивалентный (синтетический) тексто-жанровый статус кроссворда.

В отвлечении от когнитивно-игровой функции, целеполагание кроссворда – это оглашение бытия слова, актуализация его реальности как самодостаточной двуплановой, по закону асимметрического дуализма языкового знака, сущности. Кроссворд – особый модус объективирования субстанции языка: он существенным образом редуцирует онтологию слова, поскольку фокусирован на актуализации его парадигматической семантики и визуально-конфигуративной материальности. Слово предстает здесь как средство номинации,

коммуникативная его природа и вытекающие из нее свойства его линейно-динамической, социально-смысловой функциональности в кроссворде не находят отражения.

Исследуемый объект сочетает в себе репрезентативные характеристики народно-лингвистического, дидактического и игрового дискурсов. В этом взаимодействии возникает ансамблевый (синергийный) эффект, который в сочетании с утилитарно-выигрышными качествами (демократизм, техническая простота,

транспортабельность и др.) придает кроссворду выдающиеся аттрактивные свойства, обеспечивающие ему чрезвычайную популярность.

Полагаем, что кроссворд является вполне репрезентативным объектом лингвистического описания, а продолжение его исследования в этом ракурсе может быть полезным для разработки общей теории игрового языкового творчества и других вопросов социокультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апинян Т. А. Сущностно-универсальное определение игры: феноменология фантома // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 58–73.
2. Рябова М. Э. Полиязычие как преодоление усложнения мира // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 149–152.
3. Гаспаров Б. М. Теоретическая лингвистика как миропонимание // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 7–23.
4. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: колл. монография. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2009. Ч. 1. 530 с.
5. Шаховский В. И. Эмоции и коммуникативное игровое пространство языка // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс : сб. науч. ст. М. : Азбуковник, 2003. С. 46–56.
6. Новиков Л. А. Структура эстетического знака и остраннение // Русистика сегодня. 1994. № 2. С. 3–20.
7. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. 352 с.
8. Шульская О. В. Функции паронимии в художественной речи // Проблемы структурной лингвистики : сб. науч. ст. М. : Наука, 1982. С. 222–231.

REFERENCES

1. Apinyan T. A. Substantial-universal definition of game: Phenomenology of phantom. *Problems of Philosophy*, 2008, no. 2, pp. 58–73 (in Russian).
2. Ryabova M. E. Polylinguism as overcoming of world complexity. *Problems of Philosophy*, 2010, no. 7, pp. 149–152 (in Russian).
3. Gasparov B. M. Theoretical linguistics as worldview. *Problems of Linguistics*, 2017, no. 3, pp. 7–23 (in Russian).
4. *Obydennoye metayazykovoye soznaniye: ontologicheskiye i gnoseologicheskiye aspekty : koll. monografiya* [Common metalinguistic consciousness: Ontological and epistemological aspects : coll. monography]. Kemerovo, Barnaul, Altai University Press, 2009, part I. 530 p. (in Russian).
5. Shakhovskiy V. I. Emotions and the communicative ludic space of language. In: *Massovaya kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: Chelovek i ego diskurs : sb. nauch. st.* [Mass culture at the turn of XX–XIX centuries: Man and his discourse : coll. sci. arts]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, pp. 46–56 (in Russian).
6. Novikov L. A. The Structure of aesthetic sign. *Russian Linguistics Today*, 1994, no. 2, pp. 3–20 (in Russian).
7. Trubetskoy N. S. *Osnovi fonologii* [Principles of phonology]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoi literatury, 1960. 352 p. (in Russian).
8. Shulskeya O. V. Functions of paronymy in artistic speech. In: *Problemy strukturnoi lingvistiki : sb. nauch. st.* [Problems of Structural Linguistics : coll. sci. arts]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 222–231 (in Russian).

Поступила в редакцию 31.03.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 25.05.2022
The article was submitted 31.03.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 25.05.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 36–42

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 36–42

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-36-42>, EDN: PQMFFO

Научная статья

УДК 929.5:811.161.1'27

Семейные родословные как речевой жанр

В. К. Харченко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Харченко Вера Константиновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы, wera_kharchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8398-314X>

Аннотация. Жанр семейные родословные получает сейчас всё большее распространение, однако как речевой жанр он почти не исследован. Автор приступил к сбору материала по родословию в 2002 году, составлен личный архив семейного родословия в 30 томах, частично это отражено в базе данных «Фрагменты семейных родословных»: свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2014620814 от 3 июня 2013 г. Защищены три диссертации, опубликован большой объем статей, есть книги. И сейчас встает вопрос об особенностях родословных как речевого жанра. На эту тему выводит подготовка книги «История Родины в зеркалах семейного родословия» (Белгород, 2021. 420 с.). Оказывается, именно фрагменты из родословных, взятые во множественном числе, и комментарии к ним позволяют более объективно рассмотреть историю страны во всех её противоречиях и катаклизмах. Фрагменты родословных становятся материалом исследования. Первая часть книги историческая (революция, двадцатые годы, тридцатые и т. д.), а вторая – семейная (дед, бабушка...). Между этими частями среда обитания, пространственный сектор, без которого нельзя обойтись. В конце делается пробор в современность, при этом подчёркивается, как семейные родословные страховали от многих бед. Статья нацеливает и на изучение семейного родословия, и на запись того, что ещё можно записать и сохранить для будущих потомков.

Ключевые слова: семейные родословные, история родины, прошлое, среда обитания, род, бессмертие

Для цитирования: Харченко В. К. Семейные родословные как речевой жанр // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 36–42. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-36-42>, EDN: PQMFFO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Family pedigrees as a speech genre

V. K. Kharchenko

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

Vera K. Kharchenko, wera_kharchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8398-314X>

Abstract. The genre of family pedigrees is now becoming more widespread. However, as a speech genre, it has hardly been studied. The author began collecting data on genealogies in 2002, compiled a personal archive of family genealogies in 30 volumes, which is partly reflected in the database “Fragments of family genealogies”: certificate of state registration of the database No. 2014620814 dated June 3, 2013. Three dissertations on this issue have been defended and a large number of articles and books have been published. Now arises a question of the peculiarities of pedigrees as a speech genre. The preparation of the book “History of the Motherland in the Mirrors of Family Genealogy” (Belgorod, 2021, 420 p.) brings up this topic. It turns out that it is fragments from genealogies, taken in the plural, and comments to them that allow us to more objectively consider the history of the country in all its contradictions and cataclysms. Fragments of pedigrees become research material. The first part of the book deals with history (the revolution, the 1920s, the 1930s, etc.), the second – with family (grandfather, grandmother ...). Between these parts there is a life environment, a spatial sector which we cannot avoid. In the end, a forward is made to the present time with the emphasis on how family genealogies

insured people against many troubles. The article aims both at the study of family genealogy and at recording what else can be recorded and preserved for future descendants.

Keywords: family genealogies, history of homeland, past, life environment, kindred, immortality

For citation: Kharchenko V. K. Family pedigrees as a speech genre. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 36–42 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-36-42>, EDN: PQMFFO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

А начиналось всё в 2002 году буквально с анекдота. Надо было придумать такую зачётную тему по дисциплине «Культура речи» для слушателей курсов Белгородского отделения Орловской академии государственной службы, чтобы исключить возможное копирование с интернета, с одной стороны, и возможное обвинение всех и вся в засорении русского языка, с другой. И тема была придумана: «История моей семьи». Впоследствии мы применяли это требование к студенческим работам, так что арсенал материала постоянно рос, расширялся. Перед сочинением мы предупреждали: можно не писать о том, что таится в недрах семьи (о пьянстве и суициде, разводах и предательстве), но и без этого сами тексты давали очень много информации. Конечно же, некоторые авторы ограничивались схемами генеалогического древа и краткими сведениями по истории семьи: как звали, когда тот или иной человек родился, кем работал, когда умер, но таких работ было совсем немного. Гораздо больше было искренних рассказов о своей семье, прочитывалось желание поделиться историей рода, рассказать о незабываемых мелочах, о случайностях, на которых выстраивался род. Более того, в конце этих написанных публикаций были и слова благодарности за тему. Работа продолжалась в самых разных направлениях. Были защищены три диссертации. В 2004 году диссертация А. А. Павловой «Концептосфера внутрисемейных родословных» [1], в 2005 году диссертация Н. Н. Рухленко «Концепт “Семья” в жанре семейных родословных» [2] и в 2009 году диссертация Е. М. Черниковой «Имена собственные в жанре семейных родословных» [3]. Выходили статьи. Мы продолжали свой поиск. Накапливался новый материал. «Фрагменты семейных родословных», собранные В. К. Харченко, составили электронную базу: свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2014620814 от 3 июня 2013 г. И сейчас, взглядываясь в свой архив семейных родословных, а это 30-томное собрание сочинений [4], мы начинаем понимать, что перед нами по существу новый речевой жанр, требующий пристального внимания и специального изучения.

Основная часть

Почему же это речевой жанр, ведь перед нами письменные работы, продуманные, проверенные, не единожды рассмотренные внутри семьи? Отвечаем: потому, что в основе этих работ лежат устные рассказы предков-предшественников о своём роде, своей семье. Устные рассказы? Да, но здесь и требование самого жанра: не превращать повествование в долгий рассказ о судьбе одного человека, не увлекаться метафорами, сравнениями (языковой ландшафт должен быть минимальным) и самое главное – это выстраивание единой линии бытия своей семьи, своего рода.

Как речевой жанр семейные родословные налагают свои особенности. В очень многих сочинениях в самом начале идёт сетование про Иванов, семьи не помнящих, а в конце нередко прописывается сожаление о том, что из-за невнимательности к своему прошлому малоვაго получилось текста, а спросить уже некогда. И тут же пестуется, лелеется надежда, что дети, внуки, правнуки продолжат этот важный, но будто бы такой незаметный труд.

А язык? О, здесь мы иногда встречаем особые формы или, во всяком случае, стремление избегать насаждаемых жанром параллелей. Язык семейных родословных дарует нам особые обороты, пословицы, знаковые слова, сентенции. *Бабушка хорошо владела и пилой, и иглой. На белом свете, маковом цвете. Дед был рукастый: мог любую мебель сделать. Первый раз не горазд.* Когда заходит речь о языке, приходится неоднократно удивляться: в семейных родословных нет пресловутых оборотов из компьютерной лексики, исчезают современные словечки, даже если они были в повседневной речи пишущего. Скажем острее: семейные родословные создаются на лучшем русском языке. Где же таится этот лучший русский язык? Он ещё сохраняется в любительских стихах и письмах родным, в выступлениях на производстве и в ситуациях утешения, поддержки, когда мы говорим с детьми и когда общаемся с лицами «серебряного возраста», в интимном, потаённом общении и, конечно же, в языке семейного родословия.

Пора привести отрывок из семейных родословных.

Прабабушка Патрихалина Ульяна Марковна – дочь купца-лавочника, происхождением – с территории Западной Украины (по другим данным – Польши), была человеком глубоко верующим (даже при Советской власти), за что часто страдала. Обладала силой слова Божьего – была народным целителем. Всю жизнь занималась знахарством и лечением при помощи молитв и трав. Воспитала достойными людьми одиннадцать детей. Сохранила семью в период голода 1933 года (никто не умер от голода). В 1941 году отправила на фронт четверых сыновей. Каждому дала по иконке («Иисус-спаситель»). Все четверо вернулись в 1945–1946 целыми и невредимыми (А. П.)

Перед нами скупое, подчёркнуто сдержанное повествование, однако какое сильное воздействие оказывает оно на читателя этих строк!

Спросим себя: что можно исследовать на материале семейных родословных? О, здесь широкий простор для анализа!

Во-первых, это сам речевой жанр – семейные родословные, их объективность по содержанию и отточенность формы, много раз проговариваемой внутри семьи.

Когда моему папе было лет пять, он любил забираться в кабинет своего отца (дедушка был профессором по телефонной связи) и синим карандашом чертил на бумагах свои фантазии. А в институте у деда был преподаватель Кишко, который написал доклад на Николая Александровича, и пришли с обыском, заметили эти детские рисунки, решили, что это шифровки, и деда арестовали. Бабушка пошла к знаменитой на весь Киев гадалке, и та сказала, что ничего делать не надо, что «в четверг раздастся стук в дверь, и муж вернётся, и вскоре вы все уедете из Киева». Все так и случилось. Семья переехала в Одессу (В. Х.).

Во-вторых, семейные родословные дают бесценный материал для изучения целого ряда вопросов. Здесь можно привести массу уже опубликованных нами статей. Это статьи о дворовых фамилиях, о структуре текста (брался анализ последних абзацев). Есть статьи о концептах в нарративах семейного родословия, об их значимости в регионоведении. Есть статьи о каталогах в семейном родословии, о фразеологизмах и фраземике, о лингвокультуроведении, о перцепции, об изучении текстов родословных как альтернативе асимметрии современного гуманитарного поиска. Писались статьи о становлении языковой личности, о развитии «музейной лингвистики», об интердискурсивности семейных родословных, о гетерозисе в родословном дискурсе, о взаимосвязи поколений...

Укажем и книги, в которых тематика родословных становилась исходным материалом для наблюдений и обобщений: А. А. Павлова «Жанр. Гипертекст. Интертекст. Концептосфера (на материале внутрисемейных родословных)» [5]; Н. Н. Рухленко «Концепт «Семья» в се-

мейных родословных» [6]; В. К. Харченко, Е. М. Черникова «Лингвогенеалогия: Имя собственное в жанре семейных родословных» [7].

Это всё значимо и ценно, но сегодня, сейчас мы остановимся на книге электронной, недавно изданной «История Родины в зеркалах семейного родословия» [8], написать, точнее составить которую нам продиктовала современная жизнь. Когда я писала статью «Память о войне: семейные нарративы 75-летней давности, фрагменты истории, судьбы» [9], я не думала ещё, что это станет толчком, поводом к написанию целой книги о прошлом, об истории нашей великой Родины. Но ситуации сейчас, а именно навязываемый пересмотр недавних ещё событий, разрушение памятников, воздействие на юные умы – потребовали такого воплощения.

История Родины и речевой жанр семейного родословия – как соотносить эти понятия? С одной стороны, семейные родословные дают объективную картину тем событиям, о которых идёт речь. Да, говорится о каком-либо человеке, но приводятся такие события, которые проливают свет на происходящее, даются объективные факты, написанные на основе будто бы субъективного рассказа. «Нет объекта без субъекта и нет субъекта без объекта». С другой стороны, сам речевой жанр семейного родословия требовал, чтобы в центре повествования стояла семья: дед, бабушка, отец, мать, а это налагало свой след на структуру повествования. Далее, история проходила часто по стержню, основе семьи, когда один брат выступал за красных, а отец и другой брат были за белых. Далее, просматривалось осязаемое противоречие между временем и пространством: когда вертикаль времени (двадцатые годы, тридцатые, сороковые...) сочеталась с горизонталью пространства: насиженные места становились чужими по воле постановлений партии или событий 90-х годов. А разрушенные семьи? Это тоже налагало отпечаток на повествование.

И все-таки мы попробовали выбрать из семейных родословных фрагменты и выстроить сюжетную линию. В первой части – это исторические события. Потом – пространственная характеристика. И наконец, взгляд на историю страны через судьбы близких людей. Но это не всё. В конце мы поместили «Изменения в XXI веке» (свыше двадцати пунктов!) с примерами из родословных, которые наперёд, на перспективу страховали от этих изменений и к которым можно прислушаться. Такова структура книги.

Как речевой жанр это научно-популярное издание потребовало соблюдения как минимум трёх составляющих. Во-первых, книга «История Родины» должна быть большой, иначе название работы провисает. Во-вторых, она должна

быть фрагментарной по существу, то есть состоять из фрагментов, взятых из самых разных семейных родословных, хотя читателю по мере чтения захочется узнать, что же было в дальнейшем с героями отрывка, но совокупный сюжет книги как раз этого не позволяет сделать. В-третьих, книга должна быть по возможности всеохватной, сочетающей в себе самые различные точки зрения, хотя в основе, в фундаменте их лежит образ великой Родины.

Инициалы после каждого фрагмента (две буквы от имени и фамилии) означали авторство самих отрывков, и нередко эти отрывки свидетельствовали о различном отношении, хотя в целом они и создают образ родины, проливая свет на многие стороны отечественной истории. Понятно, что о дальних предках многое не расскажешь, но как много говорится о репрессиях и раскулачивании, о целине и вынужденном переселении русских из бывших советских республик, о героизме во время войны и о стремлении создать и сохранить семью, несмотря ни на что. Время открывает нам историю, открывает сейчас, и эта история становится всё более актуальной. «И» – щедрый союз. Такое замечательное определение встречаем мы в словаре Андреса Неумана [10: 254]. И так, перед нами история, запечатленная в недрах семьи, история, изучать которую весьма полезно.

Когда мы выписывали и сортировали отрывки, нас не покидало ощущение, что здесь многое сказано, но что некоторые вещи нужно уточнить. Так зародилась форма изложения, когда перед серией фрагментов звучит голос составителя, собирателя. Приведём некоторые комментарии. Иногда эти комментарии располагаются внутри раздела, иногда и отсутствуют.

Труд. Поначалу мы планировали назвать этот и похожие параграфы в других разделах книги словосочетанием «Трудовые будни», но потом вдруг подумалось, какие же это будни? Крестьянский труд не знал деления на праздники и не праздники. Работа была непрерывной и напряженно-значимой.

Ленин. «Став по сути политзаключенным в конце жизни, Ленин в своей работе в Горках имел время поразмышлять. Вот запись личного секретаря Ленина М. Гляссер, сделанная ею в 1923 году, под диктовку умирающего вождя «освободительного восстания рабов»: «Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по щучьему веленью. Между тем это вопрос десятилетий и поколений... Попытка не удалась... Так вдруг переменить психологию, навыки их вековой жизни нельзя. Можно попытаться загнать население в новый строй силой, но вопрос ещё, сохранили бы мы власть в этой всероссийской мясорубке» (Знание – сила. 2017. № 4. С. 46).

Природа. Сад, лес, природа – всё это давало много человеку. «...Недавно критики восстали, что из современной словесности исчез пейзаж» [11: 81].

Счастливые события. Семейные родословные хранят и счастливые воспоминания о тех событиях. Эта вера в счастливое стечение обстоятельств помогала жить. Увы и ах, немодно стало писать о счастливых событиях, литература проществовала мимо них, а семейные родословные как раз повествуют, даже во время войны, – о счастье.

Среда обитания. До сих пор мы использовали семейные родословные, опираясь на движение времени, однако в семейных родословных не обойдены вниманием и некоторые факты пространственного характера, начиная с констатации местожительства и кончая признанием любви к этой малой родине. Здесь не столько движение, сколько статика, но какая!

Незаменимость отца в семье. Актуальность этого фрагмента книги как раз и состоит в необходимости восстановления авторитета мужчины, отца семейства. Каждый фрагмент из далее изложенных красноречиво открывает ту замечательную, ту особую роль, какую играл отец в семьях, какая ныне становится нередко утраченной. Это сказывается на воспитании мальчиков, но и девочек тоже. Дефицит отцовского влияния как раз и обуславливает перекосы в воспитании девочек – будущих жён. Вот почему свидетельства семейных родословных сейчас особенно значимы. Мы постепенно сталкиваемся с исчезновением патриархальной семьи, когда во главе семьи стоял дед, потом отец.

После этих слов идут фрагменты родословных в подтверждение этим и другим словам. Приведём некоторые из них.

...Прадед Иван был «кулаком», а прабабку звали Варвара. У прадеда было всегда много земли, скот, дед Борис говорит, что на столе всегда был хлеб, а не лепешки, а в чулане сало. Дед говорит, что Иван много работал, с утра до ночи, и раскулачили их не по чести, а со злобы (Л. Т.).

В анкете при поступлении в институт ей пришлось написать, что отец умер, иначе как дочери врага народа в институте ей не нашлось бы места. Всю войну бабушка училась, работала и боялась, что узнают правду (О. Б.).

Вера Михайловна была глубоко верующим человеком, никогда ни с кем не ссорилась. Во время Великой Отечественной войны прятала в подвале партизан, а когда немцы были в их деревне, то она их встречала с хлебом и солью, чтобы не привлекать внимание к её дому. В деревне думали, что она сошла с ума, потому что не знали, что у неё партизаны (К. В.).

Папа рассказывал и о мальчишеских шалостях послевоенных лет. Он до сих пор удивляется, как они с мальчишками остались целы. Ведь находили для игр достаточно опасные игрушки: патроны, мины, авиационные бомбы, оставленные на полях после войны. В память о том времени на его руках сохранились шрамы (А. Д.).

С местонахождением гарнизона нам повезло: это было недалеко от города и в то же время среди сопок на самом берегу Тихого океана. Здесь тебе и ягоды, и грибы, и шишки, и рябина, да и черный песок привлекал массу народа в теплые летние дни (Е. К.).

Бабушка рассказывала, что интересно было вечером на улице. То там, то тут разносились песни, шутки, смех, молодежи было много, а улица это единственное место отдыха после тяжелой колхозной работы. И вот на улицу пришел Михаил, подошел к скамеечке, раздвинул толпу и сел рядом с Аней. Ее и провожать ушел. Ваня-балалаечник встретил ее у колодца и сказал, что понимает, почему на Мишу выпал ее выбор, ведь он старше ее, да еще и военный. Мой дед к тому времени вернулся с Великой Отечественной войны, прошел ее с честью и достоинством, ему посчастливилось остаться в живых, чтобы дать жизнь нам – его детям и внукам. И жаль, что я почти ничего не знаю о его военных подвигах. Так и привел Михаил в дом своих родителей невесту (И. Ж.).

Оценка событий, цитация, стихи по случаю – всё это характеризует не только речь составителя родословных, но и сами цитируемые тексты, делая их объёмнее, распространяя изложение на других людей.

Как жаль, что из российского быта ушло понятие «наследного дома». Если бы в России в результате социальных передряг остался бы или образовался хотя бы скромный институт наследного дома, то это было бы уже очень значимо для династий, для родовой культуры (П. И.).

Пять лет назад у нас родился сын Андрей, а два года назад дочь Анна. Сыну давал имя я, а дочери – Зоя. А недавно встретил у И. Бродского стихотворение: «Мы будем жить с тобой на берегу, / Отгородившись высоченной дамбой, / Произведя на свет дитя, / Мы назовем Андреем или Анной». Строчки как о нашей семье (С. В.).

Как-то друг моего отца, грузин, рассказал притчу о том, как в раю встретились двое: молодой человек и старик. У старика был кувшин с вином. И сколько они из него не пили, вино в кувшине не убывало. И молодой человек спросил, почему кувшин у старика всегда полон. А старик ответил, что вино в кувшине будет до тех пор, пока его помнят (С. Б.).

И вот теперь я, тот самый внук, в жилах которого течет польская, цыганская и русская кровь, нахожусь в маленьком деревенском домике и чувствую всем своим существом, как с прошлым связан я через своих предков одной пуповиной. И связь эта не обрывается даже со смертью. Мертвые, они, предки наши, словно питают нас, живых, посылая сигналы невесть откуда. Я понял, что память наша живет их образами, их неистраченной энергией и добрыми помыслами (А. Н.).

История родины таится в биографиях людей, распространяющихся на судьбы тысяч других. Американский философ и историк Ральф Эмерсон утверждал: «Истории нет. Есть биографии». Мысль, конечно, крайняя, но в ней – большая правда (Наука и жизнь. 2004. № 10).

Я всегда восхищалась отношениями бабушки и дедушки. Они всегда шутят друг с другом и заботятся друг о друге. И через год у них золотая свадьба (А. М.).

У них был свой дом, в котором была большая русская печь, на которой внуки (моя мама и её сестра) любили лежать, на ней можно было спать двум взрослым людям. У прадеда с прабабушкой родилось 23 ребёнка. Несколько детей умерли, не дожив до года, несколько сыновей погибло в гражданскую и отечественную войны, в живых осталось пятеро, в их числе Анна Артамоновна, моя бабушка. Артамон Васильевич и Аграфена очень любили детей и тяжело переживали утраты. Они были очень здоровыми и до последних дней сами за собой ухаживали, никого не обременяли. Прабабушка Груня в 90 лет самостоятельно приезжала в гости из Тюмени в Петропавловск, без очков читала. Оба отошли в вечность во сне, не боля, прадед в 91 год, а прабабушка в 94 (Н. С.).

Однажды поздним вечером, возвращаясь с работы, дед встретил мальчика, который был одет в лохмотья и выглядел очень плохо. Дед Роман привёл его домой. С тех пор они не расставались. У деда родились ещё пятеро сыновей, все прекрасно ладили между собой и состоялись в жизни (Р. Б.).

Работая с текстами сочинений, мы ловили себя на мысли, что многих, очень многих моментов истории мы не знали.

Кампания называлась «Пальто горянке». Это было в 1927–1928 годах. Оказывается, женщины на Кавказе вообще ходили без пальто. Эта кампания должна была явиться наступлением в искоренении старых обычаев, неравноправного положения женщины, укоренившихся предрассудков. Было пошито и роздано около четырёх тысяч пальто (А. К.).

По воспоминаниям прабабушки, в 1933 году страну постиг голод, унесший много человеческих жизней. Люди, спасаясь от него, срывались с насыженных мест и уезжали в промышленные города, в основном на Донбасс, у кого там были родственники. Село пустело. Семья предков оставалась на месте. Чудом выжили. Говорили тогда, что голод был вызван искусственно: надо было таким способом выдавить народ из села в город для развития индустрии (Н. К.).

...У моей талантливой бабушки была еще одна, пожалуй, даже более любимая профессия, нежели портняжное дело. Она бала ретушером. И профессия, надо сказать, в то послевоенное время очень востребованная. Многие не вернулись с войны, и родственники погибших и пропавших без вести старались восстановить хоть какую-то память. Они приносили бабушке фотографии, иногда очень маленькие и стертые временем, и она делала настоящие цветные портреты (А. Н.).

Мы привели факты неброские, но значимые для писавших, почему они и сохранились в памяти семьи, но они же проливают свет и на судьбу Родины, поэтому речевой жанр оборачивается весьма актуальными событиями, делающими его «говорящим» жанром.

Скажем и о современности. Новый век, новая жизнь наложила новые трудности, многое рассекретило, но и многое оставалось за кадром. В своих комментариях мы частично упоми-

нали обо всём этом (не могли не упоминать!), хотя, впрочем, это уже другая история. Идёт третье десятилетие двадцать первого века. Много изменилось, и эти изменения не могли не сказаться на восприятии и оценке прошлого. Прошлое становится своего рода подсказкой: как раньше жили, что влияло на саму жизнь, поэтому в конце книги, в рубрике «Изменения в XXI веке», мы приводим перечень современных проблем. Здесь много подпунктов: интенсивная компьютеризация общества, цифровой номуадизм, номофобия, ослабление социальных связей, продолжающийся разлад семейных отношений, отсутствие «трёхпоколенной» семьи, позднее взросление, ослабление смысла жизни, трудность воплощения идей, редукция авторизации, женское воспитание будущих мужчин, ситуация повышенной неопределённости, вербальное образование, перепроизводство интеллигенции, продолжающееся игнорирование эмоциональной сферы, прекарный образ жизни, прокрастинация, скандализация, этническая этика, продолжающаяся недооценка нравственности. Но, что важно: при этом мы делаем проекцию на прошлую жизнь, парадоксально защищая участников от тех или иных бедствий. И это тоже добавляет актуальности к книге. Возможность учиться у прошлого сохраняется в самих текстах семейного родословия.

Продемонстрируем сказанное на одном примере. Какими фрагментами из семейного родословия парадоксально иллюстрируется нынешнее «ослабление смысла жизни»?

Когда у меня не было детей, я не знала ответа на вопрос, в чём смысл жизни? Как-то мы сидели и спорили об этом в компании. Один человек сказал: «Смысл нашей жизни – в наших детях. Мы живём ради них. А они будут жить для своих детей. Именно так движется история». Честно говоря, я тогда не поняла его. Я поняла его потом, когда у меня появился собственный ребёнок (Е. К.).

Только после рождения дочери я стала понимать, в чём смысл жизни – в ненаглядном любимом создании, что появилось у нас! С моей точки зрения семья создаётся не только ради счастья двоих, но и для счастья их детей. Дети – реальное, осязаемое воплощение любви супругов. Любовь – это тепло, нежность, радость (Ю. О.).

Богатством в доме были дети, а других материальных ценностей не было. Всё было просто: дом и маленькое хозяйство, чтобы прокормить всех домочадцев (Е. Г.).

Двадцатого ноября 2004 года наша большая семья из 58 человек праздновала золотой юбилей – пятидесятилетие совместной жизни отца и матери. Когда папа с мамой поженились, отец сказал: «Сколько Бог даст детей, столько и будет». Папа с мамой очень любят детей и внуков и переживают за каждого из них (В. Х.).

Мама моя – инженер-проектировщик, по её проектам построено много домов в нашем городе, построены школы, детсады в сельской местности,

дома культуры. По трубопроводам с голубым топливом отапливаются села нашей Белгородской области. Сколько километров газопровода спроектировано моей мамой! Отец мой был рабочим человеком, строил много новостроек, в том числе по проекту моей мамы он строил в нашем городе стоматологическую поликлинику (О. С.).

После войны у Варвары и Григория появилось еще трое детей. Всех подняли на ноги, всех воспитали, всем дали образование. А потом появились внуки, и жизнь закружилась по-новому... (Е. Н.).

Семейные родословные открывают много других моментов и требуют к себе внимания, поскольку у них срок, зависящий от памяти потомков. Когда-то С. Ю. Нагорная, путешествуя по Калмыкии, спросила провожатого: почему вы помните свой род до седьмого колена, даже малолетние ребята читают ещё не умеют, а историю рода помнят, а мы обрываем воспоминания в лучшем случае на четвертом колене. «А как же? – прозвучал ответ. – Они столько выдержали, значит, и мы выдержим. Это придаёт нам силы».

Выводы

По жизни мы нередко ориентируемся на чужие истории. В науке сравнительно недавно появилось понятие «расписание жизни». Были проанализированы темпорально-возрастные образы успеха и неудачи в жизни: в каком возрасте должна быть своя квартира, когда зарабатывать собственные деньги, вступать в брак, заводить ребенка и пр. [12]. Это как раз те ориентиры, которыми мы пользуемся, но которые тоже со временем меняются, причём некоторые меняются весьма существенно. Поэтому у чтения есть функция, может быть, главная – «А главное, они читают, чтобы писать. Познавание сразу переходит в деятельность, между ними нет больших разрывов во времени и пространстве», – подчёркивает Михаил Эпштейн [13: 26], и это тоже работает на идею книги.

Как речевой жанр семейные родословные удовлетворяют нашу тягу к бессмертию. Мы как бы видим себя с высоты, и наша смерть становится менее острой, поскольку мы включены в общий род.

Семейные родословные показывают осязаемую связь с историей страны, в этом плане они хорошо вписываются в общий строй, и это, конечно же, ценно, почему и надо продолжать писать родословные, несмотря ни на какие преграды. Великие дела надо делать, вопреки обстоятельствам, и надо начинать с себя, не совсем доверяя компьютеру, то есть делая распечатки записанного.

Случайно ли, что в своих текстах («сочинениях») их авторы признавались, что семейные родословные на многое им открывали глаза,

что настроение по мере написания повышалось, хотя речь в них шла подчас о трагических событиях, что жизнь наполнялась новым смыслом, а не только сиюминутными, подчас тоже весьма важными страстями. Последний раздел книги мы назвали «Продолжение следует...», и по большому счету так и должна заканчиваться данная книга. История Родины продолжается, и ее продолжение таится в на-

ших делах, о которых можно рассказывать не только внутри семьи и которые могут стать путеводными повествованиями для следующих поколений. История Родины, написанная сквозь призму истории семьи, при всех своих отступлениях, исключениях, особенностях и парадоксах выполняет консолидирующую функцию. Она объединяет всех нас, создает единую нацию великой страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павлова А. А. Концептосфера внутрисемейных родословных : дис. ... канд. филол. наук, Белгород, 2004. 211 с.
2. Рухленко Н. Н. Концепт «семья» в жанре семейных родословных : дис. ... канд. филол. наук, 2005. 265 с.
3. Черникова Е. М. Имена собственные в жанре семейных родословных : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009. 243 с.
4. Харченко В. К. Личный архив семейных родословных : в 30 т. Белгород, 2013. (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2014620814 от 3 июня 2013 г.).
5. Павлова А. А. Жанр. Гипертекст. Интертекст. Концептосфера (на материале внутрисемейных родословных). Белгород : Изд-во БелГУ, 2004. 162 с.
6. Рухленко Н. Н. Концепт «семья» в семейных родословных. Белгород : ООО «ПОЛИТЕРРА», 2011. 182 с.
7. Харченко В. К., Черникова Е. М. Лингвогенеалогия: имя собственное в жанре семейных родословных. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 192 с.
8. Харченко В. К. История Родины в зеркалах семейного родословия. Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. 420 с.
9. Харченко В. К. Память о войне: семейные нарративы 75-летней давности, фрагменты истории, судьбы // Нева. 2020. № 2. С. 223–234.
10. Неуман Андрес. «Борхес бывает вампирическим». С писателем беседует Эмма Родригес : пер. с испанского // Иностранная литература. 2015. № 12. С. 254.
11. Давыдов Георгий. Лоция в море чернил. Тетрадь вторая // Новый мир. 2019. № 9. С. 40–91.
12. Ежов О. Н. Жизненный путь как подход в социологии и социальной работе // ПОЛИС (Политические исследования). 2008. № 3. С. 58–68.
13. Эпштейн Михаил. Текст сегодня рассчитан на многомерное восприятие. Круглый стол: «Между бумагой и цифрой: новые пути чтения» // Знание – сила. 2019. № 12. С. 26–27.

REFERENCES

1. Pavlova A. A. *Contseptosphere of intrafamily pedigrees*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Belgorod, 2004. 211 p. (in Russian).
2. Rukhlenko N. N. *The concept of “Family” in the genre of family pedigrees*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Belgorod, 2005. 265 p. (in Russian).
3. Chernikova E. M. *Proper names in the genre of family pedigrees*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Belgorod, 2009. 243 p. (in Russian).
4. Kharchenko V. K. *Lichnyi arkhiv semeinykh rodoslovnykh : v 30 tomakh* [Personal archive of family pedigrees : in 30 vols.]. Certificate of state registration of database no. 2014620814 dated June 3, 2013. Belgorod, 2013 (in Russian).
5. Pavlova A. A. *Zhanr. Gipertekst. Intertekst. Kontseptosfera (Na materiale vnutrisemeinykh rodoslovnykh)* [Genre. Hypertext. Intertext. Conceptosphere (Based on intrafamily pedigrees)]. Belgorod, Publishing House of BelSU, 2004. 162 p. (in Russian).
6. Rukhlenko N. N. *Kontsept “sem”ia v semeinykh rodoslovnykh* [The concept of “family” in family pedigrees]. Belgorod, POLITERRA LLC, 2011. 182 p. (in Russian).
7. Kharchenko V. K., Chernikova E. M. *Lingvogenealogiia: imia sobstvennoe v zhanre semeinykh rodoslovnykh* [Linguistic genealogy: A proper name in the genre of family pedigrees]. Moscow, Knizhny dom “LIBROKOM”, 2010. 192 p. (in Russian).
8. Kharchenko V. K. *Istoriia Rodiny v zerkalakh semeinogo rodosloviia* [The history of the Motherland in the mirrors of family genealogy]. Belgorod, Publishing House “BelSU” NRU “BelGU”, 2021. 420 p. (in Russian).
9. Kharchenko V. K. Memory of the war: Family narratives 75 years ago, fragments of history, fate. *Neva*, 2020, no. 2, pp. 223–234 (in Russian).
10. Neumann Andres. “Borges can be vampiric”. Emma Rodriguez is talking to the writer. Transl. from Spanish. *Foreign Literature*, 2015, no. 12, pp. 254 (in Russian).
11. Davydov Georgy. Pilot in a sea of ink. Book two. *Novy Mir*, 2019, no. 9, pp. 40–91 (in Russian).
12. Ezhov O. N. Life path as an approach in sociology and social work. *POLIS (Political Research)*, 2008, no. 3, pp. 58–68 (in Russian).
13. Epstein Michael. The text today is designed for multidimensional perception. Round table: “Between paper and digital: New ways of reading”. *Knowledge is Power*, 2019, no. 12, pp. 26–27 (in Russian).

Поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 02.12.2021; принята к публикации 15.01.2022
The article was submitted 02.09.2021; approved after reviewing 02.12.2021; accepted for publication 15.01.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 43–57

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 43–57

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-43-57>, EDN: QKKNUM

Научная статья

УДК [[070:58](47+57)|19]+004.738(470+571)|20]:811.161.1'42

Научно-популярные статьи о животных: речежанровые характеристики и их динамика (на материале советской печати XX века и публикаций в Рунете XXI века)

В. В. Дементьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Аннотация. В статье осуществляется речежанровый сопоставительный анализ научно-популярных статей о животных в советской печати XX в. и в Рунете XXI в. Исследование осуществляется по модели, включающей пункты: животное; адресант и адресат; общество (сообщество читателей СЖ) и состояние словесности; язык.

Показано, что образ животного в СЖ представляют ряд нарративных сюжетов: внешний вид; питание; внутривидовые отношения; рождение детенышей; отношение к человеку, – которые, будучи универсальными, обнаруживают определенную динамику в деталях.

Значим образ читателя СЖ: в XX в. он подавался как «простой советский человек» (тяга к самообразованию, оптимизм), в XXI в. – обыватель, во многом напоминающий туриста: его отношению к описываемым животным свойственно поверхностное любопытство, доля равнодушия, невовлеченности, неэмпатии, впрочем, не исключающие сентиментальности.

С точки зрения динамики жанра СЖ, наиболее значимыми являются изменения состояния общества / словесности: «советское общество ~ капиталистическое общество», «доинтернет-словесность ~ интернет-словесность». В частности, советская экспрессия, которой были свойственны сдержанность, оптимизм и гуманизм, меняется на вседозволенность до разнузданности, педалирование «низа» и агональных сюжетов.

Среди языковых средств экспрессии в СЖ больше всего внимания уделяется приему олицетворения (сходство животного с человеком), который на всех этапах развития СЖ является одновременно постоянным фактором дополнительного интереса к животному и источником ряда продуктивных моделей метафоризации. Основным источником и «очеловечиваний», и конкретных образов и прецедентных текстов в СЖ являются искусство, художественная литература, кино, эстрада и т. п., в новое время – новая мифология, творимая «Голливудом-Диснеем».

Ключевые слова: научно-популярная статья о животных, речевой жанр, советская печать, Рунет, экспрессия, олицетворение

Для цитирования: Дементьев В. В. Научно-популярные статьи о животных: речежанровые характеристики и их динамика (на материале советской печати XX века и публикаций в Рунете XXI века) // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 43–57. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-43-57>, EDN: QKKNUM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Popular science articles about animals: Speech genre characteristics and their dynamics (based on the Soviet press of the 20th century and publications in Runet of the 21st century)

V. V. Dementyev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim V. Dementyev, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Abstract. The article carries out a comparative genre analysis of popular science articles about animals in the Soviet press of the 20th century, and in the Runet of the 21st century. The research is based on a model that includes the following items: animal; author and addressee; society (community of readers of the article about animals) and the state of literature; language.

It is shown that the image of an animal in the article about animals is represented by a number of narrative plots: appearance; nutrition; intraspecific relationships; the birth of the young ones; attitude towards a human, which, being universal, reveal a certain dynamics in details.

The image of the reader of the article about animals is also relevant: in the 20th century they were presented as a “simple Soviet person” (tendency for self-education, optimism), in the 21st century – a layman observant, in many ways reminiscent of a tourist: their attitude towards the described animals is characterized by superficial curiosity, a share of indifference, non-involvement, non-empathy, however, not excluding sentimentality.

As for the dynamics of the article about animals as a speech genre, the most significant changes are the changes in the state of society / literature: “Soviet society ~ capitalist society”, “pre-Internet literature ~ Internet literature”. In particular, the Soviet manner of expression, which was restraint, optimistic and humanistic, is changing to permissiveness bordering on dissoluteness, pedaling “the bottom” and agonal plots.

Among the linguistic means of expression in the articles about animals, the author focuses on the method of personification (the similarity of an animal to a human), which at all stages of the development of the article about animals is both a constant factor of the additional interest in the animal and a source of a number of productive models of metaphorization. The main sources of “humanizations”, specific images and precedent texts in the articles about animals are art, fiction, cinema, estrade, etc., in modern times – a new mythology created by “Hollywood-Disney”.

Keywords: popular science article about animals, speech genre, Soviet press, Runet, expression, personification

For citation: Dementyev V. V. Popular science articles about animals: Speech genre characteristics and their dynamics (based on the Soviet press of the 20th century and publications in Runet of the 21st century). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 43–57 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-43-57>, EDN: QKKNUM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Научно-популярная статья о животных (далее – СЖ) – ядерный жанр научно-популярной части зоологического дискурса, выделяющегося в общем пространстве научного дискурса соответствующей тематикой и терминологией.

Прототипическим образцом для данного жанра считаем тексты Э. Брэма, Л. П. Сабанеева (в советское время на эти образцы ориентировалась, например, Детская энциклопедия, 4-й том которой был посвящен как раз животным, хрестоматии для внеклассного чтения по зоологии).

Будучи популярным и распространенным, даже традиционным для СМИ, книг и т. п. жанров письменной словесности (в эпоху Интернета распространенность не уменьшилась, а увеличилась), жанр СЖ почти не становился объектом лингвистического анализа (были лишь единичные исследования, как правило, посвященные каким-то отдельным его аспектам, например метафорам [1]).

Содержательные доминанты жанра СЖ – тематика (животные, представляющие интерес с точки зрения массовой культуры) и установка одновременно на информирование и развлечение читателя, отсюда – несколько противоречивые формальные до-

минанты: с одной стороны, информативность, логичность, умеренная терминологичность, с другой – упрощенность и доступность, эмоциональность и экспрессия (тоже преимущественно несложные), средства привлечения внимания и сигналы лояльности («автор – свой»).

Человеку свойственно интересоваться братьями нашими меньшими. Этот интерес может быть: а) практический – сельскохозяйственный, охотничий, транспортный (лошади) и подб.; практической является и информация об уходе за домашними животными; б) чисто развлекательный (включая эстетику и «анти-эстетику» (*безобразный*)).

И польза, и отвлеченный интерес могут составлять содержание СЖ, и при описании и того, и другого в научно-популярной СЖ активно используются средства экспрессии.

Это универсальные характеристики жанра СЖ.

Более частные характеристики жанра могут варьироваться под воздействием различных культурных, социальных, речекоммуникативных, языковых факторов – этим характеристикам и этим факторам в их динамике и посвящено настоящее исследование: изучаются СЖ советского периода в советской

печати и СЖ нового времени в Интернете (соответственно – СЖ₁ и СЖ₂).

Материал: для СЖ₁ – книги ученого-популяризатора И. Акимовича «Мир животных» в 6 томах, журналиста В. Пескова «Окно в природу» в 2 томах, а также книга «Удивительное в жизни животных» (кроме переводных статей иностранных авторов)¹.

Не брались художественные произведения: М. Пришвина, В. Бианки, Н. Сладкова и др., а также детские тексты, например, публикуемые в журналах «Юный натуралист», «Пионер», «Костёр» и т. д.

Современный «интернет»-материал (СЖ₂) взят из специализированных блогов: *Заметки о животных; Книга животных; Animals; WILDLIFE; Приключения натуралиста; Заметки зооработника; Птичий атлас; Московский Зоопарк; Про Кошек; О котиках; Кошка.ru; Нос, хвост, лапы; Аквариумные рыбки; В когтях у хищника*; а также с канала «Фауна» (где много и нетекстовых материалов).

Мы рассматриваем только статьи и не рассматриваем чрезвычайно тематически, жанрово, стилистически многообразные интернет-публикации о животных. Не берем пользующиеся большой популярностью в Интернете фотографии и видеоролики с «ловушек» (текста, в том числе устного, в таких публикациях может не быть вообще). Не рассматриваем «желтые» (низкопробные, чисто развлекательные) посты / реплики агонального, сексуального, смехового, рекламного и подоб. типа: «Орангутан vs горилла: кто кого», «Чем русский кот отличается от украинского кота», а также «листиклы» типа: «Топ-10 самых больших пород обезьян в мире».

Понимаем, что данные ограничения делают материал несколько искусственным: для среднего пользователя Интернета все перечисленные интернет-публикации гораздо ближе к интересующим нас СЖ₂, чем к СЖ₁.

Размер: и у СЖ₁, и у СЖ₂ наиболее распространенный размер – ок. 1 страницы, но может быть гораздо больше: у СЖ₂ – до 4–5 страниц, у СЖ₁ – даже до десятков страниц, поэтому в качестве примеров в большинстве случаев приводятся не полные тексты СЖ, а их фрагменты.

¹Издание было подготовлено Саратовским университетом (а именно: сотрудниками кафедр зоологии беспозвоночных и позвоночных: А. С. Константиновым, Н. И. Лариной, В. А. Бабенковой и др.) в 1966 году (2-е дополненное издание – 1970). Книга вышла, по меркам провинциального издательства, большим тиражом: первое издание – 40 000, второе – 120 000 экз. и оказалась весьма удачной, до сих пор известна. Книга представляла собой по большей части перепечатку содержательных, по мнению составителей, текстов о животных из различных источников – от кусков научных монографий (в сокращенном виде), энциклопедий (в частности, много статей из Э. Брэма) до записок путешественников, натуралистов, охотников, писателей (например, есть Н. Сладков, Дж. Даррелл, Ж.-И. Кусто). Несколько (немного) статей были написаны самими составителями из СГУ. При этом авторы, судя по всему, ориентировались на «усредненный научно-популярный стиль», что и придало книге в итоге целостность.

1. Методика

Исследование жанра СЖ на названном материале будет осуществляться нами по **модели**, включающей пункты:

- **животное**;
- **адресант и адресат**;
- **общество** (≈сообщество читателей СЖ): социальные роли, элементы коммуникации и их названия, ценности и приоритеты (включая отношение к животным, представления о престижном досуге, отношение к занимательному чтению), имеющие значение для жанра СЖ;
- **состояние словесности** (≈место СЖ в общем пространстве словесности: цензура и ее правила / границы / отсутствие, общая степень формализованности / официоза главных сфер словесности и их отношение к представлениям о хорошей / образцовой речи, включая представления о хорошем / образцовом говорящем / пишущем и слушающем / читателе, влиятельные жанры словесности);
- **язык** (литературный и нелитературные страты), средства выразительности (метафора и актуальные модели метафоризации). Здесь же рассматриваем такие текстовые характеристики СЖ, как композиция, логика, связь частей (индукция-дедукция), особенности синтаксиса.

Общая (предварительная) динамика некоторых из этих пунктов представлена в таблице.

Некоторые пункты очевидны (наличие-отсутствие цензуры), другие требуют обсуждения.

2. Основная часть

2.1. Животное

Образ животного, которому посвящена та или иная СЖ, хотя и имеет главное значение для жанра СЖ, малопоказателен с точки зрения динамики жанра. Однако стоит отметить две вещи, которые представляются достаточно принципиальными с этой точки зрения.

Понятно, что не изменились сами описываемые животные: они (особенно экзотические) интересны сами по себе, хотя количество известных животных увеличилось, СЖ₂ дополни-

Сравнительные характеристики СЖ₁ и СЖ₂

Table. Comparative characteristics of articles about animals

Критерий	Статьи / книги советского периода (СЖ ₁)	Публикации в Рунете (СЖ ₂)
Количество и качество животных	Достаточно подробно представлены животные домашние и дикие (промысловые и непромысловые), некоторый уклон в сторону «сенсационности» (экзотичные, краснокнижные, реликтовые и вымершие)	Количество и степень изученности животных увеличились, уклон в сторону «сенсационности» – тоже
Отношение общества к животным	Развиты с/х и охота; биологические знания, знания и о с/х, и об охоте активно транслируются советской печатью наравне с «интересностями»	Доля в обществе специалистов меньше. Уход за домашними животными стал бизнесом. Падение железного занавеса, массовый туризм позволили бывшим советским гражданам знакомиться с обширной информацией о животных из иностранных источников, а также – иногда – непосредственно контактировать с ними (а каких-то и заводить у себя дома)
Общее состояние общества	Пропагандируются любовь к чтению, тяга к образованию (в том числе биологические знания; знания и о с/х, и об охоте), на это не жалеют досуга	«Буржуазность», потребительство, культ досуга, удовольствий, туризма
Состояние словесности	Партийная печать, цензура	Отсутствие цензуры, тяготение к неформальности, появление Интернета с его языком, приоритетами, жанрами
Влиятельные жанры словесности	Энциклопедия, научная и научно-популярная книга / статья, описания путешествий	Блоги и видеоблоги, социальные сети, описания путешествий (травелоги), шоу, реклама

лись информацией о животных, не описанных ранее. При этом представление о животном в СЖ не изменилось в главном: естественное развитие науки мало затронуло СЖ, а массовые знания / сведения из нее устойчивы во времени. Для большинства читателей СЖ большая часть научных открытий, включая уточнения и пересмотр классификационных характеристик, совершенно неактуальна.

Образ животного в СЖ представляют ряд **нарративных сюжетов**, которые, будучи универсальными, обнаруживают определенную динамику в деталях:

- **внешний вид;**
- **питание (у хищных – охота);**
- **агональность («драки»): внутривидовые и межвидовые, идущие и по разряду «хищник-жертва», и «хищник-хищник», и «нехищник-нехищник»;**
- **внутривидовые (стайные) отношения, времяпрепровождение стаи;**
- **брачные игры, рождение детенышей и забота о них (если есть);**
- **отношение к человеку / домашним животным и с / х в целом;**
- **занятные «увиденные» / «услышанные» истории.**

В СЖ₂ темы стали несколько свободнее: больше обсуждается «низкая» сфера: размножение и выделения, часто это идет по линии

юмора. Резко возросла доля и роль агональных сюжетов (не только в «желтых» СЖ₂, но и СЖ₂ в целом – как в целом в современной массовой культуре [2]).

Универсальность перечисленных тем, как и различия в их подаче, хорошо видны на следующих двух примерах: для сравнения мы взяли СЖ на одну тему – образ жизни муравьев в муравейнике – в книге И. Акимушкина «Мир животных» (т. 5: Насекомые. Пауки) и в блоге «Книга животных».

СЖ₂ гораздо короче, ее текст дан полностью; СЖ₁ – лишь небольшая часть.

СЖ₁: Гнезда муравьев, кроме всем знакомых хвойных куч, бывают самые разные. Из картона. Из пня. Из хвои. Из черешков листьев. Даже из мелких камешков. Иногда гнезда расположены просто в трещинах древесины или в щелях между камнями.

Тропические муравьи – эофилы выделениями клейких желез своих личинок буквально сшивают наружные листья кроны дерева и живут внутри получившейся сферы. Некоторые муравьи в открытых местностях охотно поселяются под валяющимися камнями, чем оказывают ценную услугу земледельцу: камень в конце концов проваливается сквозь разрыхленную ими почву. Никого не удивит, что в лесу, под елкой, – внушительное сооружение. Все знают, трудолюбивы муравьи, причем в крупном гнезде их миллион. Каждый по палочке, вот и куча.

Зиму муравьиная община провела в многочисленных камерах гнезда, под землей, в полном оцепенении.

Весной зашевелились... И. Халифман в своей книге описывает **изумительный** механизм пробуждения муравьев. Вначале просыпаются разведчики. Они верхние на клубке (**последними, значит, заснули осенью**, замуровав выход из камеры). Вот они пробиваются наверх, греются на солнышке, а когда панцири у них раскаляются, спешат вниз и таким образом приносят частичку тепла своим спящим товарищам. Те, почуввав тепло, тоже начинают шевелиться, события полезны ускоряются.

И начинается и день, и целое лето охотничьих подвигов и трудовых свершений. Гнездо все более **обретает** запутанность, сложность, непонятность, неразборчивость, неповторимость и, однако... черты **воплощенного** типового проекта. Да, да, при всей неразберихе магистралей, тоннелей, камер каждый муравейник все-таки типичная постройка определенного вида.

Вокруг пня, от которого через несколько лет мало что осталось, возведен муравейный город **формики руфа**, рыжего лесного муравья. Мать-основательница в глубине, в подземельной тьме, исправно несет яйца (некоторые исследователи утверждают, что ее плодородность может достигать 7 миллионов яиц). Вокруг хлопочут помощники: одни ее кормят, другие чистят, третьи заняты уходом за яйцами, четвертые перетаскивают **окуклившихся** личинок в камеру повыше, где за ними будут ухаживать пятые; шестые суетятся возле куколок – это в камере, расположенной еще выше; седьмые несут бдительную вахту в камере под самой крышей.

Эта схематическая картина муравейника **до крайности осложнена** бесчисленным множеством тоннелей для пешеходов, вентиляционными магистральями, системой водоотводных каналов, окружающих муравейник, в **ведро** сухих, но великолепно работающих, когда дождь пытается промочить этот город.

Муравьи не любят сырости и с **великим тщанием** следят, чтобы влажность в их доме держалась только такая, какая нужна. Муравьи даже крышу купола регулярно перетряхивают, иначе не избежишь плесени...

Километры наземных и подземных магистралей (последние тянутся иногда на десятки метров в стороны), миллионы деталей **величественного** здания – все это требует бесконечных «найти», «собрать», «прокопать», «склеить», «поднять», «вознести», «увеличить», «расширить»... **Семья-то растет!** В сущности, муравейник строится ежегодно: весной, когда он весь сплюснут давлением сугробов, начинают. Осенью, перед спячкой, заканчивают... Огромное вложение труда, **а ведь еще прокормиться надо такой ораве** и уделить заботу потомству. Нет, гулять, любоваться природой, **сибаритствовать** муравьям некогда. Работа, работа, работа... **А ведь муравей, если хотите знать, может чувствовать усталость.**

У каждого свое дело, у некоторых оно таково, что его ни на минуту нельзя оставить. Все разделены расстояниями...

СЖ₂: Большинство насекомых **не парится** по поводу зимовки, **они просто умирают.** Это решение не идеальное, но рабочее: весной из яиц и куколок **вылезает** следующее поколение членистоногих. Только вот для муравьев оно не подходит. Их личинки абсолютно неспособны выжить без помощи рабочих. А за несколько месяцев спячки все труды по строительству мегаполиса-муравейника **пойдут коту под хвост.** Поэтому насекомым пришлось разработать **операцию под кодовым названием «Зима».**

Первый этап стартует где-то в начале июля, когда **осенью даже не пахнет.** **Мураши** расчищают и перестраивают подземные камеры своей базы. На самом нижнем уровне мегаполиса отрывается несколько больших помещений, где насекомые будут жить зимой. В это же время **трудяги забывают** кладовые едой, которая может долго не портиться: почками, стеблями растений, зерном и сушёными насекомыми. Свой вклад вносит и матка: она откладывает **неоплодотворенные** яйца, из них получаются отличные белковые консервы!

Второй этап наступает с приходом первых ночных заморозков – осенью. **Работяги сгоняют** стада тли внутрь муравейника. Туда же **подтягиваются** мотыльки, жуки и даже некоторые из пауков. Всех муравьи примут радушно. **Даже едой поделятся!** Ведь гости – это **не только весёлая компания, но и живой провиант на случай исчезновения запасов.**

С наступлением холодов **работяги баррикадируют** входы в общий дом сухими растениями и спускаются на нижние этажи базы. Никто из них не впадёт в спячку, все будут дышать, есть и заниматься домашними делами. **Вырабатываемое** ими тепло **позволит поддерживать высокую температуру жилых камер даже при 30–35 градусах ниже нуля.** В южных регионах нашей страны **животинки** могут выбираться за провизией во время оттепелей.

Муравьям тайги и тундры жить сложнее, но и они приспособились к суровому климату. Каждый северный муравей знает, что в морозы надо **отжириться** углеводами. Благодаря повышенному содержанию сахаров в **гемолимфе**, насекомые не замерзают даже в -54 градуса снаружи муравейника! Вместо этого муравьи впадают на короткое время в **диапаузу – отключку, напоминающую глубокий сон.** Да, без потерь не обойдётся, но **трудяги** к ним готовы. **Цвет общества:** матка, яйца и наиболее опытные муравьи – держатся в самом центре обитаемого пространства и **гибнут куда реже, чем молодёжь с периферии.**

К счастью, холода всегда проходят. Весной появляется много дел. После зимы работягам нужно восстановить сеть тропинок, захватить новые стада тли и, конечно, готовиться к новому периоду холодов. Ведь, **как известно, зима близко.**

Конкретные средства описания животных: язык, средства экспрессии – будут подробно рассмотрены в п. 2.4, но некоторые языковые, стилистические, текстовые особенности приведенных СЖ в сравнительном плане обсудим сейчас.

В обоих типах СЖ довольно много экспрессии (в частности, в обоих много восклицательных предложений), юмора, но в СЖ₂ больше, только здесь есть ирония (много), довольно много отсылок к реалиям и текстам (в том числе прецедентным) новейшего времени.

В обоих СЖ много примет разговорности (лексических и синтаксических), и тоже в СЖ₂ намного больше, чем в СЖ₁, в целом экспрессия в СЖ₂ носит более сниженный характер.

Олицетворения и соответствующие метафоры есть в обоих СЖ.

СЖ₁: гораздо более длинные предложения, большинство – сложные, много осложнений разных типов, многочисленные и разнообразные причастия (*внутри получившейся сферы, разрыхленную ими почву, под валяющимися камнями, черты воплощенного типового проекта, окуклившихся личинок, в камере, расположенной еще выше, до крайности осложнена, каналов, окружающих муравейник, великолепно работающих, весь сплюснут давлением сугробов, все разделены расстояниями*), более богатая лексика, есть не только термины (*экофилы, формики руфа* – их, впрочем, очень мало), но и высокая, книжная лексика (*Гнездо все более обретает запутанность, черты воплощенного типового проекта, с великим тщанием, оказывают ценную услугу земледельцу, до крайности осложнена, сибаритствовать*), иногда – общая высокая, даже торжественная тональность: *И начинается и день, и целое лето охотничьих подвигов и трудовых свершений* (кажется, в одном случае такое использование высокого стиля играет роль иронии, но не уверены вполне: *Километры наземных и подземных магистралей (последние тянутся иногда на десятки метров в стороны), миллионы деталей величественного здания (о муравейнике!)*), есть ссылки на научные труды (*И. Халифман*).

Олицетворения и соответствующие метафоры (*мать-основательница, своим спящим товарищам, хлопочут помощники, тоннелей для пешеходов, лето охотничьих подвигов и трудовых свершений*).

Разговорные слова и выражения (*Последними, значит, заснули осенью, Семья-то растет!, А ведь еще прокормиться надо этакой ораве*), включая разговорные фразеологизмы (*Каждый по палочке, вот и куча*). Сниженной нелитературной и жаргонной лексики – нет совсем, зато в СЖ₁ с целью экспрессии для описания явления природы используются диалектизмы (*вёдро*).

Гораздо разнообразнее и сложнее, чем в СЖ₂, синтаксические и текстовые средства выразительности: только здесь есть парцел-

ляция + синтаксический параллелизм (*Гнезда муравьев, кроме всем знакомых хвойных куч, бывают самые разные. Из картона. Из пня. Из хвои. Из черешков листьев. Даже из мелких камешков*), обращения к читателю (*А ведь муравей, если хотите знать, может чувствовать усталость*), определенно- / обобщенно-личные предложения (*Никого не удивишь, Муравьи даже крышу купола регулярно перетряхивают, иначе не избежишь плесени*), экспрессивная пунктуация: многоточие (*Весной зашевелились... И. Халифман в своей книге описывает изумительный механизм пробуждения муравьев; Муравьи даже крышу купола регулярно перетряхивают, иначе не избежишь плесени...*), кавычки (*все это требует бесконечных «найти», «собрать», «прокопать», «склеить», «поднять», «вознести», «увеличить», «расширить»*), а также общая художественная изобразительность (*Вот они пробираются наверх, греются на солнышке, а когда панцири у них раскаляются, спешат вниз и таким образом приносят частичку тепла своим спящим товарищам*).

СЖ₂: гораздо более короткие предложения, в большинстве – простые, без осложнений, почти нет причастий, за редким исключением (*неоплодотворенные яйца, вырабатываемое ими тепло, напоминающую глубокий сон*), синтаксис в целом сильно трансформирован в сторону разговорности, много сниженной лексики, фразеологии (*пойдут коту под хвост, осенью даже не пахнет*), иногда – нелитературной (*не парится по поводу зимовки, отжираться углеводами, отключку, животинки*). Книжная лексика и стиль – почти нет, за единичным и неярким исключением (*с приходом первых ночных заморозков, обитаемого пространства*), хотя термины – есть (как и в СЖ₁, их всего два: *благодаря повышению содержанию сахаров в гемолимфе, впадают в диапаузу*).

Олицетворения и соответствующие метафоры (*цвет общества, молодёжь с периферии, следующее поколение, работяги баррикадируют, труды по строительству мегаполиса-муравейника, все будут дышать, есть и заниматься домашними делами, разработать операцию под кодовым названием «Зима», Всех муравьи примут радушно, даже едой поделятся, ведь гости – это не только весёлая компания...*).

Есть не только новые (относительно) реалии (*мегаполис, белковые консервы, нижние этажи базы, молодёжь с периферии*), но и новые прецедентные тексты (*как известно, зима близко (из «Игры престолов»)*).

В отличие от СЖ₁, довольно много иронии, в том числе довольно мрачной, черноватой (*Большинство насекомых не парится по поводу зимовки, они просто умирают; Ведь гости – это не только весёлая компания, но и живой провиант на случай исчезновения запасов*).

2.2. Адресат и Адресант

При реконструкции образа читателя СЖ₁ (Ч₁) следует учитывать, что в советское время существовало расхождение (иногда даже прямое противоречие) между официально декларируемыми смыслами (ценностями, претендующими на всеобщность) и реальностью². Нас интересует, в первую очередь, образ, создаваемый на страницах анализируемых изданий.

Такой реконструируемый Ч₁ верил в правильную и гуманистическую политику своего государства, в частности, в то, что природа находится в надежных руках честных и ответственных профессионалов: зоологов, ветеринаров, работников заповедников, лесничих: читатель чувствовал себя «своим», равным этим уважаемым людям (тем более – рассказчикам-неофитам, которые вообще не отличались от читателя и тоже с большим уважением приводили данные от специалистов). (Хотя института волонтерства еще не существовало).

Ч₁ активно занимался самообразованием, в том числе биологическим; в целом транслируемой через посредство СЖ₁ информации присуща гораздо большая системность.

При этом Ч₁ безусловно любил развлечения, и любил посмеяться, и был любопытен, и любил занимательные истории, сенсационность и экзотику (в большой мере это касалось животных).

Добавим, что Ч₁, несмотря на общую идеализированность образа, в некоторых бытовых отношениях был вполне «взрослым»: знал темные стороны жизни и не боялся их; применительно к животным – что есть и браконьеры и живодеры, и экологические проблемы, и непродуманные эксперименты (СЖ₁ про кроликов в Австралии или колорадского жука), но без нагнетания негатива, как часто случалось в постсоветских СЖ₂.

Образ читателя современных популярных и научно-популярных интернет-публикаций о животных (Ч₂) гораздо меньше противопоставлен реальному читателю, хотя все же

в некоторых отношениях не равен ему полностью: это «типичный простой человек» начала XXI в. («типичный простой человек» начала XXI в. – обыватель, тогда как «типичный простой человек» середины XX в. был, вернее, подавался как «простой советский человек», а это совсем не обыватель), в меру любопытный (еще больше, чем у Ч₁, востребованность сенсационности), заинтересованный неофит, не слишком образованный (по крайней мере, как правило, без специальных знаний), но готовый учиться, хотя и не ценой большой затраты времени и усилий, как адресат соответствующего научно-учебного текста, разумеется, любящий развлечения, стремящийся к удовольствиям, гедонизму (ср. создаваемые рекламой и т. д. образцы приятного и престижного времяпрепровождения), скорее любящий животных (но не являющийся волонтером или специалистом-биологом, хотя и знающий о их существовании и возможности стать волонтером самому, отправить пожертвования «на дикую природу»). Важно, что изменилась коммуникативная компетенция Ч₂: он имеет опыт чтения развлекательных (в том числе «желтых») интернет-статей, а также опыт интернет-коммуникации (владеет соответствующим специфическим жаргоном, интернет-жанрами и т. д., включен в множество развлекательных, спортивных и т. д. институтов, владеет их кодами (отсюда – много соответствующих реалий и прецедентных текстов: из сферы фитнеса, шопинга, косметических услуг)); как и большинство интернет-пользователей, склонен «потреблять» в СМИ и Интернете больше эмоции, чем информацию.

Ч₂ во многом напоминает туриста, как и его отношение к описываемым животным напоминает отношение туриста к осматриваемым достопримечательностям: поверхностность, доля равнодушия, невовлеченности, неэмпатии – хотя может быть много сентиментальности³.

Несколько изменилось и место животного в картине мира современного человека, в частности, практические и ветеринарные запросы сейчас стали и шире, и специализированнее. В СЖ₂ иногда есть элемент рекламы (от типов кормов до самих животных, которых могут предлагать приобрести). Особую группу СЖ₂ составляют лайфхаки в стиле рекомендаций ветеринара или в стиле разговора

²Общий для всех советских СМИ, советской официальной словесности (а другой не было) образ читателя – «типичный советский человек». Роль СМИ состояла не только в информировании, но и в воспитании такого читателя в коммунистическом духе [3]. О идеализированности читателя даже в таком «несерьезном» издании, как юмористический журнал «Крокодил» 1970-х гг., см. [4: 74–79].

³Туристический / туристский дискурс и – шире – картина мира активно изучается, по нему защищаются диссертации, включая докторские [5, 6].

товарищей – хозяев животных, делящихся забавными наблюдениями.

Перечисленные изменения коснулись и **адресанта**, т. е. **автора СЖ**. Однако эти изменения, как представляется, были менее специфичными для СЖ, чем изменения адресата: в целом основные речевые характеристики адресанта СЖ₂ совпадают с характеристиками новых (постсоветских) СМИ, детально рассмотренных, например, в [7–10]. Со стороны своей речевой культуры адресант сильно сместился в сторону фамильярно-жаргонизирующего типа, в терминах О. Б. Сиротининой. Как и автор СЖ₁, автор СЖ₂ активно привлекает данные ученых, но теперь он часто относится к ним с иронией:

Когда изучаешь дикую природу и ее обитателей, порой невольно задаешься **нелепыми, но интересными вопросами**:

- Сможет ли жираф выжить в джунглях?
- Что было бы, если бы слоны заселили Арктику?

Или вот, например:

Сможет ли африканский лев победить бурого медведя?;

Медведь делает упор на растительную пищу. Рыба и мелкие животные добавляют немного белка в его рацион. Лев придерживается строгой диеты, состоящей из сырого красного мяса. Усиленная белковая диета предполагает, что у льва соотношение силы к весу должно быть больше, и несмотря на меньшие размеры, он должен быть сильнее. **Улыбнуло?:) Вот и я тоже лишь усмехнулся. Однако так считают ученые...**

То же касается нового образа отношений адресата и адресанта: подчеркивается дружелюбность и фамильярность:

И снова здравствуй дорогой мой друг, любитель необычных подводных обитателей и аквариумных рыбок. В подводном мире обитают миллионы различных существ, созданных **макушкой** (Так! – В. Д.) природой и доведенных до совершенства **тетушкой** эволюцией. Среди них особым вниманием пользуются тихоходки или **как их кличут биологи** tardigrada. Некоторые их называют водяными медведями.

2.3. Общество, быт, состояние словесности

По-видимому, наиболее значимые для СЖ характеристики социальной динамики за 50 лет состоят в том, что был проделан путь от крестьянского подхода (где домашних животных забивали на еду и это не считалось жестокостью) → к современному потребительскому и туристскому раю (*leisure society*), где домашние животные – любимые игрушки. Резко уменьшился институт охотников, зато резко увеличился – туристов. Появление института волонтерства, кажется, не внесло принципи-

альных изменений в жанр СЖ, зато внесло – появление института блогерства.

Изменившиеся реалии, с одной стороны, проникают в тексты СЖ₂ (*супермаркет*), с другой – заставляют описывать прежние реалии (*охоту*) более подробно (и с иронией):

В глухой тайге не найти *супермаркета*, вот и приходится заниматься промыслом. Многие поселения только и живут за счет него, продавая добытые мясо, шкуру, жир. **Неужели в 21 веке охота – необходимая вещь?** Да, необходимая. И прежде чем вы **закладаете нас тапками**, мы расскажем – **а какая охота вообще бывает?..**

С точки зрения динамики жанра СЖ, наиболее значимыми были изменения состояния общества / состояния словесности: **а)** «советское общество → капиталистическое общество» и **б)** «доинтернет-словесность → интернет-словесность». Трудно определить, какой фактор был сильнее: действительно, современные СЖ₂ несут очень сильный отпечаток интернет-коммуникации: языка (в том числе нелитературных и сниженных его стратов), системы новых жанров, норм общения (например признаки интерактивности: количество, скорость поиска, возможность обсуждать и передавать и совместно творить и создавать и множить эффекты присутствия: ссылки на другие статьи, видеоблоги); с другой стороны, наличие партийной цензуры – главный признак советской словесности – не так уж сильно, кажется, влиял на тексты СЖ₁: мир животных внепартиен.

а) Советская экспрессия, которой были свойственны сдержанность (даже некоторый «аристократизм»), оптимизм и гуманизм, меняется на вседозволенность до разнузданности, педалирование «низа».

В парадигме современных жанров развлекательных медиа отмечается экспансия ценностей и приоритетов шоу, что проявляется в «пожелтении» СМИ, массовых читательских запросов [7]. Все больше ценятся сенсационность, агональность. В СЖ₂ много завлекательных текстов-размышлений на тему «Кто кого?»:

Сможет ли стая волков справиться с кланом гиен? Серые волки способны охотиться на очень крупных животных: они нападают на кабанов, оленей, лосей и даже бизонов. Впрочем, пятнистые гиены тоже «не пальцем деланные». Кто же победит в схватке? Оба хищника очень умны и работают в команде. Но у пятнистых гиен есть неоспоримое преимущество: они более крепко сложены и обладают более мощными челюстями, чем волки. Согласно данным из Википедии абсолютная сила укуса волков оценивается в 1412 Н, тогда как гиены способны делать «кусь» с силой в 4500 Н. То есть в 3 раза больше. Серые волки более проворны в своих атаках, но гиены созданы для силы и способны конкурировать с крупными хищниками. Поэтому при

столкновении с серыми волками преимущество будет за пятнистыми гиенами. А как думаете вы?;

Сравнение сильнейших хищников планеты. Кто победит в схватке?;

Мурена в Деле! Мурена против осьминога, змеи, краба, мурены и даже акулы!

Как и в новых СМИ в целом, отмечается снижение уровня речевой культуры, определенная редакторская неряшливость современных публикаций. Многочисленные речевые и даже орфографические ошибки в СЖ₂ не рассматриваем (в СЖ₁ их нет).

б) Влияние интернет-коммуникации и Интернета в целом проявляется, прежде всего, во встраивании СЖ₂ в обширное пространство жанровых и околожанровых интернет-феноменов (паблики и посты блогеров и сообществ, видеоблоги о путешествиях и экскурсиях и травелоги, лайфхаки и советы – все они предполагают принятые для «своих» код / язык, прецедентные тексты), границы между которыми и СЖ₂ часто размыты (см. выше характеристику материала, в частности, наглядываемые на него ограничения – иногда, возможно, искусственные).

Как и в современных медиа в целом, в СЖ₂ влияние Интернета проявляется в востребованности аттрактивности: поскольку сейчас не составит никаких проблем найти всю информацию про животное (включая старые тексты о нем), автор этой публикации должен привлечь читателя.

Это отличие наглядно проявляется, в частности, в таких невербальных элементах СЖ, как **иллюстрации**: сейчас большинство авторов считают достаточным скачать более-менее подходящую картинку, находящуюся в открытом доступе или даже с ограничением такого доступа (но по этой причине легкости они и меньше ценятся), в советских изданиях – создаются специально, под данный текст, профессионалами⁴.

⁴Так, книги серии «Мир животных» И. Акимушкина отличались обилием фотографий и рисунков А. Блоха и Б. Жутовского и необычным на то время дизайном.

⁵Ср. многочисленные приемы олицетворения в отчасти близком СЖ жанре *переживательной истории о котиках*, описанном нами в [11]: котик представлен там как ребенок, очаровательный: ласковый, дружелюбный, веселый, игривый, по-детски смывленный, а также проказливый и своевольный, что, конечно, только добавляет очарования, но несчастный (сирота). Ср. номинации «девочка», «мальчик», «малыш», «малышка» вместо не только котёнок, но и кошка, кот (взрослых), использование «детского языка» (кусь, тыгыдык), диминутивов (*лапки, глазки, хвостик, серенький, пушистик, розовое облачко с глазками и ушками*), «ласковой» авторской языковой игры (*очаровашка, красотун, ласкуша, обнимака, тихуша, пуляша, бояка, самопочесун, замурчательный, целовательный, тискательный, залипательный*) и тоже «детских» метафор (*кроха, розовоносое чудо, серый комочек счастья*). Котику частотно приписываются такие человеческие качества, как мышление и характер: котик представляется как *добрый, игривый, общительный, контактный, воспитанный, рассудительный, интеллигентный, тактичный, утонченный, стильный, стеснительный, хулиганский, наблюдательный, деловитый, разговорчивый, ироничный, брутальный, харизматичный, начитанный (так!), экстраверт и интроверт, джентльмен, с философским отношением к жизни, королевских кровей* и т. п. Одна из наиболее частотных метафорических моделей – представление отношений «человек ~ животное» как дружбы и любви, отсюда – использование многочисленных метафор дружбы и любви, присущих соответствующим «человеческим» концептам [Там же: 318–320].

2.4. Язык

Выше, рассматривая и сравнивая СЖ₁ и СЖ₂ про муравьев, мы уже сравнивали их основные языковые характеристики – эти же характеристики, в общем, присущи все-му нашему материалу.

Рассмотрение полного объема материала позволяет с большей уверенностью выделять языковые и речевые закономерности и тенденции.

• Начнем с **метафоризации**, точнее – приема **олицетворения (сходство животного с человеком / человекоподобность** – конечно, субъективно усматриваемая), который на всех этапах развития СЖ является одновременно постоянным фактором дополнительного интереса к животному, важнейшим средством экспрессии в СЖ и источником ряда продуктивных моделей метафоризации⁵.

При этом основным источником и «очеловечиваний», и конкретных образов и прецедентных текстов в СЖ являются искусство, художественная литература, кино, телевидение, эстрада и т. п.

Источники же метафор отчасти остаются прежними, отчасти изменились.

Традиционная метафора / олицетворение: общественная иерархия (в частности, «сильные мира сего» и угнетаемые), трансляция информации в обществе (оповещение об опасности, брачный призыв, дезинформация и обман (например, мимикрия)), свадьба / сватовство, семья, воспитание детей и школа, соседи и взаимоотношения с ними. (Среди упомянутых иллюстраций в книгах Акимушкина много шуточных, где животные очеловечены: малышки рыб сидят за партами, жабы в брачных костюмах и с букетами... (рис. 1 и 2).)

Соответственно источником и новых «очеловечиваний», и образов, и многочисленных прецедентных текстов в СЖ₂ стала новая мифология, и прежде всего – «Голливуд-Дисней».

Рис. 1
Fig. 1

Рис. 2
Fig. 2

Олицетворение в СЖ₁:

Рыба гольян – **настоящий каннибал**: взрослые рыбы пожирают свое потомство или по меньшей мере пытаются это сделать. «Пытаются» – потому

что природа мешает этим **бессердечным родителям** уничтожить свой род. Когда взрослая рыба нападает на молодую и едва царапнет ей кожу, у последней выделяется какое-то вещество, которое вызывает ужас у агрессора. Он тотчас ретируется. Аналогичное пахучее вещество было обнаружено у другого рода той же группы рыб – у знаменитых золотых рыбок». Да, и такой тяжкий грех совершают рыбы, причем столь многие, что он представляется не случайным, а типичным явлением...

В СЖ₁ находим и то, что – с натяжкой – может быть названо старой или традиционной мифологией: прецедентные тексты из сказок и др. жанров литературы, фольклора, паремологии и т. п.:

Самый красивый из наших лебедей, герой многих легенд, перевоплощенный сказочный принц, – лебедь-шипун;

Прямо сказать, когда смотришь на сайгачат, невольно ступаешь на путь сравнений и фантастических догадок. У них мордочки вытянуты с явным намерением превратиться в хобот. Кажется, задайся они (где-нибудь в третичном периоде) навязчивым вопросом: «А чем завтракает крокодил?», и это удобное хватящее приспособление им было бы обеспечено, как и любопытному слоненку из сказки Киплинга. Однако ничего такого не произошло. Зато у сайгаков (только у самцов) выросли рога;

У многих народов змея – олицетворение лжи и зла. Библейский змей в этом смысле не одинок. Сказочные его варианты тоже известны: драконы, змеи-горынычи... Но в то же время – храмы змей в Дагомее и священные кобры Бирмы, Индии, преклонение перед гремучими змеями у индейцев, вековое табу и запреты убивать их... Змея – символ могущества и разных тайнств у ацтеков (оперенная змея), у египтян (кобры в головном уборе фараона), у древних греков (змея – исцелитель Эскулапа и дочери его Гигеи – Гигиены) и у европейцев в более поздние времена («коронованная змея»).

Но ни авторам, ни читателям СЖ₁ не приходит в голову, что животные на самом деле такие, как их представляет фольклор, тогда как в СЖ₂, кажется, мифологическая картина не изгоняется решительно в пользу картины научной.

СЖ₂: новая метафора / олицетворение + новые прецедентные тексты: названия и персонажи книг, фильмов, сериалов, мультфильмов, телепередач, а также селебритиз, шоумены, телеведущие:

Бородавочник: Полная противоположность своего образа из «**Короля Льва**». Поджарый, стройный и **брутальный перец**;

Что забыла лаконогая животина на озере, когда все её родственники тусуются в океанах? **Плюхайтесь на диван и давайте разбираться**. Байкальская нерпа – это своеобразный аналог **русалки**: верх кошачий, а низ рыбий. На суше, понятное дело, такая **химера** ловкостью блистать не будет. Но это не делает передвижения животины менее **эпичными**:

карабкаться по льду ей помогают кошачьи коготки и манера движения в стиле гусеницы-**индзя**. Зато в воде упитанная ластоногая **сосиска** превращается в **мисс грацию**. Плавники и хвост разгоняют тулово весом в 80 кило до 8 км/ч. Для справки: человек в среднем плавает в два раза медленнее. И всё ради того, чтобы плотно покушать. Кошачья натура и тут помогает: вибриссы хорошо улавливают добычу, мелкие острые зубы отлично удерживают вёрткую и скользкую рыбёху, а вертикальный зрачок расширится в тёмной толще воды для лучшей видимости. Спешить с поисками ни к чему – дыхалки для погружения ей хватит аж на полчаса! Даже если ничего не поймалось, всегда можно подплыть к людям и попросить рыбёху-другую с глазами кота из **Шрека**;

Антарктический клыкач может опускаться на глубину в 2,2 км, и по сравнению с кальмаром достигает в длину всего 2 м и 130 кг веса. Кажется, что это совсем не тот размер, чтобы выдержать атаки щупалец антарктического гигантского кальмара оснащенными мощными крючками. Тем не менее, атаки этих двух биологических машин убийства друг друга часто происходят в естественном мире как **«хищник против инопланетянина»**;

Не только средой обитания удивительна эта улитка, а тем, что является **терминатором** животного мира, ведь это единственная на свете животинка, у которого железный скелет. Эту **суперулитку** звать *chrysomallon squamiferum*, впервые была найдена в Индийском океане, где соединяются три литосферные плиты на глубине около 2500 м;

«Смотрите, Пумба! Пумба!» Так приветствуют бородавочников туристы, которые впервые оказались в Африке. Но что означает это имя, многие даже не догадываются. Если честно, **сценаристы Walt Disney, когда создавали мультфильм «Король лев», особо не утруждали себя придумыванием имен. Они просто позаимствовали их из языка суахили.** «Симба» переводится как лев, «Нала» означает подарок, «Рафики» – это друг. В общем, каждое имя – это какое-то слово из суахили. За исключением разве что Муфаса. Это словечко позаимствовано из другого африканского языка и переводится как «король».

Новые прецедентные тексты (в том числе нелитературные) в СЖ₂:

Непохожий на тебя! И похожий тоже. На фоне столь крохотного тела глаза олинго больше напоминают очи лемура. Когда зверёк сидит на ветке, его можно перепутать с сусликом, а если притаится, то с хорьком или лаской. Наш герой выбрал жизнь на деревьях, что больше свойственно приматам, но поведением олинго отчётливо подражает кошкам. Генетикам всё же удалось обнаружить его близких родственников. Это – кинкажу и носуха. Удивительно, но внешнее сходство с ними как раз минимальное;

Жадность – это такая штука, которая способна **погубить не только фраера, но и взрослого питона**. Эти гигантские змеи известны тем, что способны охотиться на довольно крупную добычу. При этом умудряются её поместить внутри себя целиком.

Не нужно никаких вилок, ложек, столовых ножей и даже китайских палочек – проглотил и все дела;

В дикой природе нет **сайтов знакомств**, поэтому животным приходится прибегать к разного рода ухищрениям, чтобы найти вторую половинку. К примеру, тевяки (они же длинномордые тюлени) придумали довольно любопытный способ соблазнения. Вообще, в плане завоевания руки и сердца животные весьма оригинальны. Какие только методы **пикапа** они не используют. ... Если рассматривать конкретно тюленей, то они являются социальными животными, поэтому неудивительно, что свои вокальные способности ластоногие самцы используют не только для общения с себе подобными, но и... для привлечения внимания **«той самой»**. **Единственной и желанной**. ... Ученые поймали этих морских млекопитающих «на горячем», когда самцы длинномордых тюленей для поиска второй половинки использовали запрещенный прием – хлопали «в ладоши» под водой. ... Своим громкими хлопками самцы привлекают внимание **прекрасных барышень**, показывая тем самым, что они находятся в хорошей физической форме.

Прецедентные тексты и ситуации из таких новомодных речевых жанров, как **служба знакомств и конкурс красоты**:

В дикой природе нет **сайтов знакомств**, поэтому животным приходится прибегать к разного рода ухищрениям, чтобы найти вторую половинку. К примеру, тевяки (они же длинномордые тюлени) придумали довольно любопытный способ соблазнения. Вообще, в плане завоевания руки и сердца животные весьма оригинальны. Какие только методы **пикапа** они не используют. ... Если рассматривать конкретно тюленей, то они являются социальными животными, поэтому неудивительно, что свои вокальные способности ластоногие самцы используют не только для общения с себе подобными, но и... для привлечения внимания **«той самой»**. **Единственной и желанной**. ... Ученые поймали этих морских млекопитающих «на горячем», когда самцы длинномордых тюленей для поиска второй половинки использовали запрещенный прием – хлопали «в ладоши» под водой. ... Своим громкими хлопками самцы привлекают внимание **прекрасных барышень**, показывая тем самым, что они находятся в хорошей физической форме;

< ... > Вряд ли кто-то из людей способен потягаться с этой кошкой в перетягивании каната. Потребуется кто-то вроде Арнольда Шварценеггера. Правда, великий Арни уже давно на пенсии... Взрослый тигр выглядит так, как будто он всю жизнь тренировался, чтобы участвовать в **конкурсе «Мистер Вселенная»**.

И только в СЖ₂ становится возможным не просто «очеловечивание» животного, а приравнивание в самом прямом смысле (равные права): ср. «толерантное» размышление об этом в блоге «Заметки зооработника»:

К животным в то время <советское> отношение было пренебрежительно-снисходительным. Домашних питомцев любили, но не так как сейчас. Человек

был царем природы, а животные воспринимались как противопоставление ему – существа неразумные, примитивные, “младшие братья”. И допустить мысль, что человек равен им хоть в чем-либо, считалось постыдным. <...> **Сейчас в животных люди видят личность, уважают их особенности, все меньше воспринимают их как нечто ниже себя по уровню развития. Понимают, что они не хуже, а просто другие.** Авторитеты и жизненные ориентиры перестраиваются, мнение окружающих перестает быть настолько важным для индивида.

Другие средства языковой экспрессии в СЖ:

Юмор приветствуется и в СЖ₁, и в СЖ₂, но он в них различается: понятно, что в СЖ₁ не могло быть похабного, черного, политического юмора, но почти не было и языковой игры (ЯИ) – тем более, конечно, ЯИ, обыгрывающей нелитературные страты.

Юмор в СЖ₁ более тонкий, парадоксальный:

Не всякий ясно представляет себе ленивца или скажем, орангутанга, хотя они одной с нами стигии, но трудно найти человека, который не видел бы рыбу. Ведь увидеть ее просто – зайди только в... рыбный магазин. Рыбы – наши кормильцы, и эта их роль, как обещают предсказатели, чрезвычайно возрастет в будущем. Какое разнообразие форм! Прообразы торпед, снарядов, стрел, ядер и металлических дисков с завидной легкостью пронизывают толщи вод, прочерчивают в них немислимые траектории. А вот вроде бы и не рыба: змея! Да, угорь. А это блаженствующее в мягком иле чудовище убедительно предостерегает лежебок: оно долежалось до того, что стало плоским. Даже глаза у него переместились на один бок! Ожившие фигурки коней с шахматной доски самого Нептуна... Рыбы, которых легче принять за комок колючей проволоки... Рыбы, вооруженные хирургическими инструментами, мечами или просто идилическими удочками; рыбы, почти по-настоящему крылатые... В общем, кого только там нет! И все это сверкает и переливается таким многоцветием, что в голову лезут биологически крамольные мысли: не для маскировки и не для остратки вся эта необъятная палитра – для красоты!

Зато, как и в современных медиа (и интернет-коммуникации) в целом, в СЖ₂ в цене (почти полностью отсутствующая в советскую эпоху) **ирония**, а также **самоирония**:

Что забыла лаконогая животиная <байкальская нерпа> на озере, когда все её родственники тусуются в океанах? **Плюхайтесь на диван и давайте разбираться!**

Люди никогда не сомневались, что морские титаны живут долго, но точные цифры появились к середине прошлого века: максимальных размеров левиафаны достигают к 32 годам и доживают до 70–75 лет. **Чтобы узнать заветные циферки, учёным пришлось хорошенько поковыряться в ушах и взять анализы ушной серы.** Так как у наших героев лапы, и чистить уши они не способны,

сера откладывается в ушах в течение всей жизни, где превращается в здоровенную пробку. Цвет отложений не одинаков и зависит от времени года. Посчитай количество слоёв в ней – и получишь возраст кита, прямо как с деревом. Но как с **такими берушами** они слышат друг друга? Ответ прост: они ОЧЕНЬ громко орут на инфразвуке. Обычно животные держат социальную дистанцию в 2–3 километра, такое расстояние позволяет не мешать родне фильтровать из водички криль. А есть им нужно много: за один присест кит съедает 5–6 тонн рачков!;

Если составить **топ brutальных** животных России, в тройке лидеров, где-то после медведя и кабана, обязательно затесался бы ёж. Вижу, **вас терзают смутные сомнения о неподкупности нашего рейтинга.** Поверьте, такая оценка более чем заслужена. Этого **парня** не берут ни клыки, ни яды. От его **куся** может **откинуться** даже человек. А ещё он может **бухнуть** с вами пивка за компанию. Как по мне, **крутость просто зашкаливает!**

Языковая игра, в том числе обыгрывание нелитературных стратов, в СЖ₂:

Медведица – свирепая и опасна. Всегда готова защитить своих детёнышей. Даже ценой собственной жизни. Однако это когда они на прогулке находятся. А вот в берлоге режим **яжематери** почему-то притупляется. Если спугнуть медведицу зимой, она убежит, но обратно уже не вернется. Так и остаются медвежата сиротами;

Пернатые барышни с первым встречным **птицом** крутить роман не будут. Они, как истинные аристократки, выбирают только лучших из лучших. Ну или тех, кто больше понравится. Вот и приходится самцам приобщаться к удивительному миру **нездорового креатива** и ломать голову, чем удивить «капризных» дамочек. <Они> отращивают на время свиданок длинные перья, которые способны достигать полуметра в длину. Если что: длина самих птиц не более 25 см. Потом этими опахалами женихи пытаются впечатлить барышню, исполняя сложный танец вокруг избранницы.

В СЖ₂ встречаются приемы игровой параграфемии, присущие интернет-коммуникации: смайлы, литуративы (зачеркивание фрагмента текста вместо его удаления):

<Сетчатые питоны> любят места с повышенной влажностью, поэтому их можно часто наблюдать в еанузлах частных домов поблизости с реками и другими водоёмами;

Улыбнуло? :) Вот и я тоже лишь усмехнулся. Однако так считают ученые...

Новый жаргон – именуемый, прежде всего, агональностью в «отношениях» животных:

Живут медвежьи макаки большими семьями по 50 особей. Как и у других обезьян, в стае царит жёсткая иерархия как среди самцов, так и среди самок. Но в отличие от большинства приматов, наш герой решает все межличностные **тёрки** не силой, а любовью;

Медуза, заметив за собой погоню, привлекает своим светом хищников. Сытным обедом она может

стать лишь для мелких рыбёх – крупные на коронную медузу не позарятся. Но свет привлекает всех, вне зависимости от размера. И в этот момент рождается хитрая схема. Более крупные мясоеды, приплывшие на свет, съедают более мелких, которые охотились на медузу. Таким образом крохотное желеобразное существо **крышуют** самые **крутые** хищники глубоководья!;

Тилозавр был **суперхищником**. Реальных врагов у него не было. Это **развязало ему лапы – можно было охотиться на кого угодно, ответочка все равно не прилетит**.

Значимыми для языкового оформления СЖ₂ являются также структурные элементы других жанров – прежде всего завлекательных и сенсационных. В СЖ₂ эти структурные элементы также выполняют функцию маркеров сенсационности, например:

Белые вороны: Судьба «особенных» птиц в стае. Как к ним относятся сородичи **на самом деле?**;

Жираф – уникальный «продукт» природной инженерии. **Что необычного в этом животном.** Жираф – самое высокое млекопитающее на планете. Взрослый длинношей способен вырасти до 4–5 метров в высоту! **И да,** жираф – один из тех, кто способен заглянуть в окно второго этажа, не вставая на цыпочки;

Большая белоногая мартышка: Обожает сладкое и умеет «кекать»! Обезьянки придумали свой язык из 3 криков.

СЖ₂ часто имеют заголовки, присущие распространенным в Интернете жанрам **рейтинга** и **листикла**, тоже относящихся к завлекательным и сенсационным:

6 силачей в дикой природе: животные, которым не нужно ходить в спортзал.<...> Вряд ли кто-то из людей способен потягаться с этой кошкой в перетягивании каната. Потребуется кто-то вроде Арнольда Шварценеггера. Правда, великий Арни уже давно на пенсии... Взрослый тигр выглядит так, как будто он всю жизнь тренировался, чтобы участвовать в **конкурсе «Мистер Вселенная»**;

Животные, которым неведомо чувство страха: **4 смельчака** в дикой природе;

10 фактов, почему лев не такой благородный хищник, как о нём говорят.

Наконец, главная примета эпохи – новые реалии – отражены в СЖ₂ богато и разнообразно:

Шёрстку <шерстистой> обезьяны можно **сравнить с мехом шотландских котов – такая же плотная и мягкая**. Приматов называют серыми, но по факту их **«маскхалат»** серебристый. Особенно выгодно наряд смотрится на фоне чёрной и безволосой мордочки. Карие глаза с тёмными склерами очень сложно рассмотреть на чёрной голове. И этот **«лайфхак»** является защитным методом. Хищникам и охотникам сложно понять в какую сторону смотрит серебристый примат. <...> Наш герой – убеждённый **веган**;

Мадам обратила на тебя внимание? Самое время для переодевания. Самец раскрывает крылья вокруг себя, как балерина – пачку, расправляет перья на голове, чтоб стояли аки пшеничные колосья, и начинает свой балет. Но некоторым особо требовательным самкам и этого мало. Тогда в дело вступают высокие технологии – самцы показывают свою серебряную грудь, и дальше начинается магия: перья на горле меняют цвета! Вот так танец выглядит со стороны самки. Цвет перьев меняется путём преломления и рассеивания света. Всё благодаря особой анатомии бородачек – ответвлений от главного стержня пера. Каждая бородачка работает как тройное зеркало: в зависимости от угла перо отражает два оттенка голубого или жёлтого спектра. Причём птичка способна контролировать процесс переливания цвета, просто меняя положение перьев. После такого у представителей прекрасной половины западных партий нет никаких шансов на отказ. Для этих птичек **мем** про синее и жёлто-белое платье вовсе не **мем**. Как только **световое шоу** закончится, дело обретает интимный характер;

У каждой стаи свои охотничьи угодья. И если сравнивать с любым из континентальных сородичей, то у мелвилевского волка **однокомнатная квартира против трёхки в центре**. Для справки: стая серого волка обитает на 30–60 квадратных километрах, а семья островного питается на территории от 1,3 до 1,6 квадратных километров;

Никогда не нужно недооценивать дикое животное. Даже если это обычный заяц. Хотя «обычный» – не совсем корректное определение. Заяц-то как раз **нереально крут** оказывается <...> Чтобы почувствовать силу зайца, достаточно схватить его за уши и поднять – больше 5 секунд не продержите. А если даже и продержите, то придется делать **пластику на лице**;

Питаются гигантские амеивы земноводными, змеями, пауками и различными букашками. В общем, стандартный **«суповой набор»**;

Питаются бражники в основном нектаром. Однако по праздникам они могут покуситься на забродивший фруктовый сок, за что, собственно, и получили свое название. **Выписать штраф за управление транспортным средством в нетрезвом виде** бражникам некому, поэтому волноваться им незачем. <...> Бражники зависают над цветком, как это делают колибри, после чего расправляют свой хоботок, длина которого может достигать 20–25 см. Этим хоботком бабочки «выкачивают» **энергетический напиток** в виде нектара;

Представители совиной братии известны своим бесшумным полетом. Настолько тихие и незаметные птицы, что крадётся подозрение – не стырили ли они **stealth-технологии** у военных?

Перегруженности терминами нет ни в СЖ₁, ни в СЖ₂.

Заключение

Массовое (популярное) знание по зоологии изменилось меньше, чем общество в целом или состояние словесности в целом – изменения в основном сводятся к следующему:

1) развлекательность, 2) мифологизация (ее, как ни странно, не меньше, а в некоторых отношениях и больше в «новом прекрасном мире»), 3) рекламность (завлекательность), отсюда – больше востребованность экспрессии, а также речевого воздействия.

Новая эпоха характеризуется 1) кончиной советской / партийной печати, 2) появлением Интернета и его жанров, склонных к варьированию и сложно взаимодействующих между собой, 3) появлением в структуре общества некоторых новых ориентиров и групп / членений (институт блогерства), усилением старых (институт туризма) или их ослаблением (институт охотников).

К самым заметным изменениям текстовых и прагматических характеристик СЖ относятся: большая неформальность / разговорность языка, более равноправные отношения «адресант ~ адресат», новые прецедентные тексты, представление о «правах» животных, порождающие новые метафоры.

Понятно, что сегодня не так уж редко люди, даже «простые», заводят дома таких экзотических животных, о которых в советское время нельзя было и думать → потребна информация об уходе за ними. Конечно, сам по себе СССР был достаточно велик, чтобы набрать много диковинных животных и не выходить за его пределы, но все равно в этом плане советская эпоха несопоставима с новой.

Зато, видимо, можно с достаточно большой уверенностью говорить (многие знания – многие печали?), что уходит общая оптимистическая тональность: вера, что трудности будут преодолены и «лев возляжет рядом с ягненокм». Тональность современных СЖ чаще

совсем другая: не случится ли вскоре апокалипсис, где все без разбора умрут? Автор и читатель СЖ₂ знают, что сегодняшний мир жесток и несправедлив, а гламурные старухи носят шубы, на каждую из которых пошли десятки пушистых зверьков. Это положение вещей не изменить, но можно невесело посмеяться над юмором природы (и людей) – отсюда в СЖ₂ столько иронии.

Предложенный нами взгляд общего характера, предполагающий учет состояния общества, общественного умонастроения и т. п., который кому-то мог бы показаться неуместным при анализе одного отдельно взятого жанра, представляется необходимым в данном случае: СЖ₁ и СЖ₂ – варианты жанра (жанры?), бытующие в разных культурах, а значит, не могут быть объяснены по одномерной модели. Современный российский СЖ практически совпадает с мировым (новых интенций не появилось); советский же – во многом уникальное безэквивалентное явление, проистекающее из уникальности советской словесности, в свою очередь, производной от структуры (в том числе ценностной) советского общества, реальных и декларируемых прав и обязанностей советского человека, а также его реальных и декларируемых качеств, психологических и речекоммуникативных характеристик и т. п. Такой общий взгляд показал значимость для жанра СЖ (конечно, все это имеет значимость и для многих других жанров, которые могут стать объектами будущих исследований и для которых результаты настоящего исследования могут иметь ценность) и новых приоритетов, и новой мифологии.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА

Акимущин И. И. Мир животных : в 5 т. М. : Молодая гвардия, 1971–1975 (Серия «Эврика»).

Песков В. М. Окно в природу : в 2 кн. М. : Терра-Кн. клуб, 2001.

Удивительное в жизни животных. 2-е изд. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1970. 486 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филатова А. В. Метафорические номинации, характеризующие научно-популярный биологический англоязычный дискурс // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (16–17 ноября 2020 г.). Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 105–107.

2. Дешевова В. В. Агональность в телевизионном дискурсе (на материале современных российских телешоу) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 20 с.

3. Романенко А. П. Советская словесная культура: образ ратора. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 212 с.

4. Дементьев В. В. Анекдоты семидесятых: взгляд лингвиста. Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 100 с.

5. Новикова Э. Ю. Жанровые, ценностные и транслатологические характеристики международного туристического дискурса в немецкой и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2019. 40 с.

6. Косицкая Ф. Л. Жанровая палитра французского туристического дискурса // Вестник ТГПУ. 2013. № 3 (131). С. 192–195.

7. Русская речь в средствах массовой информации. Стилистический аспект / под ред. В. И. Конькова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 271 с.

8. Сиротина О. Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1.

C. 5–11. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-1-5-11>

9. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. : Языки русской культуры, 1996. 480 с.

10. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М. : Языки славянских культур, 2008. 712 с.

11. Дементьев В. В. Переживательные истории о котиках в Рунете в парадигме жанров волонтерского дискурса // *Жанры речи*. 2021. № 4 (32). С. 305–326. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-305-326>

REFERENCES

1. Filatova A. V. Metaphorical nominations characterizing the popular science biological English-language discourse. *Yazykovyye i kul'turnyye kontakty: lingvisticheskiy i lingvodidakticheskiy aspekt: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (16–17 noyabrya 2020 g.)* [Language and cultural contacts: Linguistic and linguodidactic aspects: Materials of the V Intern. sci.-pract. conf. (November 16–17, 2020)]. Saratov, Saratovskii istochnik Publ., 2020, pp. 105–107 (in Russian).

2. Deshevova V. V. *Agonality in television discourse (based on modern Russian TV shows)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2010. 20 p. (in Russian).

3. Romanenko A. P. *Sovetskaya slovesnaya kul'tura: obraz ritora* [Soviet verbal culture: The image of a rhetorician]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. 212 p. (in Russian).

4. Dementyev V. V. *Anekdoty semidesyatykh: vzglyad lingvista* [Anecdotes of the seventies: A linguist's view].

Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 100 p. (in Russian).

5. Novikova E. Yu. *Genre, value and translational characteristics of international tourism discourse in German and Russian linguistic cultures*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Ufa, 2019. 40 p. (in Russian).

6. Kositskaya F. L. Genre Palette of French Tourist Discourse. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2013, no. 3 (131), pp. 192–195 (in Russian).

7. *Russkaya rech' v sredstvakh massovoy informatsii. Stilisticheskiy aspekt. Pod red. V. I. Kon'kova* [Konkov V. I., ed. Russian speech in the media. Stylistic aspect]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2007. 271 p. (in Russian).

8. Sirotinina O. B. Lingvo-philosophical reflections as a result of many years of speech monitoring. *Izvestya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 5–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-1-5-11>

9. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the late XX century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 480 p. (in Russian).

10. *Sovremennyy russkiy yazyk: Aktivnyye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language: Active processes at the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 712 p. (in Russian).

11. Dementyev V. V. Heart-moving stories about kitties in Runet in the paradigm of the genres of volunteer discourse. *Speech Genres*, 2021, no. 4 (32), pp. 305–326 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-305-326>

Поступила в редакцию 25.07.2022; одобрена после рецензирования 10.08.2022; принята к публикации 31.08.2022

The article was submitted 25.07.2022; approved after reviewing 10.08.2022; accepted for publication 31.08.2022

ЖАНРЫ СМИ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 58–65

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 58–65

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-58-65>, EDN: HCDOQX

Научная статья

УДК 811.111(73)'42

Взаимодействие категорий экспрессивности и оценочности в персональных жанрах медийного дискурса США

П. П. Глазко

Минский государственный лингвистический университет, Беларусь, 220036, г. Минск,
ул. Захарова, д. 21

Глазко Павел Петрович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фонетики и грамматики английского языка, pavel.glazko@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5429-0945>

Аннотация. Целью представленного в статье исследования являлось установление корреляции между лексико-стилистическими (экспрессивными) средствами и контекстуально проявляющимися в них оценочными значениями в жанрах блог и колонка американского медийного пространства. Дискурсивные категории экспрессивности и оценочности являются наиболее значимыми для адекватного понимания и интерпретации современных медиа в контексте технологической конвергенции, ускорения процессов обмена информацией, существенных преобразований жанровой системы, а также возрастающей субъективности. Результаты, полученные по итогам лингвистического, контекстуального и компонентного анализа и соответствующих количественных подсчетов, свидетельствуют как о некоторых сходствах, так и о ряде существенных различий в плане экспрессивно-оценочной организации рассматриваемых жанров. Установлено, что идиомы и прием сравнения функционируют в качестве интенсификаторов преимущественно негативной оценки как в жанре колонки, так и в жанре блога, в то время как метафора и эпитет используются с целью усиления главным образом положительной оценки в жанре блога и негативной оценки в жанре колонки. Жанру блога, по сравнению с колонкой, свойственно большее разнообразие сочетаний стилистических приемов лексического уровня и интенсифицируемых ими оценочных значений. В частности, в блогах имеет место стилистическое представление отрицательных по своему характеру явлений в свете положительной оценки; усиление отрицательного оценочного значения при описании явлений, традиционно воспринимаемых как положительных; реализация как положительной, так и отрицательной оценки конкретного явления в пределах одного текста; смещение акцента с положительной/отрицательной оценки какого-либо явления на противоположный тип оценочного значения в рамках развернутой метафоры.

Ключевые слова: экспрессивность, оценочность, жанр, блог, колонка, медийный дискурс, медиапространство, стилистический прием, лингвистический анализ

Для цитирования: Глазко П. П. Взаимодействие категорий экспрессивности и оценочности в персональных жанрах медийного дискурса США // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 58–65. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-58-65>, EDN: HCDOQX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The interaction of the categories of expressiveness and evaluativity in personal genres of the US media discourse

P. P. Glazko

Minsk State Linguistic University, 21 Zakharova St., Minsk 220036, Belarus

Pavel P. Glazko, pavel.glazko@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5429-0945>

© Глазко П. П., 2023

Abstract. The aim of the given research is to elucidate the correlation between lexical stylistic (expressive) devices and their contextual evaluative meanings in the genres of blog and column of the US media space. The categories of expressiveness and evaluativity are the most essential for adequate understanding and interpretation of modern media in the context of technological convergence, information exchange speed increase, tangible transformation of genre systems, and increased subjectivity. The results of linguo-stylistic, contextual, componential and quantitative analyses attest to some similarities as well as a number of significant differences in the expressive and evaluative organisation of the genres in question. The study has determined that idioms and similes are used as intensifiers of primarily negative evaluative meaning in both genres, whereas metaphors and epithets are utilised to augment the positive evaluative meaning in blogs and the negative evaluative meaning in columns. Unlike the column, the genre of blog is characterised by a wider range of combinations of lexical stylistic devices and the evaluative meanings amplified by them. Particularly in blogs, the phenomena deemed as negative can be stylistically presented in the light of positive evaluative meaning; the phenomena which are traditionally considered positive are shown through the prism of negative evaluative meaning; both positive and negative evaluative meaning can be attributed to the same phenomenon within one text; the shift from positive to negative evaluative meaning and vice versa can be observed within the ambit of sustained metaphors.

Keywords: expressiveness, evaluativity, genre, blog, column, media discourse, media space, stylistic device, linguo-stylistic analysis

For citation: Glazko P. P. The interaction of the categories of expressiveness and evaluativity in personal genres of the US media discourse. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 58–65 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-58-65>, EDN: HCDOQX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение и постановка проблемы

Исследование различных аспектов современного медийного пространства находится в той или иной степени в фокусе внимания всех гуманитарных наук – философии, социологии, политологии, психологии, культурологии и др., что свидетельствует об интенсификации процесса медиатизации общества. Лингвистика в этом отношении не является исключением. Смена аналоговой культуры культурой дискретной, а затем цифровой наглядно демонстрирует, что опыт и характер коммуникации находятся в непосредственной зависимости от ее формы [1].

Результатом технологической конвергенции стал ряд существенных преобразований в способах производства, распространения и потребления информации, включающих преимущественное генерирование медиаконтента самими пользователями [2], креолизацию жанров [3], ориентацию не на факты и обоснованность аргументации, а на наиболее доступную и понятную интерпретацию событий и явлений [4], формирование медийного варианта литературного языка [5], нивелировку границ между информационной и развлекательной составляющей [6, 7, 8] и др. Как отмечается исследователями, при таком векторе развития современной культуры уже «не логика действительности задает повествование в рамках медийного пространства, а, наоборот, логика медийного пространства “диктует” правила существования действительности» [9: 105]. В данном контексте вполне обоснованным представляется утверждение о том, что в настоящее

время онтологическое самоопределение человека через его субъективную реальность сменяет понимание ценности как параметра конкретной историко-культурной формации [10: 35]. Это свидетельствует о значимости для лингвистического исследования современного медийного пространства различных проявлений в нем субъективного авторского начала. В рамках данной статьи в качестве таковых будут рассматриваться категории оценки и экспрессивности.

Теоретические основания исследования

Сущностная сложность феномена оценки, а также широкий спектр способов его вербализации на различных уровнях языка и неоднозначность с точки зрения вычленения оценочного компонента в структуре значения языковых единиц обусловили многообразие подходов к пониманию и анализу данного явления. Так, даже на уровне терминологии, используемой как в классических работах, так и в современных публикациях, можно наблюдать смешение различных категориальных понятий. В частности, категория оценки зачастую рассматривается в тесной связи с категорией экспрессивности, о чем свидетельствуют такие терминологические наименования, как эмоционально оценочный экспрессив (Н. А. Лукьянова), положительная и отрицательная субъективная экспрессивность (В. Г. Гак), экспрессивно-эмоционально-оценочные обертоны (О. С. Ахманова) и др. Более того, некоторые лингвисты считают, что экспрессивность является одним из ряда

своих оценочных предикатов (Е. М. Вольф), а другие утверждают, что экспрессивность представляет собой результат совместной реализации эмотивности, оценочности, интенсивности и пр. (В. А. Маслова).

В последние годы в исследованиях, посвященных проблемам категорий оценки и экспрессивности, наметился переход от ставших классическими функционально-семантического и функционально-прагматического подходов к подходу когнитивно-дискурсивному. Если в рамках двух первых подходов изучается система разноразрядных средств языка, которые выполняют оценочную/экспрессивную функцию (Е. М. Вольф, Т. В. Маркелова), а также устанавливается связь оценки и экспрессивности с коннотативным аспектом семантики языковых единиц (В. Н. Телия, В. И. Шаховский), то в контексте когнитивно-дискурсивного подхода оценка рассматривается как «акт человеческого сознания, заключающийся в сравнении предметов, сопоставлении их свойств, определении роли в жизнедеятельности субъекта и его результатов, закрепляемых в сознании и языке в виде позитивного, негативного и нейтрального отношения» [11: 223]. При этом экспрессивность будет пониматься как средство интенсификации высказывания, любое усиление содержания текста, выделение и акцентирование информации, осуществляемое самыми разными способами и средствами. В целях сохранения терминологической последовательности в рамках нашего исследования оценка и экспрессивность будут рассматриваться с позиций когнитивно-дискурсивного подхода как взаимосвязанные, но самостоятельные категории.

Материал и методика исследования

Цель нашего исследования состоит в выявлении корреляции между лексико-стилистическими (экспрессивными) средствами и контекстуально проявляющимися в них оценочными значениями в жанрах американского медийного пространства. Материалом исследования послужили 100 текстов в жанрах *колонка* и *блог* (по 50 текстов в каждом из жанров), опубликованных разными авторами на личных сайтах (*becomingminimalist.com*, *gretchenrubin.com*, *tracysnewyorklife.com*, *tinybuddha.com*, *witanddelight.com* и др.) и в периодических изданиях (*The New York Times*, *The New York Post*) в 2020–2021 гг. и отобранные для анализа методом сплошной выборки.

Процедура анализа включала в себя несколько этапов. На первом этапе отобранные тексты были подвергнуты лингвистическому, контекстуальному и компонентному анализу, в результате чего были выявлены используемые в данных текстах лексико-

стилистические приемы и реализуемые в рамках данных приемов оценочные значения. На втором этапе проводились подсчеты употребительности выявленных ранее экспрессивных средств: устанавливалось, какой процент от общего числа выявленных лексических средств составляет конкретно взятый стилистический прием. На третьем этапе проводились подсчеты случаев реализации положительного или отрицательного оценочного значения для каждого из лексико-стилистических приемов. На завершающем этапе определялись закономерности реализации оценочных значений для каждого из экспрессивных лексических приемов в исследуемых жанрах.

Результаты

Количественные результаты проведенного анализа отражены в следующей таблице, где для каждого стилистического приема в процентном выражении указано число случаев его употребления с положительным либо отрицательным значением.

Актуализация оценочных значений лексико-стилистических приемов в жанрах блога и колонки, %

Table. Actualization of evaluative meanings of lexical stylistic devices in blogs and columns, %

Прием	Блог		Колонка	
	Оценочное значение		Оценочное значение	
	Положительное	Отрицательное	Положительное	Отрицательное
Метафора	53	47	14	86
Эпитет	62	38	21	79
Сравнение	0	100	0	100
Гипербола	27	73	4	96
Идиомы	13	87	28	72

Как следует из таблицы, сравнения и идиомы используются в обоих исследуемых жанрах главным образом с отрицательным оценочным значением: *We swarm around like zombies on auto-pilot* 'Мы плетемся толпами, как зомби на автопилоте'; *I don't get much of a kick from visiting new restaurants* 'Я не нахожу особого удовольствия в посещении новых ресторанов'. Примечательно, что в жанре блога сравнения могут пронизывать весь текст, выступая своего рода его смысловым стержнем. Например, в блоговой записи Кристианы Келли, в которой автор делится своим опытом болезненного разрыва отношений, используется целый ряд сравнений для иллюстрации ее эмоционального состояния в этот период: *I felt like I was being ripped to shreds from the inside out* 'Я

чувствовала себя так, как будто меня резали изнутри на части»; *This breakup unearthed all these issues in one violent movement, like ripping a Band-Aid off a scab* 'Это расставание вскрыло все эти проблемы одним резким движением, как будто пластырь сорвали с раны'; *All this ugly, unhealed stuff was exposed and shot into my awareness like a volcanic eruption, and I had no means of escape* 'Все это неизлеченное уродство вырвалось на поверхность, как извержение вулкана, и я не знала, как от этого спастись'; *It felt like there was an inferno of anger brewing within my gut* 'Я чувствовала себя так, будто адское пламя злости разгоралось у меня внутри' и др. (<https://tinybuddha.com/blog/how-meeting-and-re-parenting-my-inner-child-helped-me-love-myself>). Все приведенные выше случаи использования приема сравнения помогают читателю лучше понять то, через что прошел автор. Поскольку объяснить психо-эмоциональное состояние сложно ввиду его субъективного характера, автор прибегает к использованию экспрессивного приема, основанного на сравнении эмоционального состояния и (неожиданной) физической боли (*резали изнутри, как будто сорвали пластырь с раны*), стихийности происходящего (*извержение вулкана*), ощущения жара (*адское пламя*).

В случае метафоры, эпитета и гиперболы наблюдается явное усиление отрицательного оценочного значения данных лексико-стилистических приемов при их реализации в жанре колонки (*they are buried in debt* 'они похоронены в долгах'; *energy-sapping demands of everyday life* 'иссушающие энергию запросы повседневности'; *Republicans' demonization of her would be boundless* 'демонизация ее республиканцами была бы безграничной') в сравнении с жанром блога, в котором те же приемы функционируют с преимущественно положительным оценочным значением (*habits are the invisible architecture of everyday life* 'привычки – каркас повседневной жизни'; *life-giving message of minimalism* 'живительный посыл минимализма'; *There are an infinite number of possibilities for living a well lived life* 'Есть бесконечное количество возможностей прожить хорошую жизнь').

Вместе с тем, несмотря на общую тенденцию к поляризации положительного и отрицательного значений метафоры, эпитета и гиперболы в зависимости от жанра, при описании отдельных социально-культурных явлений как авторами блогов, так и колумнистами рассматриваемые лексико-стилистические приемы используются исключительно в целях усиления отрицательного оценочного значения. В первую очередь это касается таких вполне предсказуемых случаев, как применение соответствующего экспрессивного средства в контексте описания заведомо отрицательного по своему

характеру явления, например, денежного долга. Так, в блоге Меган МакКарти метафора связана с актуализацией отрицательной оценки такого явления, как студенческий долг: *Young graduates are drowning in student debt and more and more millennials can't afford to enter the housing market* 'Молодые выпускники университетов тонут в студенческих долгах, и все больше и больше представителей поколения двухтысячных не могут себе позволить приобрести жилье' (<https://witanddelight.com/2020/07/bills-bills-bills-effective-strategies-for-paying-off-debt>). Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в колонке Дэвида Брукса: *After decades in which consumption took preference over savings, Americans socked away trillions of dollars in 2020, reducing their debt burdens to lows not seen since 1980 [...]* 'Спустя десятилетия, в течение которых потребительство преобладало над сбережением, американцы сэкономили триллионы долларов в 2020 году, сократив свое долговое бремя до уровня, не виданного с 1980 года [...]' (<https://www.nytimes.com/2021/06/17/opinion/covid-economic-boom.html>).

Однако интенсификацию отрицательной оценки как в блоге, так и в колонке можно наблюдать и при рассмотрении явлений, которые сами по себе не являются отрицательными, в частности, это касается понятия повседневной жизни (*daily life*), которое в обоих жанрах американского медиадискурса оценивается отрицательно. Например, в колонке Дрю Холдена, посвященной последствиям самоизоляции в период пандемии, отрицательный характер повседневной жизни усиливается посредством контекстуальной связи данного понятия с метафорой: *These tragedies have become an ambient backdrop to everyday life: present but forgotten, real but ignored* 'Эти трагедии стали нормальным фоном повседневной жизни: актуальные, но забытые; реальные, но игнорируемые' (<https://www.nytimes.com/2020/12/08/opinion/covid-lockdown-isolation.html?searchResultPosition=3>).

Следует отметить, что факт отрицательного оценивания повседневной жизни не всегда и не обязательно обусловлен связью с пандемией. Например, в блоге Сары Шу речь идет о том, как атмосфера нашего жилья может влиять на ощущение счастья, которое мы получаем от жизни: *The lightbulb went off: I simply needed a space to refuel from the daily grind of life* 'Моя лампочка перегорела: мне просто нужно было пространство, где бы я могла отдохнуть от жерновов повседневной жизни' (<https://witanddelight.com/2018/01/hygge-inspired-room-refresh-happiness>). В данном случае повседневная жизнь также представлена автором в свете отрицательной оценки, которая усилена метафорой.

В отличие от жанра колонки, для блогов характерным является использование лексико-стилистических приемов для интенсификации положительной оценки таких явлений, которые в традиционном понимании оцениваются отрицательно. Так, в блоге Джошуа Кауффмана такое действие, как *surrender* 'сдаться, покориться, сломиться, капитулировать' представлено в положительном свете и усилено метафорами: *This is how surrendering, far from waving the white flag, becomes the ultimate tool for empowerment and positive action* 'Это тот случай, когда капитуляция не имеет ничего общего с поднятием белого флага, а скорее становится отличным инструментом расширения возможностей и позитивных действий' (<https://tinybuddha.com/blog/why-surrendering-to-life-is-the-key-to-positive-change>). В данном контексте капитуляция интерпретируется автором как возможность отвлечься от негативного характера происходящего, пересмотреть свои приоритеты и поставить правильные цели и, следовательно, оценивается как положительное явление. Вместе с тем в словаре Online Longman Dictionary глагол *surrender* означает *to say officially that you want to stop fighting, because you realise that you cannot win* 'официально заявить, что вы прекращаете бороться, поскольку осознали, что не можете победить', т. е. содержит отрицательное оценочное значение.

Аналогичным образом дело обстоит и с теми понятиями и явлениями, которые традиционно предстают в положительном свете, но в контексте блога могут приобретать отрицательное оценочное значение. В частности, имя существительное *happiness* 'счастье' является очевидным примером положительно окрашенной лексической единицы, согласно словарной дефиниции в Online Longman Dictionary (*the state of being happy – having feelings of pleasure, for example because something good has happened to you or you are very satisfied with your life* 'состояние, при котором испытываешь удовольствие, например, потому, что произошло что-то хорошее, или от удовлетворения жизнью'). Однако в блоге Джастина Гаспарович понятие счастья в традиционном видении представлено в негативном свете: *So the main lesson here is that you need to make a distinction between meaning and happiness – and understand that chasing the feeling of happiness is an illusion [...]* 'Таким образом, урок состоит в том, что нужно различать ассоциируемые идеи и счастье и понимать, что погоня за счастьем – это иллюзия [...]'; *You can't always control how you feel which is why the idea of making it and achieving a permanent state of happiness is a total myth* 'Нам не всегда удается контролировать свои чувства, поэтому идея

реализации цели как способа достичь непреодолимого состояния счастья – полный миф' (<https://theenemyofaverage.com/happiness-is-a-choice>). Как можно видеть из приведенных примеров, в авторском блоге с помощью приема метафоры счастье отождествляется с чем-то придуманным, не соответствующим реальному положению вещей, заблуждением (*иллюзия, миф*).

Интересной закономерностью оценочно-экспрессивной организации жанра блога в американском медийном пространстве является представление одного и того же понятия в составе того или иного экспрессивного приема как в свете позитивной, так и негативной оценки в рамках одного текста. Так, запись в блоге Джастина Гаспарович, посвященная роли целеполагания в целом и принципам работы со своими жизненными целями в частности, содержит случаи использования имени существительного *goal* 'цель', модифицированного гиперболами, как в положительном, так и в негативном оценочном значении. В первой части текста автор рассуждает о существующем в современном обществе стереотипном представлении о целеполагании, навязывающем постановку больших целей, и оценивает такой подход негативно через сочетание имени существительного *goal* 'цель' с гиперболами, например, *giant Mount Everest like goals* 'гигантские цели, размером с Эверест' или *the enormity of the goal* 'цель-чудовище, цель-громадина'. В первом случае негативный характер оценки проявляется в том, что Эверест как самая высокая точка нашей планеты ассоциируется с предельной сложностью, сопряженной также с риском для жизни. Во втором случае имя существительное *enormity* определяется в словаре как *the great size, seriousness, or difficulty of a situation, problem, event etc.* 'очень большой размер, серьезность или сложность ситуации, проблемы, события и т. д.', а также как *a very evil and cruel act* 'злое и жестокое действие', негативное оценочное значение которого выражается посредством связи с чрезмерной сложностью, злом, жестокостью.

Вместе с тем во второй части своей записи автор переходит от преувеличения степени проявления качества к его преуменьшению, и имя существительное *goal* 'цель' модифицируется уже именем прилагательным *tiny* 'крошечный': *There's nothing earth-shattering about a tiny goal like that, and you certainly won't be bragging to your fiends that you mastered up the courage to go on a five-minute walk. However, the key is that it's still a success* 'В этой крошечной цели нет ничего сверхъестественного, и вы определенно не станете хвастаться перед друзьями тем, что нашли в себе мужества на пятиминутную прогулку. Но важно то, что

это все равно успех' (<https://theenemyofaverage.com/how-to-be-happier>). В данном контексте словосочетание *tiny goal* 'крошечная цель' связано с понятием успеха и оценивается как положительное явление.

Схожую ситуацию можно наблюдать и в блоговой записи Сэма Бумера, где речь идет о том, как справиться со страхом неудачи. Само по себе имя существительное *failure* 'неудача' понимается как *a lack of success in achieving or doing something* 'отсутствие успеха в достижении или выполнении чего-то' и имеет очевидный негативный оценочный характер. В тексте блога негативная оценка усиливается авторскими метафорами *paralyzed by the fear of failure* 'парализован страхом потерпеть неудачу', *view failure as the end of the road* 'считать неудачу концом пути'. Однако в своих дальнейших рассуждениях автор предпринимает попытку представить неудачу как возможность стать лучше: *Failure, for all its negative connotations, has a definite and unquantifiable value. It's a catalyst for growth* 'Неудача, несмотря на все свои негативные коннотации, имеет определенную не поддающуюся количественному выражению ценность. Это ускоритель роста' (<https://tinybuddha.com/blog/why-your-failures-are-your-most-valuable-currency>). Установление ассоциативной связи между неудачей и ускорителем роста позволяет автору блога придать рассматриваемому понятию положительное оценочное значение.

Еще одной отличительной характеристикой жанра блога в плане взаимодействия экспрессивно-оценочных средств является использование развернутых метафор, реализующих в рамках одного текста противоположные оценочные значения. Например, в блоговой записи Мелиссы Пеннел речь идет о проблеме синдрома тревожности в условиях карантина. Автор, предлагая пути выхода из состояния тревоги, проводит аналогию между нашим психоэмоциональным состоянием и радиоприемником: *I really don't like feeling that ball of anxious worry, but I have to consciously tune the radio in my brain from "WE'RE ALL GOING DOWN!!" to another station I prefer. The way to figure out what radio station (thoughts) you want to tune to is the next step [...]* 'Мне очень не нравится ощущать в себе этот комок тревожного беспокойства, и я просто вынуждена сознательно перенастроить радио в моей голове со станции «Мы все идем ко дну!!» на ту, которая мне нравится. Чтобы понять на какую станцию вы хотите настроиться, попробуйте следующее [...]' (<https://www.followyourfirecoaching.com/news/2020/4/27/quarantine-anxiety-a-tip-to-rewire-your-brain-with-thoughts-that-help-you-feel-better>). В данном случае центральная метафора *радио* связана с дополнительными,

подчиненными ей метафорами радиостанции и настройки, в основе которых лежит ассоциативная связь с мыслями и намеренным усилением соответственно.

Далее в тексте автор неоднократно возвращается к развернутой метафоре *радио*, в рамках которой вспомогательная метафора радиостанции используется как с положительным, так и с отрицательным оценочным значением: *Those thoughts tune me to a way calmer radio station, and it's one that I actually chose, rather than my brain's default* 'Такие мысли настраивают меня на гораздо более спокойную радиостанцию, и это как раз так станция, которую я выбрала сама, а не та, которую мой мозг настроен по умолчанию'. В приведенном выше примере *спокойная станция* имеет положительное оценочное значение, к которому автор стремится, и оно противопоставлено *станции страха и потери самообладания*, которая является проблемой для большинства людей: *Another place that nearly every human brain overlaps is that our our inner radio is constantly tuned to the fear and freaking out station* 'Общей для практически каждого человеческого мозга чертой является то, что наше внутреннее радио постоянно настроено на станцию страха и потери самообладания'. В рассмотренной развернутой метафоре переход оценочного значения, характеризующего образ мыслей людей, происходит от негативного к позитивному, позволяя автору таким образом донести до читателя идею о том, что это результат, которого можно достичь через осознанный выбор и усилие (*перенастройку станции*).

В блоге Эрика Ступа используется развернутая метафора *защитный механизм*, основанная на ассоциативном сходстве механизма и поведенческой реакции. Центральная метафора *защитный механизм* раскрывается во вспомогательных метафорах *armor* 'броня', *kick into gear* 'срабатывать, набирать обороты', *kink* 'дефект', *trigger* 'пусковое устройство' и др.: *I developed defense mechanisms in order to protect myself, or perhaps those mechanisms had been there all along, programmed into my psychology by millions of years of evolution* 'Я выработал в себе защитные механизмы, чтобы защищаться, или, возможно, эти механизмы всегда были частью меня, запрограммированные в моем сознании миллионом лет эволюции'. Текст этой записи в блоге начинается с представления защитных механизмов в свете позитивной оценки как чего-то полезного, выполняющего важную функцию: *Maybe these mechanisms served me in certain situations as they did my ancestors; telling me when to fight and when to run away* 'Возможно, эти механизмы были мне полезными в конкретных

ситуациях, как и моим предкам, подсказывая, когда следует защищаться, а когда – бежать' (<https://tinybuddha.com/blog/the-world-is-not-my-enemy-why-im-trying-to-let-my-guard-down/>).

Однако далее в тексте происходит модификация оценки данной метафоры в сторону отрицательного значения: *But as I got older, I began to see how these mechanisms would often kick into gear when I didn't want or need them to* 'Но по мере взросления я начал замечать, что эти механизмы часто срабатывают тогда, когда мне это не нужно или я не хочу, чтобы это происходило'. В данном примере защитный механизм описывается автором как нечто неуместное или не поддающееся контролю. Автор развивает свою идею далее, дополняя метафору *защитного механизма* новыми деталями: *We walk around with psychological armor, and we use a lot of energy trying to prevent even the slightest kink in that armor* 'Мы носим на себе психологическую броню и тратим много энергии, пытаясь предупредить появление на ней малейших дефектов'. Здесь понятие *защитного механизма* подвергается дальнейшей метафоризации с акцентом на его защитных свойствах и отождествляется с *психологической броней*, в которой не должно быть *дефектов* (исключений, слабостей).

Для достижения наибольшей выразительности автор прибегает в дальнейшем ассоциативному переходу от *брони* к *огнестрельному оружию*: *Some of us are also armed and will go off like an automatic rifle at the slightest touch of the trigger, leaving bullet-ridden relationships in our trail* 'Некоторые из нас также и вооружены и срабатывают, как автоматическая винтовка от малейшего прикосновения к спусковому крючку, оставляя на пути изрешеченные пулями отношения'. Отрицательный оценочный характер данного образа усиливается не только метафорой, но также сравнением (*go off like an automatic rifle* 'сработать, как автоматическая винтовка') и эпитетом (*bullet-ridden* 'изрешеченный пулями').

В отличие от блогерской записи Мелиссы Пеннел, Эрик Ступ прибегает к преобразова-

нию положительной оценки в отрицательную и использует развернутую метафору не только для того, чтобы сделать свою мысль понятнее для читателя, но также и с целью эскалации отрицательного значения реактивного типа защитного поведения (*защитный механизм – психологическая броня – оружие*).

Заключение

Таким образом, полученные результаты дают основания сделать следующие выводы. Выступая в качестве средства интенсификации, лексико-стилистические приемы обнаруживают определенные особенности в плане своей сочетаемости с положительным или отрицательным оценочным значением в зависимости от того, в каком из исследуемых жанров они актуализированы. Так, наиболее устойчивыми к смене жанрового регистра с точки зрения их сочетания с конкретным оценочным значением являются идиомы и прием сравнения, функционирующие в качестве интенсификаторов преимущественно негативной оценки как в жанре колонки, так и в жанре блога. В использовании метафоры и эпитета наблюдается тенденция к интенсификации данными лексико-стилистическими средствами главным образом положительной оценки в жанре блога и негативной оценки в жанре колонки.

Вместе с тем жанру блога, по сравнению с колонкой, свойственно большее разнообразие сочетаний стилистических приемов лексического уровня и интенсифицируемых ими оценочных значений. В частности, в блогах имеет место представление отрицательных по своему характеру явлений в свете положительной оценки; усиление отрицательного оценочного значения при описании явлений, традиционно воспринимаемых как положительных; реализация как положительной, так и отрицательной оценки конкретного явления в пределах одного текста; смещение акцента с положительной/отрицательной оценки какого-либо явления на противоположный тип оценочного значения в рамках развернутой метафоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры. Киев : Ника-Центр, 2003. 432 с.
2. Колесниченко А. В. Журналистика и блогосфера: жанрово-тематические пересечения // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 1. С. 51–74. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.5275>
3. Копытов О. Н. Модус на пространстве текста. Хабаровск : Изд-во ХГИИК, 2012. 299 с.
4. Волкова Ю. С., Мишланов В. А., Салимовский В. А. Аргументативная речь в массмедийном интерактивном общении // Медиалингвистика. 2019.

Т. 6, № 2. С. 164–179. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.202>

5. Клушина Н. И. Медиастилистика. М. : Флинта, 2018. 184 с.

6. Ивченков В. И. Новые модели коммуникации и стилистические приоритеты современного медиадискурса // Медиалингвистика. 2019. Т. 6, № 1. С. 135–144. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.110~11>

7. Лассан Э. Р. О некоторых тенденциях в грамматике текста на электронных новостных порталах: «растворение» субъекта // Медиалингвистика. 2020. Т. 7, № 4. С. 396–408. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.402>

8. Карасик В. И. Трансформация знания в современную эпоху: лингвокультурный аспект // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2017. № 3. С. 88–94.

9. Ополев П. В. Тенденции изменения медийного пространства: от текста к гипертексту // Идеи и Идеалы. 2018. № 3 (37). С. 96–112. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-3.2-96-112>

10. Николаева Е. М., Котляр П. С. Медиапространственная коммуникация: проблема аксиологических ориентаций // Вестн. Бурятского гос. ун-та. 2016. Вып. 3. С. 30–38. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2016-3-30-38>

11. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М. : Ин-т языкознания РАН, 2003. 656 с.

REFERENCES

1. McLuhan M. *Galaktika Gutenberga: sotvorenie che-loveka pechatnoi kul'tury* [The Gutenberg galaxy: The making of typographic man]. Kiev, Nika-Tsentr Publ., 2003. 432 p. (in Russian).

2. Kolesnichenko A. V. Journalism and the Blogosphere: Genre and Thematic Intersections. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2021, no. 1, pp. 51–74 (in Russian). <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.5275>

3. Копытов О. Н. *Modus na prostranstve teksta* [Modus in textual space]. Khabarovsk, Izd-vo KhGIK, 2012. 299 p. (in Russian).

4. Volkova Yu. S., Mishlanov V. A., Salimovskiy V. A. Argumentative speech in mass media interactive communi-

cation. *Media Linguistics*, 2019, vol. 6, no. 2, pp. 164–179 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.202>

5. Klushina N. I. *Mediastilistika* [Mediastylistics]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 184 p. (in Russian).

6. Ivchenkov V. I. New Models of Communication and Stylistic Priorities of Contemporary Media Discourse. *Media Linguistics*, 2019, vol. 6, no. 1, pp. 135–144 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.110>

7. Lissan E. R. On some tendencies in the grammar of news text on electronic news portals: The dissolution of the subject. *Media Linguistics*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 396–408 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.402>

8. Karasik V. I. Knowledge transformation in the modern period: Linguocultural aspect. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2017, no. 3, pp. 88–94 (in Russian).

9. Opolev P. V. Trends in changing media space: From text to hypertext. *Ideas and Ideals*, 2018, no. 3 (37), pp. 96–112 (in Russian). <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-3.2-96-112>

10. Nikolaeva E. M., Kotlyar P. S. Mediaspace communication: The problem of axiological orientations. *Vestnik Burjatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2016, iss. 3, pp. 30–38 (in Russian). <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2016-3-30-38>

11. Zheltuhina M. R. *Tropologicheskaja suggestivnost' mass-medial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozde- jstvija tropov v jazyke SMI* [Tropological suggestiveness of mass media discourse: On the issue of linguistic manipulation of tropes in mass media language]. Moscow, In-tazykoznanija RAN, 2003. 656 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 15.07.2021; одобрена после рецензирования 24.09.2021; принята к публикации 10.10.2021

The article was submitted 15.07.2021; approved after reviewing 24.09.2021; accepted for publication 10.10.2021

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 66–73

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 66–73

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73>, EDN: HGVVCL

Научная статья

УДК 004.738.5:81'42

Жанр интернет-комментария: аксиологический аспект

Е. Ю. Викторова¹✉, К. В. Пантеева²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410008, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Викторова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и переводоведения, helena_v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>

Пантеева Ксения Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, ksepanteeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6422-4906>

Аннотация. В статье анализируется жанр интернет-комментария к постам в сети Инстаграм (организация, запрещённая на территории РФ) с точки зрения особенностей выражения оценочных смыслов. Анализируются посты и комментарии на спортивную тематику, а именно посвященные фигурному катанию. В ходе исследования были определены два релевантных фактора, значительно влияющие на аксиологические характеристики интернет-комментария: анонимность коммуникации в интернет-пространстве и стремление пользователей выделиться среди многих других комментаторов. Фактор анонимности способствует более частому использованию отрицательных оценок и их более эксплицитному выражению: в условиях виртуального общения пользователи чувствуют большую свободу в высказывании собственного мнения, пренебрегая требованиями этикета. Поскольку для многих коммуникантов выражение собственного мнения эквивалентно выражению несогласия с другой точкой зрения, отрицательные оценки в исследуемом материале значительно преобладают. Более того, анонимность в сочетании с дистантностью – важное условие для высказывания критических замечаний вне ограничений, налагаемых этикетными нормами реального общения. Общая отрицательная аксиологическая направленность исследованных интернет-комментариев приводит к тому, что способы выражения отрицательной оценки в этом жанре более разнообразны по сравнению со способами выражения положительных оценок, так как пользователи, отрицательно оценивающие что-либо, стремятся к более оригинальному языковому оформлению своих комментариев. Если положительная оценка в проанализированном материале транслируется преимущественно за счет оценочной лексики, то отрицательные оценочные смыслы еще и за счет использования риторического вопроса, риторического восклицания, метафоры, неологизмов. Косвенные средства выражения оценки помогают привлечь больше внимания к комментарию, содержащему оценку, и усилить речевое воздействие на реципиента, что в итоге и позволяет автору комментария выделиться среди других комментаторов.

Ключевые слова: интернет-комментарий, интернет-коммуникация, прямая оценка, косвенная оценка, отрицательная оценка, речевой жанр, аксиологическая лингвистика

Для цитирования: Викторова Е. Ю., Пантеева К. В. Жанр интернет-комментария: аксиологический аспект // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 66–73. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73>, EDN: HGVVCL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

An Internet comment as a speech genre: Axiological aspect

E. Yu. Viktorova¹✉, K. V. Panteeva²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Elena Yu. Viktorova, helena_v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>

Ksenia V. Panteeva, kse-panteeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6422-4906>

Abstract. The article presents the analysis of evaluation in the speech genre “Internet comment” and focuses on the ways and means of its expression. The research is based on the comments on Instagram (organization banned on the territory of the Russian Federation) posts about sports, namely figure skating. The authors of the article define two relevant factors determining axiological characteristics of the Internet comment: anonymity of Internet communication and the desire of many users to stand out from other commentators. The anonymity factor leads to a more frequent use of negative evaluation and more explicit ways of its expression: online communication gives users more freedom in expressing their opinions. Since for many people expressing their opinion is equivalent to expressing disagreement with an opposite point of view, negative evaluation in the analyzed Internet comments significantly prevails over positive evaluation. Furthermore, anonymous and remote communication in cyberspace provides a suitable environment for criticizing other people’s ideas neglecting etiquette rules obligatory for face-to-face communication. The general tendency towards rather negative attitudes in the analyzed Internet comments results in more various means of expressing negative evaluation compared with the ones of expressing positive evaluation because users criticizing an Internet post may try to find more original ways of articulating their views. Thus, the research revealed that positive evaluation is mostly expressed with the help of evaluative vocabulary whereas negative evaluation in the analyzed comments can be also expressed by means of specific vocabulary as well as rhetorical questions, rhetorical exclamations, metaphors, neologisms. Indirect means of expressing evaluation can draw more attention to a comment, foster linguistic persuasion which finally helps the author of an Internet comment stand out from the crowd.

Keywords: Internet comment, Internet communication, direct evaluation, indirect evaluation, negative evaluation, speech genre, axiological linguistics

For citation: Viktorova E. Yu., Panteeva K. V. An Internet comment as a speech genre: Axiological aspect. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 66–73 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73>, EDN: HGVVCL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Жанровое устройство современного интернет-пространства многолико и неоднородно. Представляется, что в нем можно условно выделить две зоны: 1) зону, в которой коммуникация максимально сходна с ее «реальными» аналогами (электронные СМИ, дублирующие печатные издания; электронные учебные ресурсы; онлайн-библиотеки; сайты, предлагающие какие-либо услуги и т. п.); 2) зону, в которой коммуникация приобрела черты, характерные именно и только для виртуального пространства (социальные сети; видео-хостинги; различные развлекательные интернет-ресурсы). В некоторых случаях эти зоны и их элементы могут пересекаться или каким-то иным образом взаимодействовать [1–3]. Жанры, заполняющие первую зону, можно, вероятно, считать вторичными речевыми жанрами с учетом того, что они представляют собой трансформацию собственных реальной коммуникации первичных жанров, тогда как жанры второй зоны, вероятно, следует отнести к первичным интернет-жанрам, т. е. собственно интернет-жанрам оригинального типа, возникшим в Интернете и не имеющим аналогов в офлайн-коммуникации. Совершенно естественно, что современная интернет-лингвистика изучает главным образом жанры второго типа [4–7].

1. Общие характеристики жанра интернет-комментария

В данной статье предпринята попытка анализа жанра интернет-комментария с точки зрения его аксиологических характеристик. Интернет-комментарий – это сообщение, выражающее мнение пользователя о посте в Интернете или комментирующее содержание другого комментария. Интернет-комментарии являются частью формата многих интернет-площадок. Это могут быть комментарии к постам в социальных сетях, блогах, видео-хостингах, интернет-магазинах и т. д. [4–7]. Важно также учитывать, что анализ интернет-комментариев не представляется возможным без учета текста комментируемого поста. Таким образом, интернет-комментарий следует рассматривать как субжанр жанра «пост в Интернете» [8].

Интернет-комментарий – один из самых ярких жанров в сфере интернет-коммуникации, поскольку именно в нем концентрируются те качества, которые отличают интернет-коммуникацию от коммуникации традиционной. Сочетание черт, изначально присущих как устной, так и письменной формам общения, и формирует облик интернет-комментария как речевого жанра. От устной формы общения интернет-комментарий унаследовал неформальность, экономичность, высокую степень эмоциональности, тогда как с письменной формой связаны игра с формой, использо-

вание графических возможностей интернет-сервисов. В меньшей степени средой протекания коммуникации обусловлена основная цель интернет-комментария – оценить ценность интернет-поста, согласиться или не согласиться с его автором. Однако то, как именно коммуникант выражает ту или иную оценку, во многом зависит от особенностей интернет-общения, что и представляет определенный научный интерес.

Предметом данного исследования являются способы выражения оценки в жанре интернет-комментария к постам на спортивную тематику в сети Инстаграм (организация, запрещенная на территории РФ). **Цель исследования** – выявить ключевые особенности функционирования оценки в жанре «интернет-комментарий». В качестве **материала исследования** использованы комментарии к постам известных российских фигуристов и тренеров фигурного катания, непосредственно посвященных фигурному катанию. Все анализируемые комментарии датируются 2021 годом. Выбор материала обусловлен большой популярностью фигурного катания в России, а также высокой степенью медийности многих деятелей фигурного катания, что, безусловно, отражается на количестве комментариев под конкретным постом и на оценочно-эмоциональном характере самих комментариев. Из самых популярных в России социальных сетей предпочтение было отдано именно Инстаграму (организация, запрещенная на территории РФ), поскольку в этой социальной сети текстовые посты на тему фигурного катания довольно частотны и неизменно вызывают бурный отклик среди пользователей.

2. Влияние фактора анонимности интернет-комментария на характер транслируемых оценочных смыслов

Согласно полученным результатам, один из релевантных факторов, влияющих на характер оценки в жанре интернет-комментария – относительная анонимность, присутствующая этому жанру интернет-коммуникации. Действительно, пользователь, оставляющий комментарий под интернет-постом, не только «отгорожен» от адресата пространством и временем, но и анонимен: даже если пользователь зарегистрирован под своим настоящим именем, соотносить автора интернет-комментария с конкретным реальным человеком – нелегкая задача. Поэтому человек, комментирующий пост в Интернете, как правило, прекрасно понимает, что лично с автором поста он не встретится. Исключением служат те случаи, когда пост комментируют другие медийные личности, вращающиеся в тех же кругах, что и автор поста. Сочетание дистант-

ности и анонимности приводит к снижению вежливости, сокращению числа ритуальных речевых действий [9] и, что важно, к большей степени эксплицитности: не чувствуя личную ответственность за транслируемую оценку, не ожидая непосредственной «живой» реакции от адресата, автор комментария подсознательно выражает собственное мнение более прямолинейно. Если в реальной жизни коммуниканты при общении с незнакомыми людьми так или иначе ограничены этикетными нормами общения, то анонимность в виртуальном пространстве позволяет пользователям пренебречь многими ограничениями.

Чувство свободы в выражении собственного мнения за счет дистантности и анонимности интернет-коммуникации приводит к увеличению количества случаев отрицательной оценки, причем отрицательные оценочные смыслы часто выражены эксплицитно. Если при общении «лицом к лицу» существует тенденция не только к минимизации отрицательных оценочных высказываний, но и к снижению категоричности отрицательных оценок в тех случаях, когда отрицательной оценки не избежать [10], то для интернет-комментария, напротив, характерно большое количество негатива, при этом отрицательные оценочные смыслы здесь транслируются эксплицитно.

В качестве примера выражения отрицательной оценки рассмотрим некоторые комментарии к одному из постов Евгения Плющенко, российского фигуриста и тренера по фигурному катанию. Пост был посвящен одной из учениц Е. Плющенко Софье Муравьевой, занявшей шестое место на чемпионате России по фигурному катанию сезона 2021–2022 (здесь и далее орфография и пунктуация автора поста и комментариев сохранены): *Ты -настоящий -боец! Ты -мой герой! Наша команда @angelsofplushenko гордится тобой! Together we will succeed or supreme dream! @sofia_muraveva_06!* (<https://www.instagram.com/p/CX624IFhJHl/>). В комментариях к посту традиционно началась горячая дискуссия о том, кто лучший в современном женском фигурном катании. Отметим, что практически все комментарии (а за первую неделю пост набрал их свыше 800) содержат оценочную информацию. Кроме того, количественный анализ показал, что в 68% комментариев содержится отрицательная оценка. Общая тематика дискуссии в комментариях хорошо просматривается в следующих примерах:

(1) *Софья прекрасная фигуристка, отлично выступила! Но, в целом... такой осадок после результатов женщин остался... Какой смысл было проводить соревнования*

среди женщин, если судят в зависимости от того к какому тренинговому штабу относится спортсмен. Раздали бы заранее медали и все, зачем было проводить этот цирк? Откуда взялась у Анны бронзовая медаль??? Как шикарно выступила в произвольной Лиза Туктамышева и как блекло да еще с падением Щербакова, откуда у Анны взяли такие баллы??? У Лизы 2 трикселя, у Анны ни одного ультра- + падение... Какая мотивация после такой расстановки мест должна быть у спортсменов у тренеров? Да и зрители чувствуют себя обманутыми;

(2) вы знаете, мне жаль, что идет такая травля! Прежде всего, изучите протоколы, а впрочем вам этого и не нужно. Лишь бы сказать против. Я бы всех подобных вам привлекла бы по всей строгости закона! Девочки на мировом уровне для России выигрывают медали, а вы здесь высказываетесь просто подобно предателям Родины! Наверное вы ненавидите настолько свою страну, что тех кто ее достойно представляет на мировом уровне топите и травите. Эту проблему нужно решить раз и навсегда, убрав диванных критиков, пару раз крепко оштрафовав! Не плюйте в колодезь, пригодится воды напиться. Впрочем это высказывание в пустоту! Вас оказывается толпа таких!;

(3) Все девочки кто впервые на чемпионате России почти равны что же не вспомните Софью Самоделькину шикарный прокат но в отличии болельщиков Софьи Муравьевой не дают несправедливого судейства; о Щербаковой неправильном судействе;

(4) Занять чужое место на скамейке вместо настоящего тренера и смотреться чужеродным элементом на этом чемпионате – закономерный итог «светской» жизни с чужого плеча. И это – на фоне сплоченной команды Тутберидзе 🇷🇺.

Как мы видим, объекты отрицательной оценки в этих комментариях довольно разнообразны. Прежде всего недовольство вызвало судейство и, как следствие якобы несправедливого судейства, бронзовая медаль Анны Щербаковой (по мнению некоторых незаслуженная) и седьмое место Елизаветы Туктамышевой, достойной, по мнению ее болельщиков, более высокой позиции в турнирной таблице. Помимо судейства и результатов чемпионата критике подвергся и тренерский штаб Е. Плющенко, а также «диванные критики». Действительно, фокус критики довольно легко смещается с ключевых тем интернет-поста на пользователей, выражающих отрицательное отношение к чему-либо. Взаимная критика с мгновенным «переходом на лич-

ности» для жанра интернет-комментария, вероятно, становится нормой. Возможность по- дискутировать с конкретным пользователем, оставившим комментарий под постом, обеспечивается инструментарием всех социальных сетей, включая Инстаграм (организация, зарегистрированная на территории РФ). Интересно, однако, что пользователи вступают в диалог друг с другом, прежде всего, чтобы поспорить, реже чтобы согласиться: возможно, здесь играет роль тот факт, что спортивная сфера связана с конкурентной борьбой, с противостоянием, поэтому и болельщики (в данном случае интернет-комментаторы) часто ведут себя конфликтно, а порой и агрессивно. Каждый комментарий к посту в определенный момент может сам стать объектом комментирования, при этом вся совокупность комментариев под постом представляет собой неоднородное пространство, состоящее из отдельных дискуссий, условно объединенных общей тематикой. Например, следующий комментарий вызвал неоднозначную реакцию пользователей:

(5) Вчера впервые увидела воочию выступление Софьи и была просто потрясена. Вчера, по кп (короткой программе. – Е. В., К. П.). Софья была лучшей после Камилы, насколько же она изумительно откатала ее, все прыжки лёгкие, воздушные, чёткое попадание во все акценты, каждый взмах, поворот головы и даже взгляд. Просто БРАВО Софье и всему ТШ (тренерскому штабу. – Е. В., К. П.)!!! Замечательная девочка, которая уже катается не как юниорка, а даже превосходит многих взрослых по катанию, даже если не брать в расчёт технику, которая у неё тоже на высоте!!! Ещё раз БРАВО!!! 🙌🙌🙌🙌🙌🙌🙌

Данный комментарий изобилует эксплицитными положительными оценками, причем оценка выражена довольно аргументированно, что выгодно отличает данный комментарий от комментариев, состоящих в основном из одних эмодзи, или от комментариев, в которых положительная оценка одной фигуристки сопровождается резкой критикой другой. Несмотря на то что автор комментария, восхищаясь прокатом Софьи Муравьевой, не умаляет и достоинств Камилы Валиевой, занявшей в короткой программе первое место, поклонники спортивного таланта Валиевой резко отреагировали даже на саму возможность сравнения двух фигуристок. Так, в ответах к этому комментарию опять видим отрицательные оценки:

(6) Не смешите!!! Ей, Богу!!! Муравьева лучше Валиевой?! Вы лишены зрения!!!;

(7) Вообще, неважно! Их нельзя сравнивать в принципе! Как нельзя сравнивать

Камиллу Валиеву с кем-то ещё! И увы, перспективы Софьи в псевдоакадемии весьма туманны...

Эти два комментария хорошо иллюстрируют оппозицию «свой» / «чужой», характерную для фанатского дискурса (одного из субдискурсов спортивного дискурса): коллективная картина мира фанатов любого вида спорта выстраивается вокруг понятий «свой» / «чужой», поскольку «чужие» рассматриваются как помеха собственным интересам. Более того, консолидация фанатского сообщества происходит не столько за счет объединения, сколько за счет отмежевания от «чужих». Отмежевание, в свою очередь, возможно при условии отрицательной оценки всего того, что выходит за рамки понятия «свой». В анализируемых примерах наблюдаем противостояние поклонников фигуристов, тренирующихся под руководством Э. Тутберидзе, и сторонников тренерского штаба Е. Плющенко. Интересно, что ранее фанатские оппозиции выстраивались преимущественно вокруг конкретных спортсменов (например, конфронтация поклонников Е. Медведевой и А. Загитовой, вошедшая в историю как конфликт «медвеботов» и «загиботов»), тогда как сейчас в оппозиции находятся именно фанаты разных тренерских штабов, несмотря на то, что и личности отдельных фигуристов, представляющих ту или иную школу, не потеряли своей значимости. Высказываемые фанатами оценки напрямую связаны с тем фигуристом, которого они поддерживают, и с тем штабом, которому противостоят, причем поддержка «своего» фигуриста нередко становится менее значимой, чем критика «чужого» фигуриста. Вследствие этого фанаты остро реагируют на мнения противоборствующего сообщества и не стремятся завуалировать отрицательные оценки.

Обилие отрицательных оценок в интернет-комментарии, помимо прочего, может быть связано с тем, что для того, чтобы выразить согласие с постом или комментарием в Инстаграме (организация, запрещенная на территории РФ), достаточно поставить «лайк», тогда как несогласие требует вербальной полемики. Важен и психологический фактор: выражение собственного мнения для многих – это, прежде всего, выражение несогласия. В любом случае особенности протекания коммуникации в жанре интернет-комментария создают идеальные условия для выражения своей точки зрения, эксплицирующейся, как правило, в отрицательных оценках.

3. Стремление к оригинальности как релевантный фактор выражения оценки в интернет-комментарии

Относительная анонимность интернет-комментария в некотором роде обезличивает участников коммуникации, что, в свою очередь, может вызвать у многих пользователей стремление выделиться. Проявить свою индивидуальность в интернет-общении становится возможным с помощью нестандартного языкового оформления. К наиболее частотным способам нетипичного языкового оформления интернет-комментария можно отнести 1) использование инвективной лексики [11]; 2) включение в текст терминов, жаргонизмов и неологизмов [12, 13]; 3) использование транскрибированных и транслитерированных слов иностранного происхождения [12]. Стремление выделиться среди тысяч пользователей обуславливает и повышенную эмоциональность жанра интернет-комментария, причем в интернет-пространстве эмоции нередко выражены невербально, например, с помощью эмодзи или «капслока» (от англ. *Caps Lock* – написание заглавными буквами), что мы уже видели в приведенных выше примерах.

Стремление к оригинальности вместе с фактором эмоциональности влияет и на способы выражения вербальной оценки в интернет-комментарии. Так, положительная оценка в 73% анализируемых комментариев выражена с помощью оценочной лексики (*была лучшей; изумительно откатала; все прыжки лёгкие, воздушные; замечательная девочка*), тогда как косвенная положительная оценка наблюдается лишь в 27 % комментариев (*не знаю с кем вообще можно сравнить его!; свежее дыхание принесла своим катанием Софья Муравьева*), т. е. прямая положительная оценка значительно превалирует над косвенной положительной оценкой. Заметим, что в рамках данного исследования под прямой оценкой понимается оценка, выраженная оценочной лексикой, тогда как косвенная оценка может быть выражена всеми остальными способами.

По сравнению с положительной оценкой отрицательная оценка, видимо, в силу большей «популярности» в интернет-комментарии находит более оригинальные способы выражения. В комментариях к тому же посту Е. Плющенко наблюдаем обширный репертуар отрицательной оценочной лексики: *позорище; чужеродный элемент; вульгарная баба; судьи все дураки; испорченные судьбы; провальный прокат*. Помимо оценочной лексики как способы выражения отрицательной оценки широко представлены риторический вопрос (комментарий 1) и риторическое восклицание

(комментарий 6). За счет усиления экспрессивности высказывания риторический вопрос и риторическое восклицание помогают автору комментария образнее выразить оценку и точнее передать оттенки эмоций: в исследуемом материале выражение отрицательной оценки сопровождается разнообразным спектром чувств – от простого сожаления до возмущения и угроз. Кроме этого, риторический вопрос и риторическое восклицание выполняют функцию апелляции к невидимому адресату, создают ощущение диалогичности. Отметим также, что в ходе исследования нам встретились примеры использования риторических вопросов и восклицаний для выражения косвенной положительной оценки (*Кто с ней сравнится?; Боже, вот это выступление!*), но количество таких примеров в анализируемом материале крайне мало.

Сходную ситуацию наблюдаем с использованием метафоры как способа выражения оценки: подавляющее число метафор в исследуемых комментариях содержат отрицательные оценочные смыслы. Так, довольно эмоциональны метафоры в тех комментариях, где «диванные критики» сравниваются с предателями Родины, судейство – с цирком, тренерский штаб Э. Тутберидзе – с конвейером. Более того, в некоторых случаях метафоры не просто выражают отрицательную оценку, но, по сути, превращаются в оскорбления:

(8) @gvdrnkvg завистливые и жалкие в хрустальном сидят, когда бегают на балл юниорки протесты подают. А @plushenkoofficial Евгению завидывать некому, пусть сначала его успехов достигнут, а он потом посмотрит, кто и что-то перед ним. И вы бы лучше поучили вашего **кавказкого пуделя** работать молча, а не тявкать по первому каналу 3 дня подряд на всех своих учениц оптом. Вот ей бы и не помешало поработать молча с Щербаковой, которая опять у неё **проползала каракатицей** весь ЧР (чемпионат России. – Е. В., К. П.), загребая косолапыми ногами.

Подобные нападки на конкурирующий тренерский штаб не редкость, что, впрочем, вписывается в общий отрицательно-оценочный фон исследуемых интернет-комментариев. Что касается положительных оценок, выраженных с помощью метафор, подобных примеров обнаружено значительно меньше. Более того, метафоры, выражающие положительную оценку, довольно однотипны и переходят из одного хвалебного комментария в другой: *ты – боец; Софья – новая звезда* и т. п.

Немногочисленны и примеры неологизмов, хотя частотность неологизмов в интернет-коммуникации – одна из характерных черт

общения в Интернете. Так, в комментарии 7 видим лексему *псевдоакадемия*: в данном случае подразумевается академия фигурного катания «Ангелы Плющенко». Лексема *псевдоакадемия* выражает явные отрицательные смыслы, что легко считывается адресатом за счет отрицательного значения префикса *псевдо-*. Безусловно, реципиенту нужна фоновая информация относительно «академии», но, как правило, те, кто оставляют комментарии под постом Е. Плющенко – организатором и директором этой академии – владеют необходимыми фоновыми знаниями. В следующем примере неологизм относится уже к штабу Э. Тутберидзе:

(9) 😊😊😊 Когда же закончится эпоха **"звёзд сезонников"** с испорченными судьбами и будет возможность видеть развитие и становление настоящих спортсменов из сезона в сезон. Ощущение, что за "ангелами" будущее. Ждём и верим ❤️👍🙏.

Тренера Э. Тутберидзе часто упрекают в подготовке фигуристов, чья спортивная карьера яркая, но короткая, длящаяся всего несколько спортивных сезонов. Неологизм *звезды-сезонники* образно описывает сложившуюся в женском фигурном катании тенденцию, когда бывшие юниорки показывают удивительно высокие результаты в первый же взрослый сезон и сразу попадают в топ мировых фигуристов, но им на смену быстро приходят новые еще более юные таланты. Лексема *звездысезонники* явно характеризует учеников Э. Тутберидзе не с положительной стороны: отрицательная оценка, заложенная в этом неологизме, подчеркивается за счет противопоставления «настоящим спортсменам».

Использование риторического вопроса и риторического восклицания, метафор и неологизмов для выражения отношения к основным темам, затронутым в комментариях к интернет-посту, как нам кажется, действительно помогает авторам соответствующих комментариев привлечь внимание большего числа пользователей, экспрессивнее выразить собственное мнение, усилить речевое воздействие на адресата и, как следствие, выделиться среди других «комментаторов» в Инстаграме (организация, запрещенная на территории РФ).

Заключение

Таким образом, среди ключевых факторов, влияющих на характер выражения оценки в жанре интернет-комментария – анонимность и стремление к оригинальности. Фактор анонимности в сочетании с дистантностью интернет-коммуникации приводит к значительному превалированию отрицательных оценок.

Анонимность интернет-комментария влияет не только на количество отрицательных оценок, но и на их качественные характеристики: в отсутствие этикетных рамок, традиционных для коммуникации с незнакомыми людьми в реальном коммуникативном пространстве, пользователи, оставляющие комментарии под интернет-постом, склонны выражать отрицательную оценку более эксплицитно.

Стремление к оригинальности как естественное желание выделиться среди тысяч пользователей – также важный параметр при анализе аксиологических особенностей интернет-комментария. Исследуемый материал показал, что авторы комментариев, содержащих положительные оценки, в большинстве случаев прибегают к использованию оценочной лексики, т. е. положительные оценки в интернет-комментарии чаще прямые, а не косвенные, что, возможно, связано с общей

отрицательной аксиологической направленностью комментариев. Пользователи, стремящиеся выделиться за счет более оригинального языкового оформления своих текстов, склонны выражать именно отрицательные оценки. Поэтому отрицательные оценки в интернет-комментарии находят более разнообразные способы выражения. Среди наиболее типичных способов выражения косвенных отрицательных оценок в проанализированных комментариях выделяются риторический вопрос, риторическое восклицание, метафора, неологизмы. Тем не менее, важно уточнить, что способы выражения косвенных оценок вышеперечисленными не исчерпываются.

Думается, что сделанные выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении аксиологических особенностей жанра интернет-комментария, поскольку данное исследование освещает лишь часть этой проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Crystal D. *Language and the Internet*. 2nd edition. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. 316 p
2. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2016. 328 с.
3. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 188 с.
4. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 96–104. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104>
5. Митягина В. А., Сидорова И. Г. Жанры персонального интернет-дискурса: коммуникативные экспликации личности // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 105–115. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-105-115>
6. Викторова Е. Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) // *Жанры речи*. 2018. № 4 (20). С. 294–303. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303>
7. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // *Жанры речи*. 2014. № 1–2 (9–10). С. 81–88. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-81-88>
8. Щипицина Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария // *Вестник Башкирского университета*. 2015. Т. 20, № 2. С. 528–532.
9. Hu C., Kumar S., Huang J., Ratnavelu K. Disinhibition of Negative True Self for Identity Reconstructions in Cyberspace: Advancing Self-discrepancy Theory for Virtual Setting // *PloS One*. 2017. № 12, iss. 4. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0175623>
10. Андреева О. А. Тактики смягчения категоричности высказывания (на материале собственных ручных записей разговорной речи) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика*. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 24–30. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2013-13-2-24-30>

11. Панченко Н. Н. Жанровое своеобразие стеба в интернет-коммуникации // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 116–122. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-116-122>
12. Шилихина К. М. Лексические маркеры жанров интернет-коммуникации // *Жанры речи*. 2018. № 3 (19). С. 218–225. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-218-225>
13. Šetka Čilić I., Ilić Plauc J. Today's Usage of Neologisms in Social Media Communication // *Journal of Humanities and Social Sciences*. 2021. № 6. P. 115–140. <https://doi.org/10.51558/2490-3647.2021.6.1.115>

REFERENCES

1. Crystal D. *Language and the Internet*, 2nd edition. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2006. 316 p.
2. *Internet-kommunikatsiia kak novaia rechevaia formatsiia*. Nauch. red. T. N. Kolokol'tseva, O. V. Lutovinova [Kolokol'tseva T. N., Lutovinova O. V., eds. *Internet Communication as a New Speech Formation*]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2016. 328 p. (in Russian).
3. *Riskogenost sovremennoy kommunikatsii i rol kommunikativnoy kompetentnosti v ee preodolenii*. Pod red. O. B. Sirotininoi, M. A. Kormilitsynoi [Sirotinina O. B., Kormilitsyna M. A., eds. *The risks of modern communication and the role of communicative competence in overcoming them*]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2015. 188 p. (in Russian).
4. Kolokol'tseva T. N. Disalogueness in Internet genres (chat, forum, blog). *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 96–104 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104>
5. Mitiagina V. A., Sidorova I. G. Genres of personal Internet discourse: Communicative explications of the personality. *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 105–115 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-105-115>
6. Viktorova E. Iu. Potential capacity of linguistic creativity in internet communication (based on the genre of social networks). *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 294–

303 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303>

7. Steksova T. I. Comment as a speech genre and its variability. *Speech Genres*, 2014, no. 1-2 (9-10), pp. 81–88 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-81-88>

8. Shchipitsina L. Yu. Genre status of an online comment. *Bulletin of Bashkir University*, 2015, vol. 20, no. 2, pp. 528–532 (in Russian).

9. Hu C., Kumar S., Huang J., Ratnavelu K. Disinhibition of Negative True Self for Identity Reconstructions in Cyberspace: Advancing Self-discrepancy Theory for Virtual Setting. *PloS One*, 2017, no. 12, iss 4. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0175623>

10. Andreeva O. A. The tactics of softening the categoricity of the statement (based on the author's per-

sonal notes of conversational speech). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2013, vol. 13, iss. 2, pp. 24–30 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2013-13-2-24-30>

11. Panchenko N. N. Genre individuality of mockery in internet communication. *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 116–122 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-116-122>

12. Shilikhina K. M. Lexical markers of the online communication genres. *Speech Genres*, 2018, no. 3 (19), pp. 218–225 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-218-225>

13. Šetka Čilić I., Ilić Plauc J. Today's Usage of Neologisms in Social Media Communication. *Journal of Humanities and Social Sciences*, 2021, no. 6, pp. 115–140. <https://doi.org/10.51558/2490-3647.2021.6.1.115>

Поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 04.03.2022
The article was submitted 03.02.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 04.03.2022

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ. ХРОНИКА

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 74–91

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 74–91

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-74-91>, EDN: GFLQDW

Обзор

УДК 81'271

Изучение речевого жанра «пожелание»: обзор работ в современной лингвистике

А. Н. Байкулова[✉], Е. Н. Малашенкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Малашенкова Елена Николаевна, ассистент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, malashenkova.en@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1880-5571>

Аннотация. Данная статья содержит обзор научной литературы по проблеме изучения этикетного конвенционального речевого жанра «пожелание» в отечественной и зарубежной лингвистике. Сопоставляются дефиниции лексемы «пожелание» в различных лексикографических источниках; рассматриваются подходы исследователей к определению статуса пожелания, выявляются дискуссионные проблемы изучения жанра. Особое внимание уделено рассмотрению пожелания в русле теории речевых актов и речевидности теории. Сопоставляются точки зрения исследователей по дискуссионной проблеме, касающейся благо- и злопожеланий. Дается обзор работ, посвящённых изучению грамматико-синтаксических средств оформления пожеланий, типичных моделей жанра. Анализируются труды, посвящённые существующим классификациям пожеланий на основе факторов этикетности/неэтикетности, стереотипности/нестереотипности, структуры и др., а также работы, основанные на представлениях о полевой структуре жанра, где ядром являются клишированные пожелания, а периферией – нестандартные высказывания, или (согласно другой теории) эксплицитные высказывания и императивные/модифицированные пожелания соответственно. Обращается внимание на важность исследования экстралингвистических факторов (пол, возраст, статусно-ролевые отношения коммуникантов) при изучении пожеланий. Рассматриваются статьи и диссертации, посвящённые сравнительно-сопоставительному анализу пожеланий в разных языках (русском, английском, немецком, китайском и др.). Намечаются перспективные направления для дальнейшего изучения данного жанра в разных сферах и ситуациях общения.

Ключевые слова: русский язык, пожелание, речевые акты, речевой этикет

Для цитирования: Байкулова А. Н., Малашенкова Е. Н. Изучение речевого жанра «пожелание»: обзор работ в современной лингвистике // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 74–91. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-74-91>, EDN: GFLQDW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review

The speech genre “wish”: An overview of modern linguistic papers

A. N. Baikulova[✉], E. N. Malashenkova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla N. Baikulova, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Elena N. Malashenkova, malashenkova.en@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1880-5571>

Abstract. The article presents an overview of research literature on the etiquettical conventional speech genre “wish” in Russian and foreign linguistics. The author compares definitions of the lexeme “wish” in various lexicographic sources, considers researchers’ approaches to determining the status of a wish and identifies some debatable problems of studying the genre. Particular attention is paid to the consideration of wishes within the theory of speech acts and the theory of speech genres. The article also compares researchers’ viewpoints on the debatable problems concerning pious wishes and evil wishes, as well as gives an overview of the works concerning grammatical and syntactic means of making wishes and typical models of the genre. The article provides the analysis of works with the existing classifications of wishes based on their structure and on being etiquettical/non-etiquettical, stereotypical/non-stereotypical, etc., as well as the analysis of works based on ideas about the field structure of the genre, where the core consists of clichéd wishes, and the periphery – of non-standard statements, or (according to another theory) explicit statements and imperative/modified wishes, respectively. The research points out the importance of investigating extralinguistic factors (gender, age, status-role relations of communicants) in the study of wishes. The paper reviews articles which deal with the comparison and collation analysis of wishes in different languages (Russian, English, German, Chinese, etc.). The conclusion outlines some directions for the further study of this genre in various areas and situations of communication.

Keywords: Russian language, wishes, speech acts, speech etiquette

For citation: Baikulova A. N., Malashenkova E. N. The speech genre “wish”: An overview of modern linguistic papers. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 74–91 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-74-91>, EDN: GFLQDW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Изучение речевого общения и функционирующих в нём речевых жанров – актуальная задача современной лингвистики и одного из её направлений – генристики. По М. М. Бахтину, человеческая речь в типичных ситуациях отливаётся в готовые формы речевых жанров, которые «даны нам почти так же, как родной язык» [1: 181]. В русле генристики активно исследуются самые разные речевые жанры деловой, научной, публицистической и художественной речи, жанры бытового общения и др. (см.: [2], журнал «Жанры речи» и др.). Генристика активно взаимодействует со смежными лингвистическими дисциплинами: функциональной стилистикой, прагмалингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой и др.

Многие жанры вызывают исследовательский интерес с древних времён. Так, например, эпидейктические речи, «дело которых – хвалить или порицать» (по Аристотелю) [3: 19] привлекали внимание учёных и риториков начиная с античности. Эпидейктическая речь (от греч. *deiknumi* – показываю, делаю видным, известным, приветствую) – это торжественная речь, цель которой заключается в создании у адресата особого эмоционального состояния: чувства удовольствия, наслаждения, гордости или воодушевления, гнева, презрения и др. У Цицерона данный род речи назван «хвалебным», так как одобрение и восхваление зачастую являются важными составляющими таких речей [4: 25].

Интерес к изучению подобного рода речей (жанры похвалы, благодарности, комплимен-

та, поздравления, пожелания и др.) не ослабевает и по сей день. И это вполне объяснимо: велика их значимость в жизни общества, они формируют зону речевого этикета.

Данная статья посвящена одному из жанров эпидейктической речи – жанру пожелания, который активно исследуется в современной русистике. Сразу оговорим, что нет единого мнения на этот феномен: пожелание рассматривается в русле разных теорий и пока не имеет в лингвистических работах единого статуса. Мы, как и многие другие исследователи, будем рассматривать пожелание как речевой жанр, но в данной статье представим и альтернативные точки зрения.

Статья носит обзорный характер, и свою цель мы видим в том, чтобы обобщить накопленный научный опыт по изучению пожеланий и выявить дискуссионные проблемы.

Русский речевой этикет и его жанры привлекали внимание исследователей задолго до появления теории речевых актов и жанров. В классических трудах по риторике и красноречию М. В. Ломоносова (1748) и Н. Кошанского (1829) уже затрагивался этикетный аспект. Например, М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к риторике на пользу любителей сладкоречия» среди «приватных речей и писем» упоминает «поздравление... и благодарение равной или высшей особе, словесно или письменно предлагаемое». При составлении писем М. В. Ломоносов советует брать во внимание фактор адресата и адресанта и повод, по которому речь составляется. В работе говорится: «Поздравление бывает о каком-нибудь благополучии... осо-

бы... Должно упомянуть: 1) радость, от одного благополучия ей происшедшую, и что она того счастья... достойна; 2) что оное счастье... приятно, нужно и полезно; 3) заключить тем, что о благополучии оныя особы и сам поздравитель радуется и поздравляет, *желая оным чрез свой век, долговременно... наслаждаться*» [5: 73].

Позднее в изучение пожелания внесли вклад такие исследователи, как Н. А. Ранних [6], Н. М. Мекеко [7], М. В. Уткина [8], Д. Ф. Коморова [9], М. К. Гусаренко [10], Е. В. Вдовина [11], Н. А. Трофимова [12], И. К. Завершинская [13], Г. Г. Хасимова, Л. М. Лапытова [14], М. С. Гончар [15] и др. Ценность представляют и работы по изучению смежных жанров (гипержанров), например, поздравления, в которое традиционно включается пожелание [16]. Функционирование жанра / речевого акта пожелания исследовалось на огромном материале: осуществлялся анализ диалектов [17], произведений русской драматургии разных веков [8], текстов, отобранных из теле- и радиопередач, художественных фильмов [10], из поздравительных сообщений по Интернету, книги отзывов лечебных учреждений, фрагментов разговорной речи [11] и Нового Завета Синодального перевода [10], частично исследованы злопожелания в СМИ [18] и др. Исследователи рассматривали пожелания в разных аспектах: коммуникативном [6, 10, 12], концептуальном [11], сравнительно-сопоставительном [7, 9, 15, 19]; при этом учитывались культурные традиции, экстралингвистические факторы, данные когнитологии, лингвокультурологии и др.

Однако следует отметить, что, во-первых, изучено ещё далеко не всё (на это указывают многие исследователи), например, пожелание начинает активно исследоваться в рамках сопоставительного языкознания. Во-вторых, с развитием технологического общества изменяется и коммуникация, в том числе и её жанровая составляющая: пожелание становится более сложным синкретичным явлением, ввиду чего обнаруживаются лакуны в его изучении; немаловажно и то, что в современном мире под влиянием глобализации наблюдается трансформация культурных и духовных ценностей (см.: [20: 131]; [21: 170]; [22: 6]; и это не может не отразиться на реализации жанра, в частности его семантическом наполнении.

Первостепенной задачей в изучении пожеланий, как нам кажется, должна быть задача определения его статуса. Пожелание играет важную роль во всех видах дискурса. Одни исследователи относят его к группе этикетных жанров (в теории речевых жанров) [23, 24], другие – к классу экспрессивов (в теории ре-

чевых актов) [12, 25, 26]. Класс экспрессивов составляют речевые акты, имеющие целью выражать положительные эмоции и чувства говорящего относительно какого-либо положения дел [12]. М. Я. Гловинская причисляет пожелания к группе речевых и социальных ритуалов [26]. Такое разнообразие точек зрения заставляет прежде всего обратиться к лексикографическим источникам, рассмотреть дефиниции слова «пожелание» в разных словарях.

Описание понятия «пожелание» в лексикографических источниках

Основной ситуацией функционирования пожелания считается поздравление. В этимологическом словаре М. Фасмера (1986–1987) отмечается, что слово *поздравить* церковнославянского происхождения (образовано от *здоровый*) [27: 303], а в словаре Н. М. Шанского указано, что глагол *поздравить* образован префиксальным способом от глагола *здравити*, которое произведено от *здравь – здоровый*. Таким образом, *поздравлять* буквально значит *желать быть здоровым* [28: 349], то есть само слово *поздравление* включает пожелание.

В словаре синонимов Н. Абрамова [29] лексема пожелание даётся в одном ряду с лексемами *благопожелание, благословение, напутствие, напутственное слово, поздравление, приветствие, поклон*. Такое соседство показывает, что пожелание, с одной стороны, соотносится с другими единицами ряда, а с другой – в чём-то расходится с ними, и это требует осмысления.

В словаре Д. Н. Ушакова [30] *пожелание* даётся с пометой *книжн.* в первом значении и определяется как «высказанное, выраженное **желание чего-н. (преимущ. приятного, доброго)**»; второе же значение дано без соответствующей пометы: «**требование, запрос, предложение. Сообщите ваши пожелания. Книга для жалоб и пожеланий**». В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (2004) находим иную дефиницию слова, но оно тоже представлено двумя значениями: как «**мнение о желательности осуществления чего-н**» и как «**приветствие кому-н., выражающее желание, чтобы осуществилось что-н. хорошее**» [31: 546–547]. Если обобщить эти сведения, то *пожелание* – это некое речевое действие (или речевой акт), которое выражает желание чего-либо, требование, запрос, предложение, приветствие.

В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» (2003) понятие «пожелание» имеет три значения: 1) «**наименование этикетной ситуации, когда собеседники желают друг другу добра**»; 2)

«сумма выражений – стереотипов общення, составляющих коммуникативно-семантическую группу единиц речевого этикета со значением пожелания»; 3) «каждое из выражений, с помощью которых осуществляют речевой акт пожелания» (цитирую по: [32: 7]).

Более подробная дефиниция пожелания представлена в БУСРЯ – 2016, где даются два активных лексико-семантических варианта слова: «1.0. **Высказанное** по отношению к кому-чему-л. **желание об осуществлении чего-л.** (обычно хорошего), а ткж. **фраза, излагающая такое желание <...>**» и «2.0. **Мнение, предложение** о желательности осуществления чего-н, а также **текст с таким мнением, предложением**» (выделение моё. – Е. М.) [33: 824]. Представленный в словаре список возможных словосочетаний с данной лексемой в первом значении может стать основой для классификации пожеланий. Так, например, наблюдается вариативность пожеланий в зависимости от эмоциональной окраски: «*добрые (искренние, тёплые, сердечные, наилучшие, дежурные, <...> пожелания*»; формы выражения: «*краткое (лаконичное, многословное, витиеватое...)* пожелание»; личности адресанта / адресантов: «*пожелания гостей (родственников, детей...)*»; семантики, тематического наполнения: «*пожелание здоровья (счастья, достатка, удачи...)*»; привязки к ситуации: «*пожелания к Новому году, к празднику, к бракосочетанию...*»; выделяется особая формальная разновидность пожеланий – конструкции с инфинитивом: «*пожелание [кому-л.] быть здоровым (не болеть, хорошо учиться...)*», а также конструкции с придаточным изъяснительным, с союзом *чтобы* [33]. Далее в примерах находят отражение возможные реакции на произнесение / получение пожелания: «*благодарность за какие-л. или чьи-л. пожелания; ответ на какие-л. пожелания*». Отдельный блок примеров посвящён корреляции лексемы *пожелание* с различными глаголами: «*высказать пожелания; передать кому-л. какие-л. или чьи-л. пожелания; обменяться пожеланиями*».

Второе значение слова *пожелание* (в словаре БУСРЯ 2016–2.0.) имеет отношение к теории оптативной модальности (см: [34]). Сравним широкий спектр словарных примеров: «*интересное (законное) пожелание кого-л.*»; «*пожелания покупателей, клиентов, подписчиков...*»; «*пожелание кого-л. показать что-л., организовать что-л., закрыть что-л.*» и т. п. [33]. В определении и приведённых примерах нет прямой связи с этикетными ситуациями, требующими произнесения пожелания, тем не менее желательное наклонение сближает их с прагматикой пожеланий.

В БУСРЯ 2016 приведены фразеологические единицы, включающие лексему *пожелание*. Одна из них носит неодобрительный характер: благие пожелания – «*книжн., неодобр.* – о пожеланиях, о которых много рассуждали, относительно которых много обещали, но ничего не сделали для их выполнения»; вторая, с наилучшими пожеланиями, – «*этикетная формула, завершающая письмо, послание и т. п.*». Эта формула, регламентируемая речевым этикетом, играет важную контакторегулирующую функцию.

Статус жанра *пожелание* приобретает в словаре-справочнике «Эффективное речевое общение» (2012). Цитируем: пожелание – «речевой жанр, закреплённый за этикетной ситуацией выражения мнения о желательности чего-либо» [35: 448].

Итак, анализ словарных дефиниций показал, что толкование *пожелания* в лексикографических источниках совпадает лишь частично. Однако в каждой из интерпретаций находят отражение важнейшие «семы», формирующие целостное дифференциальное значение пожелания: *мнение, желание, приветствие, этикетная ситуация, выражения-стереотипы общения*.

Представляется важным рассмотреть определение и статус пожелания в работах исследователей, изучающих его функционирование в речи.

Статус пожелания в работах современных лингвистов

Для большинства людей факт произнесения пожелания ассоциируется с чем-то приятным, доброжелательным и жизнеутверждающим, прогнозированием добра, благополучия и т. д. (ср: *Никогда не унывай, больше смейся! Пусть сбывается максимально всё, что ты хочешь! Успехов тебе на профессиональном пути и добра в жизни!*). Н. И. Формановская в своих работах предлагает внутри группы этикетных речевых актов выделять особый класс – «этикетные выражения, контактивы, социативы», представляющие собой социально заданные правила поведения. Этот класс включает коммуникативно-семантические группы, среди которых приветствия, привлечения внимания, пожелания, сочувствия и др. [36: 43]. По мнению Т. А. Демешкиной, «пожелание – это своеобразный прогноз на будущее, сделанный в исключительно положительной тональности» [37: 49]. Н. А. Трофимова также наделяет пожелание положительными функциями: «выражает чувство благоволения говорящего по отношению к адресату, выражение этого чувства способствует установлению или поддержанию контакта с другими членами общества» [12:

72]. О. А. Казакова отмечает, что «высказывания-пожелания реализуют цель говорящего пожелать адресату нечто хорошее» [38: 615].

Неразрывность значения пожелания и элемента доброжелательного отношения подтверждает концептуальный анализ пожеланий, проведенный Е. В. Вдовиной. Посредством полевой структуры исследователь выстраивает концептуальное поле пожелания, в которое входят следующие понятия: «добро, приятное, приветствие, прощание, праздник, предложение, требование, благодарность, выражение надежды, желания, здоровье, счастье, любовь и т. д.» [11: 10]. Исследователь интерпретирует речевой акт пожелания как «вежливое речевое действие, которое реализуется говорящим с целью привлечь внимание и симпатию по отношению к адресату и надежду на благополучие в жизни адресата в будущем и тем самым соответствовать нормам этикета, принятым в данном обществе» [11: 15]. В этом определении устанавливается связь пожелания с этикетом.

А. Вежбица также трактует пожелания как **изъявление желания чего-либо доброго**, но показательно, что исследователь исключает из этого ряда глаголы «проклинать» и даже «благословлять» на том основании, что «при пожеланиях говорящий осознает невозможность повлиять своими словами на их осуществление, а при проклятиях и благословениях предполагается их могущественная сила» (цитирую по: [9: 9]).

Однако мнение о пожелании как исключительно положительном **этикетном знаке** находит поддержку не у всех исследователей. Например, в работах М. Я. Гловинской высказывается иная точка зрения: описывая компоненты семантики глагола *желать*, исследователь утверждает, что пожелания – это не всегда изъявление желания добра, возможно и желание чего-то нехорошего, недоброго: «*X желает У-у Р ≈ «(1) X хочет, чтобы с У-ом случилось Р; (2) X говорит словесную формулу, принятую для этого; (3) произнесение формулы как бы способствует осуществлению Р; (4) X говорит это, чтобы У знал, что чувствует X по отношению к нему»* [26: 211]. Противопоставление добрых пожеланий злым находим и в работе М. К. Гусаренко, определяющей их как **разновидность оптативных высказываний**, посредством которых говорящий «изъявляет желание добра или зла адресату, себе или третьему лицу» [10: 13]. Н. А. Трофимова также считает, что интенция выражения надежды на наступление определённого положения дел может включать как положительную, так и отрицательную оценку, на основании чего разделяет позитивные и негативные пожела-

ния как разные виды речевых актов: положительное пожелание – **вежливое, этикетное речевое действие**, а негативное нарушает социальные нормы, является **формой вербальной агрессии, эмоциональной разрядки**, воздействующей на эмоциональное состояние адресата [12: 73]. Исследователь относит положительное пожелание к классу социативов (речевой акт (далее – РА) признания говорящим адресата членом одной с ним социальной группы), а негативное – к классу инфлутивов (РА эмоционального воздействия, которые адресант использует в качестве «санкций», регулирующих исполнение адресатом необходимых социальных ролей) [39: 21].

Злопожелания, безусловно, имеют место в неисчислимой палитре пожеланий в русской культуре, однако представляют одну из самых дискуссионных и синкретичных их разновидностей, поскольку сближаются с другими жанрами, например, проклятием (*будь ты проклят!*). Этикетность здесь уступает место речевой агрессии. Дискуссионность проблемы находит отражение и в том, что злопожелание в некоторых лингвистических работах рассматривается не как акт или жанр, а как дискурсивная речевая тактика [18; 40].

Исследователи обращают внимание и на психологический аспект реализации пожелания: искренность адресанта. По словам Б. Ю. Нормана, искренность говорящего иногда может вызывать сомнения, поскольку некоторые формулы пожелания произносятся автоматизированно: например, выражение *Приятного аппетита* является ритуальной репликой, своего рода сигналом к началу трапезы. Пожелания типа *Счастливого пути* (при прощании) или даже *Пусть земля будет лугом* (на похоронах) также выполняют функцию ритуала, диктуются не столько искренностью, сколько этикетом и традицией [25: 246].

Таким образом, по сравнению со словарными дефинициями, представление о пожелании расширяется. Можно сказать, что оно не в полной мере соответствует данным лексикографических источников.

Пожелание рассматривается и в русле различных лингвистических теорий: как РА, речевая тактика, речевой жанр (далее – РЖ).

А. Вежбица, Н. И. Формановская, Н. А. Ранних, Н. А. Трофимова, Е. В. Вдовина исследуют пожелание с позиций теории речевых актов. Н. А. Ранних опровергает точку зрения о пожелании как побуждении, не предполагающем конкретного исполнителя, т. е. как высказывания о желании, считая, что это противоречит этикетной природе пожелания, и настойчиво призывает признать пожелание

самостоятельным речевым актом, а не разновидностью побуждения или высказывания желания. Специфической и релевантной чертой пожеланий исследователь считает закреплённость за определёнными этикетными ситуациями, наличие этикетной доминанты значения и пропозиционального содержания [6].

Иная точка зрения на пожелание представлена в работах О. С. Иссерс. В рамках теории речевой деятельности исследователь определяет пожелание как **речевую тактику** [41]. Аналогичный подход применяет М. С. Гончар, которая рассматривает пожелание как **национально ориентированную речевую тактику** в аспекте межкультурной коммуникации и лингвокультурологии [15].

Однако ряд исследователей склонны считать пожелание **жанром**. Речевой жанр М. М. Бахтин определял как «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания», реализуемый в устной и письменной формах [42: 237]. С его точки зрения, РЖ характеризуется единством трёх релевантных компонентов: тематического содержания, стиля и композиции высказываний; определяющей чертой каждого жанра является коммуникативная цель, а границей жанра – смена субъектов речи [1: 172–173].

Следует отметить, что каждый из исследователей вносит в представление о жанре своё понимание, пытаясь определить место пожелания среди других сходных явлений. Так, М. М. Бахтин относил пожелание к «стандартным типам жанров», среди которых: *прощание, поздравление, осведомление о делах* и др. [1: 181–182]. Ю. М. Лотман считал пожелание **риторическим жанром**. Риторические жанры, с точки зрения исследователя, принадлежат сфере «внепрактического, социально значимого взаимодействия людей» (см.: [43]). О. А. Казакова причисляет пожелание к **ритуальным жанрам** [38]. В классификации М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой пожелание относится к **этикетным диалогическим жанрам** [23], а И. Н. Борисова считает его **этикетным (социально-ритуализованным) монологическим микрожанром** [24]. М. Ю. Федосюк также рассматривает пожелание в одном ряду с другими **этикетными жанрами** (поздравление, благодарность) и предлагает этикетные жанры включить в класс **эмотивных жанров**, которые ориентированы на поддержание или улучшение эмоционального состояния адресата [44: 78]. Исследователи солидарны во мнении о важности функционального аспекта в реализации пожелания: этикетные акты / жанры расцениваются как обычаи, ритуалы, традиции.

И. В. Бородина, ссылаясь на исследование Н. И. Формановской, отмечает, что «можно что-то пообещать, можно нечто сообщить или промолчать, но нельзя *не исполнять* актов приветствия и прощания, извинения за проступок и благодарности за услугу, поздравления с праздником или пожелания добра. Все эти речевые акты исполняются потому, что *так принято, так надо поступать*» [45: 43].

Для описания речевых жанров Т. В. Шмелевой разработан «паспорт» жанра (см.: [46]). Исследователь пишет, что «интуитивно РЖ – довольно ясное понятие: стоит привести два-три примера, как у любого человека складывается впечатление, что ему все понятно и он может работать с РЖ» [46: 89]. Рассмотрим, какие необходимые параметры и каким образом обнаруживаются в пожелании.

Так, особая коммуникативная цель является жанрообразующим признаком. Т. В. Шмелева противопоставляет 4 типа РЖ: информативные, императивные, этикетные и оценочные. Пожелание относится, с точки зрения исследователя, к императивным жанрам, поскольку «предъявляемое в нем событие может быть осуществлено с помощью разных исполнителей – вплоть до высших сил, остальные императивные РЖ предполагают, что исполнитель прескриптивного события – человек» [46: 95]. Адресант и адресат являются неотъемлемыми участниками коммуникативной ситуации. Репертуар пожеланий широк и обусловлен различными факторами: социально-психологические характеристики коммуникантов (пол, возраст, психотип человека), степень близости и т. п. Под диктумом подразумевают событийную основу высказывания, все этикетные жанры объединяются тем, что они «предусмотрены этикетом данного социума» [46: 96]. Образ прошлого заключается в предыдущих эпизодах общения и находит отражение в общей апперцепционной базе партнёров коммуникации, например, в пожелании адресант зачастую использует тактику обращения к воспоминаниям (*будь всегда такой весёлой, как в тот день, когда мы заняли 1-е место*). Образ будущего определяет устремлённость пожелания в будущее. Показательно, что Е. В. Вдовина при сопоставлении пожелания и комплимента отмечает, что общим для них является наличие оценки, однако «комплимент, оформленный высказыванием пожелания, отличается от обычного комплимента, констатирующего успех адресата, тем, что связан с **планом будущего** (*Будь всегда такой же прекрасной и любимой*)» [11: 22]. В этом же и отличие пожелания от поздравления (поздравить можно с тем, что произошло в прошлом), а пожелание всегда относится к будущему. Ответная реакция (бла-

годарность или взаимное пожелание (*спасибо, и тебе ни пуха ни пера*) по существу, является результативностью РЖ, достижением цели. Языковое воплощение жанра достаточно устойчиво в сознании носителей русского языка (перформативный глагол желать и Р. п. существительных – одна из основных моделей).

Итак, пожелание может быть описано как жанр и иметь свой жанровый «паспорт». Тем не менее налицо дискуссионный вопрос, который требует от исследователя, занимающегося этой проблемой, выработки собственной позиции. Следует отметить, что между понятиями «речевой акт» и «речевой жанр» немало общего. Объединяет данные теории стремление выйти за рамки абстрактной системы языка в живую практику, в реальное речевое общение [47]. Однако ключевым, на наш взгляд, является то, что, согласно М. Л. Макарову, речевой акт «однаправлен и изолирован», поскольку «в его структуре не отражена специфика общения как взаимодействия» [48: 109], а речевой жанр диалогичен (социологичен): «высказывание с самого начала строится с учетом возможности ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создается» [42: 275]. Произнесение пожелания адресант связывает с предвосхищаемым ответом и ответ обычно следует в виде этикетного знака (*спокойной ночи*), благодарности (*спасибо*) или нестереотипной реакции (например, на пожелание *будь здоров* ответ: *буду, как бык*). Принятое в теории речевых актов рассмотрение отдельного высказывания вне диалога представляется нам фрагментарным, так как не отражает всего спектра реальной коммуникации. Кроме того, как отмечается многими (но далеко не всеми) учёными, РЖ представляет более развёрнутую, более сложную (количественно и качественно) речевую структуру; это «построение, состоящее из нескольких речевых актов» [47: 58–59]. Обратим внимание на то, что пожелание, если оно не является этикетной формулой типа *приятного аппетита*, действительно представляет собой цепочку речевых актов с разными иллокуциями: в ткань пожелания могут включаться комплименты (*оставайся такой милой леди*), благодарность (*спасибо, что ты согреваешь нас своим светом и теплом*), призывы (*Дерзай! Продолжай развиваться, никогда не останавливайся, люби этот мир и делай его ещё лучше своей лучезарной улыбкой!*), т. е. целый ряд речевых актов. Однако пожелание может становиться одной из составляющих более сложных диалогических речевых жанров (таких, как диалог при покупке товаров, беседа, презентация, конференция и т. д.), на что указывает

И. К. Завершинская, опираясь, в свою очередь, на классификацию М. М. Бахтина [13: 108].

Как уже отмечалось, наиболее часто пожелания включаются в состав поздравления. В этой связи плодотворна, по нашему мнению, идея К. Ф. Седова ввести особый термин «субжанр», обозначающий минимальную единицу, равную одному речевому акту [49]. Подводя итог, можно сказать, что структура поздравления или пожелания зачастую расширяется за счёт различных речевых актов / субжанров, и описание таких развёрнутых структур удобнее осуществлять в рамках теории речевых жанров.

Если внимание теории речевых актов направлено на грамматику языка (предложение), то внимание теории речевых жанров – на речевую коммуникацию и функциональный стиль [47]. Поэтому особое значение приобретает социо- и психолингвистический подход, учёт того, что огромное влияние на форму и содержание пожелания оказывают пол, возраст, образование, социальный статус коммуникантов; наличие коммуникативного прошлого и будущего.

В. Е. Гольдин, видя многозначность и неопределённость концепций определений речевого жанра и речевого акта, справедливо отметил: «понятие жанр речи “втиснуто”, если можно так выразиться, между понятиями речевого акта, текстового типа, тональности общения и некоторыми другими» [50: 5]. Мы, в свою очередь, добавим, что в разговорной речи наблюдается смешение жанров, которые активно модифицируются, иногда можно наблюдать лишь «осколки» жанров. М. А. Китайгородская и Н. А. Розанова среди прочих модификаций отмечают ещё и «случаи наложения одного жанра на другой» [23: 39].

Таким образом, в современной лингвистике сложились разные точки зрения на пожелание, что придаёт проблеме ярко выраженную дискуссионность.

Проблема грамматико-синтаксического оформления пожеланий

Обзор лингвистических работ, посвященных изучению феномена пожелания, позволяет выявить некую стереотипную структуру проведения его анализа, важное место в которой занимает осмысление формальной стороны пожеланий, их грамматико-синтаксического оформления.

В работах Л. Л. Федоровой [51], Л. А. Бирюлина [52] пожелание рассматривается как разновидность побудительных и оптативных высказываний. М. К. Гусаренко также рассматривает пожелания в аспекте теории оптативной модальности как оптативы – выска-

звания, «выражающие желание говорящего, чтобы имела место обозначаемая ситуация» (цитирую по: [34: 172]), «служащие для трансляции желания того или иного положения дел в мире» [10: 5].

Каждая модель речевого поведения реализуется в определённых базовых грамматических структурах [19]. Выявление стандартных средств оформления пожеланий нашло отражение в работах Н. И. Формановской и А. А. Акишиной, посвященных русскому речевому этикету и адресованных иностранным студентам [53]. Наиболее употребительной считается модель: *(от всей души, от всего сердца) желаю (-ем) (вам, тебе) + сущ. в родительном падеже (счастья, успехов) или инфинитив (не болеть, выздороветь)*. Авторы предлагают набор ситуативно-обусловленных формул: пожелание при отъезде (*Счастливого пути!*); пожилым людям (*Долгих лет жизни! / Многих лет жизни!*); больному (*не болей (-те); выздоравливай (-те), поправляйся (-тесь)*); с оттенком официальности (*примите мои (тёплые, горячие, искренние) пожелания + род. п.) и др. (пожелания в письмах, пожелания на ночь, пожелания перед едой, непринуждённые шуточные пожелания перед трудным делом)*. Отдельную группу с соответствующими речевыми формулами составляют пожелания-тосты [53].

Ещё одной специфической разновидностью пожеланий являются рассматриваемые Н. А. Трофимовой так называемые пожелания-поздравления: «являясь полиинтенциональными образованиями, они представляют собой особую группу, “переходную зону” между высказываниями пожелания и высказываниями поздравления» (*Счастливого Рождества!; нем. Frohe Weihnachten!*) [12: 88].

Н. А. Ранних, рассматривая разные способы выражения пожелания в русском языке, делает вывод, что разнообразие вариантов оформления высказывания во многом определяется отношением говорящего к адресату и стремлением уйти от шаблона [6]. Данную точку зрения разделяет и Е. В. Вдовина, отмечая, что пожелание «содержит колоссальное количество структур для своего воплощения», по устойчивым моделям могут создаваться свободные индивидуализированные высказывания [11: 15]. В работах Т. Г. Сухотериной находим аналогичный вывод: пожелание относится «к более вариативным частям поздравления», поскольку, как правило, характеризуется «более свободной организацией, включающей всевозможные пласты лексики, эмоционально-оценочные выражения, проявление авторской индивидуальности» [16: 75]. Вместе с тем ряд исследователей подчёркивает некоторую «негибкость» формально-

го воплощений пожеланий: как большинство социативов, они настолько подчинены правилам, что обычно реализуются лишь с незначительными отклонениями, повторяя то, что регулярно произносится языковым сообществом в типичных ситуациях [39: 22].

Д. Ф. Коморова, рассматривая структуру и коммуникативное воплощение пожеланий, выделяет эксплицитно- и имплицитно-перформативные, модифицированные и императивные высказывания [9]. Основным видом реализации пожелания является высказывание с перформативным глаголом *желать + сущ. в Р. п. / инфинитив*. Однако зачастую мотивирующий глагол *желать* опускается и остаётся его валентное продолжение [11].

Подобная типология пожеланий представлена М. К. Гусаренко. В основе лежит сопоставление конструкций с перформативным глаголом *желать* и его эллиптических модификаций. По характеру выражения значения опативности выделяются:

- высказывания с полновыраженным показателем опативного значения (с перформативным глаголом *желать*) (*Желаем вам в новом году всегда чувствовать себя человеком нужным*);
- высказывания с редуцированным показателем опативного значения (автономный родительный падеж, валентное продолжение перформативного глагола (*Здоровья, успехов на жизненном пути и в карьере; безглагольные высказывания с частицей бы (вот бы тебе такого мужа)*);
- косвенные опативные высказывания, выраженные императивными конструкциями (*Будь мудр*) [10].

Б. Ю. Норман представил детализированный список типов высказываний, которые могут выступать в качестве пожелания:

- 1) высказывания с перформативным глаголом *желать / пожелать* в одной из его форм в зависимости от единичности / множественности адресанта и зависимым существительным в родительном падеже (*желаю / ем сил, здоровья*);
- 2) высказывания с глаголом *желать / пожелать* в одной из его форм и зависимым инфинитивом (*желаю / ем любить*);
- 3) высказывания с глаголом *желать / пожелать* в одной из форм и именным составным сказуемым (*желаю / ем быть счастливым*);
- 4) высказывания с глаголом *желать* в одной из его форм и придаточным предложением с союзом *чтобы* (*желаю / ем, чтобы мечта сбылась*);
- 5) высказывания с автономным (абсолютным) родительным падежом (*счастья и удачи*);

- 6) высказывания в форме императива (*Не ошибайтесь в выборе!*);
- 7) высказывания с описательным императивом с частицей пусть (*пусть в вашей душе сияет солнышко*);
- 8) различные не прямые формы пожелания (*очень хотелось бы, чтобы вы и ваши друзья...*) (см.: [25]).

При этом исследователь оговаривает, что нередки случаи, когда конструкция, формально представляющая пожелание, используется в речи с иной интенцией: «в частности, выражение *Желаю здравствовать*, формально относящееся к типу 2, по сути является приветствием или прощанием. Точно так же этикетная формула *Всего хорошего (доброго, наилучшего)*, относящаяся к типу 5, часто применяется в ситуации прощания. Спокойной ночи! – по форме пожелание, которое соответствует типу 5, а по сути – прощание» [25: 240]. Это так называемые «вторичные» функции пожеланий.

В кандидатской диссертации Чжан Хао [54] находим еще более детализированный перечень способов выражения пожеланий. Исследователь расширяет список, выделяя в самостоятельные группы конструкции, функционирующие преимущественно в официальном речевом общении и включающие стёртый императив:

- *разрешите (позвольте) мне пожелать (кому?) + суц. / чтобы...*;
- *примите мои (самые) лучшие (тёплые, искренние, сердечные и т. д.) пожелания*;
- *шлю (кому?) лучшие / наилучшие и т. д. пожелания* (автор отмечает, что частотность употребления данной языковой конструкции относительно низкая, она характерна для письменной речи (частного письма)) [54].

Форма пожелания испытывает влияние формы речи, в которой оно реализуется. Как отмечает Д. Ф. Коморова, письменный дискурс пожелания может содержать следующие компоненты: «открытие дискурса» (обращение), «середину дискурса» (основная иллокутивная функция: формула пожелания), «края дискурса» (неосновная / ые иллокутивная / ые функция / и: акты благодарности и комплименты), «закрытие дискурса» (номинация говорящего)» [9: 11]. Неразвёрнутостью структуры, как правило, характеризуются стереотипные или сильно клишированные пожелания.

Н. А. Ранних сравнивает функционирование пожеланий в устной и письменной речи и делает вывод, что именно в устной речи «возникают случаи неразличения иллокутивного значения пожелания и некоторых значений побуждения» из-за того, что высказывания реализуются по сходным формальным структурам [6].

Некоторые пожелания сокращаются до пожеланий-формул (*Приятного аппетита! / Спокойной ночи! / Доброго утра!*). Б. Ф. Цховребова считает, что пожелания воспроизводятся как фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения (см.: [55]). С. А. Сулейманова тоже считает, что пожелания обладают той или иной степенью устойчивости, пропущенные компоненты в таких этикетных формулах предсказуемы и поэтому легко восстанавливаются. Это объединяет их с фразеологизмами: «например, русское *здравия желаю* эквивалентно выражению *будь здоров*, и здесь невозможна какая-либо перестановка» [56]. Кроме того, исследователь отмечает, что пожелания, как и фразеологизмы, обладают экспрессией и выражают расположение адресанта к адресату, что и вызывает соответствующую эмоциональную реакцию у адресата.

Разумеется, повелительное наклонение глагола делает тексты пожеланий в жанровом отношении гибридными, потому что сближает пожелания с такими жанрами, как наставление, совет или приказ, однако прагматическая специфика, поэтика и «этикетность» жанра пожелания сохраняются, обособляя его от смежных жанров.

Таким образом, в зависимости от смыслового содержания, пожелания оформляются посредством различных коммуникативных моделей. Говоря о синтаксическом строе пожелания, нужно отметить, что насчитывается порядка девяти конструкций, отражающих языковое оформление жанра, и, думается, это не окончательные данные.

Проблема классификации пожеланий

Прежде всего отметим, что идея создания типологии жанра пожелания уже начала реализовываться. Однако в большинстве классификаций в основе лежит лишь один параметр для противопоставления или сопоставления пожеланий. Например, существуют классификации, основанные на параметре соотнесённости пожелания с тем или иным поводом. I. Sosa Mayor создал завершённый перечень событий / поводов, влекущих за собой пожелание:

- 1) событие, связанное с адресатом опосредованно – государственный праздник, православный праздник и т. д.;
- 2) событие, непосредственно связанное с адресатом – день рождения, свадьба, рождение ребёнка;
- 3) расставание;
- 4) встреча;
- 5) приём пищи;
- 6) отход ко сну;
- 7) болезнь;

- 8) некая деятельность;
9) преддверие ожидаемого, особенно важно, события (см.: [57]).

G. Hindelang по ситуативно-временному критерию делит пожелания на три категории: сезонные, обусловленные временем суток и обусловленные случаем [58].

Исследователи отмечают, что пожелания способны меняться с течением времени, так, архаизировались пожелания, связанные с сельскохозяйственной деятельностью, обычаями (например, доярке: *Море под коровой!; река молока!*). Чжан Хао в своей кандидатской диссертации, посвящённой актам «поздравления» и «пожелание», говорит об уходе ряда выражений в пассивный запас [54].

Чаще всего пожелания рассматриваются с точки зрения семантики: исследователи говорят о положительных и отрицательных (или позитивных и негативных) пожеланиях. Д. Ф. Коморова считает, что речевой акт пожелания объединяет позитивные (пожелания-поздравления, тосты, пожелания-предписания, благословения) и негативные пожелания (в том числе проклятия) [9]. Положительные и негативные пожелания как два различных подкласса пожеланий рассматривает и S. Marten-Cleef [59].

Кроме того, Д. Ф. Коморовой противопоставляются **этикетные** и **неэтикетные** пожелания. Их отличает единство двух содержащихся в них компонентов: «у этикетных пожеланий в основе лежит ритуал + оценка, а у неэтикетных – эмоции + оценка» [9: 10].

Другим критерием классификаций пожелания является критерий стереотипности / нестереотипности. Г. Г. Хасимова считает, что «пожелания бывают общие (стандартные) и частные (индивидуальные). Общие пожелания реализуются во фразах, уместных в любых ситуациях: *Желаю счастья (успехов, удачи, здоровья, всего хорошего, добро, всего наилучшего)*! В частных пожеланиях наблюдается конкретизация желаемого: *желаю сдать экзамен (хорошо отдохнуть, поскорее выздороветь)* и др. (см.: [14: 362]). Н. М. Мекеко использует другую терминологию, но суть, на наш взгляд, та же: выделяются стандартные и индивидуализированные (предназначенные конкретному адресату в определённый момент времени) пожелания [7].

Стереотипность делает пожелания универсальными, подходящими для любого адресата, что может обезопасить говорящего / пишущего от риска ошибиться или быть неуместным. Это свойство жанра привлекает внимание разных исследований и рассматривается с разных точек зрения. Н. А. Ранних говорит о двух аспектах стереотипности: содержательном и формальном [6]. Высказывания, ха-

рактеризующиеся двойной стереотипностью – смысловой и формальной – автор полноправно называет стереотипными, или собственно этикетными. Такие виды пожеланий используются при недостаточно близком знакомстве между коммуникантами, в ситуациях официального статусно-неравноправного общения. Стереотипность формы и содержания достигает своего максимума в этикетных формулах: *доброе утра, приятного аппетита, скорейшего выздоровления!* Е. В. Вдовина также разделяет **стереотипные** и **конкретизированные** пожелания, подчёркивая наличие / отсутствие творческого компонента: задачей адресанта стереотипного пожелания является создание вариации по известному образцу; в конкретизированных пожеланиях реализуется «сверхзадача» – импровизация, создание индивидуализированного оригинального пожелания с использованием риторических приёмов. Анализируя пожелания в сфере дружеских отношений, исследователь подчёркивает, что стереотипные и конкретизируемые поздравления и пожелания следует противопоставлять «как норма / максимум» (см.: [11]).

Говоря о стереотипности / индивидуализированности, важно, на наш взгляд, обратиться к термину *дезидерат*, введённому Б. Ю. Норманом. С точки зрения когнитивной лингвистики, поле дезидератов – это содержание пожелания (в когнитивистике есть аналог термина – делиберат). Поле дезидератов формируется в большей мере именем существительным (лексемы *счастье, успех* и т. д.), однако в него могут входить разнообразные единицы, например, именные конструкции с участием прилагательного, инфинитивные конструкции и др. Б. Ю. Норман даже определяет некий «подарочный комплект» – набор универсальных дезидератов (в этом числе *здоровье, счастье, удача* и др.) [25].

Чтобы проверить «универсальность» этого «подарочного комплекта», автор данной статьи обратился к ассоциативному онлайн-словарю русского языка [60]. На стимул «пожелание» было дано 150 реакций. Наиболее частотными реакциями оказались следующие: «счастья» (12), «здоровья» (7), «удачи» (4), «успехов» (3). Одиночные реакции на данный стимул не имели отношения к содержательной сути пожеланий.

Пожелание, как правило, не рассматривается изолированно от других речевых жанров / актов, ввиду этого Е. В. Вдовина предлагает типологию пожеланий на основе их взаимодействия с другими речевыми актами: 1) пожелания как самостоятельные и неосложнённые речевые акты; 2) самостоятельные пожелания, но осложнённые другими речевы-

ми актами; 3) пожелания, сопровождающие другие речевые акты [11: 21–22].

Пожелания рассматриваются и через призму полевой структуры. Так, Н. А. Ранних считает, что в центре поля находятся клишированные пожелания (ВП-клише) (*Желаю счастья!*), а на периферии – нестандартные формы пожеланий [6].

С точки зрения Д. Ф. Коморовой, полевая структура (в частности, принцип коммуникативно-прагматического поля) хорошо подходит для систематизации средств выражения акта пожелания. В русском языке ядром являются эксплицитные высказывания, а периферийная зона представлена императивными или модифицированными высказываниями. Кроме того, общее значение поля исследователь делит на микрополя этикетных и неэтикетных пожеланий, внутри которых выделяются микромикрополя: микромикрополе пожеланий-предписаний, тостов, благословений и т. п. [9]. Эта идея представляется убедительной. Думается, ядром можно считать инвариант жанра. Под инвариантом понимаем «абстрактное обозначение одной и той же сущности (например, одной и той же единицы) в отвлечении от ее конкретных модификаций – вариантов» [61: 81], то есть пожелание в его основном значении (как часть поздравления или напутствия). На периферии же располагаются варианты жанра (у Д. Ф. Коморовой это – тосты, предписания), список которых можно расширить гибридными пожеланиями, тесно переплетающимися с другими актами и жанрами: пожелания-напутствия (*Только вперед! Верь в себя!*), пожелания-призывы (*Рви там всех!*), пожелания, выполняющие функцию психологической поддержки (*Держись!; крепись!; не отчаивайся*). Таким образом, варианты жанра удаляются от своего инварианта ввиду того, что обладают способностью выражать, наряду с основным, и ряд других коммуникативных значений (совет, утешение, требование) (об этом см.: [8]).

В этой связи представляется убедительной позиция Л. В. Топка. По словам исследователя, поведенческая ситуация «пожелание» имеет ядерную зону и допускает сопряжение с сожалением, жалобой, просьбой, советом, требованием и укором в пространстве своей периферии; «отношение к ситуации как явлению с полевой структурой позволяет преодолеть несовершенство классического подхода к категоризации, а именно дискретность и чёткость границ» [62: 193].

Анализируя точки зрения разных исследователей, можно сделать вывод о неоднородности выражения пожеланий. Это позволяет ставить исследовательскую задачу по созданию единой типологии жанра.

Таким образом, налицо проблема, которая требует своего решения. Существующие классификации не покрывают всего многообразия пожеланий. На наш взгляд, возможна их типология по жанровому статусу, тональности выражения значения пожелания, используемой форме речи, внутрижанровому оформлению, эмоциональной окраске, наличию / отсутствию индивидуально-авторского компонента, по адресации, возрастным и гендерным характеристикам коммуникантов и др.

Проблема влияния экстралингвистических факторов на реализацию пожеланий

Многие исследователи, рассматривая особенности реализации пожеланий, обращают внимание на экстралингвистические факторы. Д. Ф. Коморова в числе основных социальных факторов, детерминирующих языковое оформление пожеланий, называет социальный статус, социальную дистанцию, пол и возраст интерактантов. Отношения между коммуникантами могут быть «нулевыми», нейтральными или близкими, по параметрам социального статуса и возраста – симметричные (говорящий = адресат) и асимметричные (говорящий < адресат / говорящий > адресат) [9: 13].

Т. Г. Сухотериной предложено рассмотрение адресатов по типу отношений с автором: выделяются близкий адресат и далёкий адресат. Близкий адресат (друг, подруга, родители, родственники) «характеризуется особым названием в обращении, характером пожеланий»; второй тип адресата – далёкий – «представлен официальными поздравлениями, существующая в обществе конвенция “поздравлять” обуславливает этикетное поведение автора, в поздравлении минимально проявляется или не проявляется совсем личное отношение к адресату». Исследователь также выявляет особую градацию образов адресата: образ адресата «равноправный», «официальный», «родитель», «ребёнок» [16: 142–143]. В русской коммуникации близкая и нейтральная дистанции маркируются наличием индивидуализированных, чаще всего эксплицитноперформативных и модифицированных пожеланий; нулевые отношения характеризуются отсутствием пожеланий в принципе [9: 7]. Мысль о влиянии социального статуса и обстановки общения находим в диссертации Е. В. Вдовиной: «чем выше статус и роль адресата, чем официальной обстановкой общения, тем вежливее поздравление, пожелание» [11: 15].

Представляется ценным наблюдение М. С. Гончар: при изучении пожеланий преобладает адресанто-центричный подход, то есть большее внимание уделяется адресантам,

а не адресатам высказываний [15]. На наш взгляд, это замечание вполне справедливо: необходимо учитывать, что в реализации жанра пожелания большую роль играет и личность адресата [63].

К числу не менее значимых экстралингвистических факторов, влияющих на выбор конкретной формы и семантики пожелания, можно отнести продолжительность знакомства коммуникантов и регулярность их общения, культурную компетенцию адресанта, его эмоционально-психологическое состояние, наличие симпатии / антипатии, число непосредственных участников коммуникативной ситуации, наличие / отсутствие третьих лиц и др. Немаловажное значение имеет профессиональная общность, обуславливающая появление «профессионализмов» в пожеланиях: *Семь футов под килем; Приятного полёта!; Мягкой посадки*. Такие пожелания Е. В. Вдовина именуется ситуативно-обусловленными [11: 21].

Проблема исследования пожелания в русле компаративистики

Ряд исследователей особое внимание уделяет национальной специфике пожеланий, их функционированию в речевом этикете разных народов и их культур. Так, ряд работ выполнен на материале языков народов, проживающих на территории РФ: рассмотрены пожелания в бурятском [64], калмыцком [65] и др. языках. Исследуются благопожелания и в языках ближнего зарубежья: казахском [66], украинском [67]. Отдельная группа исследований посвящена сопоставительному анализу пожеланий в русском и английском [7], немецком [9, 19, 32], азербайджанском [56], китайском [15, 68] и др. языках.

Интерес к русскому этикету проявляют и обучающиеся в российских вузах иностранные студенты: появляются статьи о сопоставлении функционирования речевого жанра пожелания в разных культурах, например, в русской и китайской коммуникации [54, 69]. Один из разделов кандидатской диссертации Чжан Хао «Речевые акты «Поздравление» и «Пожелание» в русской речи» посвящён сопоставлению поздравлений и пожеланий в русской и китайской лингвокультурах [54]. Работы по компаративистике доказывают, что на специфику пожеланий влияет не только коммуникативный, но и духовный опыт народа, менталитет, религия, культурный фон, повседневно-бытовой образ жизни.

Русский этикет делает упор на устное, личное поздравление. Для англичан очень важным является наличие именно письменного поздравления, благодарности, пожелания и т. д. [70: 19–20].

По наблюдениям Н. М. Мекеко, собственно на содержание пожеланий в Великобритании и России влияют разные факторы. В русской культуре большую роль играют возрастная, профессиональная и общественно-политический факторы [7]. В текстах русских пожеланий отражаются общественно-политическая ситуация (пример Н. М. Мекеко: *Пусть в вашей жизни будет меньше политизации и поляризации, инфляции и девальвации...*), профессиональная деятельность адресата (*остаться служить в Москве*), обязанности и цели, обусловленные возрастом, образованием (*поступить в институт!*). Содержательную сторону британских пожеланий определяют в основном возрастная и исторический факторы. Для британцев фундаментальной ценностью является их национально-культурная идентичность, историческая память, что находит отражение в рождественских и новогодних пожеланиях жителей одной из административно-политических частей Великобритании (именно Англии), в которых употребляется, например, рождественский гимн середины XIX века.

Н. М. Мекеко исследовались пожелания в тостах. Первостепенными в Великобритании считаются официальные тосты – в честь монарха, в них прославляются национальные традиции и достижения. В русской культуре, по мнению исследователя, в принципе отсутствует такая разновидность тоста и благопожелания. Однако так называемые «политические праздники» (День Победы, День России, 1 Мая), как отмечают исследователи, играют важную роль в русском повседневном общении, могут мотивировать произнесение поздравления / пожелания в неформальной приватной коммуникации, тогда как в Германии поздравления с политическими праздниками реализуются исключительно на официальном дипломатическом уровне [19: 125–126].

Выявлены межкультурные различия в восприятии праздников. Если в России День Святого Валентина празднуется в основном молодёжью, то в Великобритании поздравления и пожелания в этот день получают люди всех поколений (см.: [7]). Любопытно и другое межкультурное несовпадение, обнаруживающееся в том, что идентичные поводы / ситуации могут требовать произнесения различных речевых формул: например, по случаю религиозных праздников (Рождество, Пасха) или наступления Нового года в России произносится именно поздравление (нередко вместе с пожеланием), а в Германии происходит обмен наилучшими пожеланиями (без поздравления) [19]. Аналогичную дифференциацию можно наблюдать и в польской культуре: ни день рождения, ни религиозные

праздники не являются поводом для произнесения поздравления, они мотивируют лишь «передачу добрых пожеланий» [19: 125–126].

Анализируя тексты пожеланий-благословений и пожеланий-проклятий в обрядовом фольклоре Великобритании. Н. М. Мекеко делает вывод о том, что именно они послужили основой для пожеланий с позитивной и негативной коннотацией в современной повседневной коммуникации. Остатки таких ритуальных формул пожеланий частично сохраняются в таких жанрах фольклора, как кэрлс (в Великобритании) и колядки (в России), хотя со временем они утрачивают свою популярность.

Неодинаково отношение в разных языках к категории официальности / неофициальности, формальности / неформальности. В русской культуре предпочтительным является неформальное общение, поэтому преобладают нестандартные развёрнутые выражения личного характера, а, например, в немецкой культуре превалируют стандартизированные нейтральные клише (см.: [9], [12]). Вообще пожелания-клише (речевые штампы типа *Have a nice day!* / *Хорошего дня!*) представляют интерес с точки зрения оценки их актуальности и популярности в разные исторические периоды. Заимствованные из американской коммуникативной культуры [71: 332], поначалу они враждебно воспринимались в Великобритании, но уже к концу XX века получили большое распространение в сфере торговли и обслуживания в Германии, а теперь всё большую значимость обретают и в русской культуре [19: 76–77]. На данный момент в Германии частым является сочетание формул прощания и пожелания, что наблюдается и в России, однако в русской культуре намечается и тенденция замещения формулы прощания пожеланием (*Всего доброго! Хорошего дня!*) [19: 249].

При сопоставлении специфики пожеланий в разных языках внимание исследователей традиционно сосредоточивается и на проблеме языковых форм, в частности на имплицитности / эксплицитности выражения пожеланий [32]. Л. М. Шатилова отмечает, что имплицитность является одним из сходств русских и немецких пожеланий [32], однако пропорциональное соотношение эксплицитных и имплицитных пожеланий неодинаково в каждом языке. По словам Д. Ф. Коморовой, прототипическими средствами для выражения пожеланий в немецком языке являются имплицитно-перформативные высказывания, а для русских пожеланий типичны, наоборот, эксплицитно-перформативные конструкции. Имплицитно-перформативные высказывания в русской речевой культуре характерны, например, для

благословений или негативных пожеланий [9: 7]. Л. М. Шатилова конкретизирует ситуации реализации имплицитных пожеланий в русском языке: имплицитные пожелания «добрые напутствия» проявляются в тематической группе «поддержка» (напр., *будем держаться бок о бок*) и «утешение» (*Будь что будет!*); «пожелания удачи» имплицитно реализуются в формуле *ни пуха ни пера*. Интерес представляют так называемые «непожелания зла» (*не бойся; не огорчайся*), пожелания отказа от беспокойства и тоски (*не беспокойтесь; не кисни*), часть таких пожелания относится к тематической подгруппе «характер человека» (*не робей, не распускайся, не будь ребёнком*) [32: 34–37].

О. С. Шлапаков обнаруживает в ряде языков формально-семантические эквиваленты моделей оформления пожеланий. Так, в славянских и романских языках (французском) есть аналоги необычной императивной формы выражения пожеланий в русском языке – повелительное наклонение глагола в сочетании с частицей *пусть / пускай*. В украинском, например, это пожелания с частицами *хай, нехай* (см.: [72]).

Функционирование пожеланий в высококонтекстных культурах, среди которых китайская, японская и др., имеет особую специфику. М. С. Гончар отмечает, что в китайском языке (по словам носителей языка) «пожелание представляется лишним, если отношения близкие. Например, коллеге желать можно, а друзьям не стоит, потому что и так понятно, что друзья желают друг другу добра» [15: 48], в связи с чем близкие люди (друзья и родственники) обычно не адресуют пожелания друг другу. Восточная культура подразумевает «минимальное вмешательство в личное пространство собеседника» [15: 11]. Данная особенность китайского речевого этикета не находит аналога в русской культуре.

В китайском дискурсе большую роль играет символизм. В качестве пожеланий зачастую используются идиомы, фразеологизмы, пословицы, наблюдаются образы птицы Феникс, журавля, тигра, нефрита, дракона, единорога, лотоса и т. д. (например, «*Взлетать высоко, как дракон, и продвигаться к успеху прыжками тигра!*», «*Желаем прожить вместе тысячу журавлиных лет!*») [69]. Пожелания в день учителя содержат иероглифы, обозначающие плоды (букв. «*персики и сливы имеются повсюду*»), где образы плодов символизируют благодарных учеников [54]. С нашей точки зрения, такой зооморфизм и популярность фразеологических единиц не свойственны текстам русских пожеланий.

В интернет-коммуникации китайцев частотными являются выражения «*Попутного вет-*

ра вам в спину!», «Счастливого пути!», потому что в китайской культуре символы «путь», «дорога», «ветер» имеют положительные коннотации и содержат в себе важный семантический компонент – «хорошее начинание чего-то нового» [69]. Ценностными доминантами при пожеланиях в китайском языке являются: долголетие, благополучие, удача, счастье [15: 64].

Наблюдения М. С. Гончар показали и то, что в китайской культуре распространено употребление напутствий-пожеланий делового характера (например, «Скорейшего повышения по службе!», «Пусть ваши усилия не пройдут даром!», «Желаю процветания в делах!»). Это, конечно, возможно и в русской культуре, но не является закономерностью. В корейском речевом этикете частотны пожелания материальных благ («Желаю вам стать богатым») [15: 55].

Таким образом, в пожеланиях проявляется неповторимость менталитета, обычая, образа жизни и культуры каждого народа.

Заключение

В заключение следует отметить, что материалом многих исследований послужили пожелания, извлеченные из писем писателей, произведений драматургии XX века и современной художественной литературы [8]; из религиозных текстов [10], из радио- и телепередач [6; 11]; на этом материале жанр пожелания изучен достаточно полно. Реальные аутентичные записи разговорной речи названы как второстепенный материал, исходя из чего можно сделать вывод о том, что пожелания в неофициальной коммуникации исследованы фрагментарно. Пожелания в интернет-коммуникации и смс-сообщениях были частично исследованы в диссертациях

Д. Ф. Коморовой [9] и Е. В. Вдовиной [11], однако интернет-коммуникация значительно изменилась: появились новые мессенджеры, феномен голосовых сообщений, в интернет-среде наблюдается отход от традиций и стереотипов как в форме выражения пожеланий, так и в их наполнении. Т. Ю. Виноградова подчёркивает, что в настоящее время человечество всё чаще сталкивается с новой языковой личностью – личностью, живущей интернет-общением [73: 63], и жанр пожелания способен проиллюстрировать трансформацию сознания личности.

Актуальным становится вопрос творчества в жанре пожелания. Современная молодёжь считает пожелания, взятые со специальных сайтов с поздравительными текстами в стихах и прозе, «высокопарными», «приторными», «пафосными», «банальными». Молодые люди предпочитают оригинальные индивидуально-авторские пожелания с языковой игрой, речевой и графической раскрепощённостью.

Кроме того, на наш взгляд, недостаточно исследован жанр пожелания с точки зрения адресатоцентричной теории. А ведь пожелание зависит от ряда экстралингвистических факторов, в том числе и от фактора адресата, его социально-психологических, статусных и возрастных характеристик.

Ранее не был исследован и аксиологический аспект реализации пожеланий, хотя этот жанр наилучшим образом транслирует ценности людей, как персональные, так и групповые, массовые.

Итак, представленный обзор работ по исследованию речевого жанра пожелания в русском языке показал, что сделано уже много, однако решения ждут дискуссионные проблемы и проблемы изучения пожеланий в разных типах и видах общения, в разных сферах и средах, в разных культурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
3. Аристотель. Риторика // Античные риторика. М. : Университетская библиотека, 1978. С. 15–166.
4. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М. Л. Гаспарова. М. : Наука, 1972. 472 с.
5. Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Полн. собр. соч. : в 11 т. М. ; Л. : Труды по филологии, 1952. С. 19–79.
6. Ранних Н. А. Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 20 с.

7. Мекеко Н. М. Сопоставительный анализ функционирования единиц речевого этикета тематической группы «пожелание» в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 32 с.

8. Уткина М. В. Семантика и функционирование единиц речевого этикета тематической группы «Пожелание» (на материале русской драматургии) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 234 с.

9. Коморова Д. Ф. Прагматическое исследование пожелания в немецком и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 23 с.

10. Гусаренко М. К. Дискурсивные разновидности, перлокутивная прагматика и пропозициональные характеристики речевого акта пожелания в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 196 с.

11. Вдовина Е. В. Поздравление и пожелание в речевом этикете : концептуальный и коммуникативный

анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.

12. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб. : Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.

13. Завершинская И. К. Речевой жанр пожелания и рекламное объявление // Лингвокультурология. 2008. Вып. 2. С. 107–114.

14. Хасимова Г. Г. Этикетные речевые жанры в аспекте межкультурной коммуникации (на материале русского и башкирского языков) // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 2. С. 360–363.

15. Гончар М. С. Пожелание и комплимент как национально ориентированные речевые тактики в речи русских и представителей Восточной Азии на русском языке : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 170 с.

16. Сухотерина Т. П. «Поздравление» как гипержанр естественной письменной русской речи : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 252 с.

17. Зорина Л. Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. Вологда : ВГПУ, 2012. 216 с.

18. Власова Е. В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. 20 века) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 215 с.

19. Гладров В., Которова Е. Г. Модели речевого поведения в немецкой и русской коммуникативной культуре. М. : Издательский Дом ЯСК, 2021. 472 с. (Studia Philologica)

20. Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 352 с.

21. Касумова Г. К. Трансформация ценностной системы в современном мире // Studia Culturae. 2013. № 15. С. 170–171.

22. Заморский В. В. Философский анализ ценностей системы российской молодежи : дис. канд. ... филос. наук. М., 2014. 207 с.

23. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М. : Русские словари, 1999. 396 с.

24. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 408 с.

25. Норман Б. Ю. Речевой акт пожелания под психолингвистическим углом зрения // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. Вып. 13. С. 235–248.

26. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М. : Наука, 1993. С. 158–521.

27. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986–1987.

28. Шанский Н. М. Этимологический словарь. М. : Просвещение, 1971. 542 с.

29. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 8-е изд. М. : Русские словари, 2008. 665 с.

30. Толковый онлайн-словарь русского языка Д. Н. Ушакова // Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/> (дата обращения: 20.12.2021).

31. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : «А ТЕМП», 2004. 944 с.

32. Шатилова Л. М. Актуализация лингвокультурологических категорий эксплицитности и имплицитности как концептуальных доминант в немецкой и русской языковой картине мира : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 415 с.

33. БУСРЯ 2016 – Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М. : Словари XXI века ; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с.

34. Корди Е. Е. Оптативность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 170–185.

35. Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012. 882 с.

36. Формановская Н. И. К уточнению понятия «экспрессивные речевые акты» // Русский язык за рубежом. 1998. № 4. С. 40–45.

37. Демешкина Т. А. Жанровое своеобразие высказываний-пожеланий // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации. Томск : Том. пед. ин-т, 1995. С. 45–59.

38. Казакова О. А. Ритуальные жанры как отражение национальных стратегий речевого поведения языковой личности // Вестник науки Сибири. 2011. № 1 (1). С. 611–616.

39. Трофимова Н. А. Актуализация компонентов смысла высказывания в экспрессивных речевых актах (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009. 47 с.

40. Чесноков И. И. Дискурсивная тактика злопожелания: косвенные формы объективации // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве : материалы междунар. науч. конф. : в 2 ч. Ч. 2. Псков : Псковский гос. ун-т, 2012. С. 192–197.

41. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

42. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.

43. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис, 1992. 272 с.

44. Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург : АРГО, 1996. С. 73–94.

45. Бородина И. В. Жанр пожелания на день рождения как эпидейктическая речь // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 42–47.

46. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–99.

47. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 55–64.

48. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

49. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. 107 с.

50. Гольдин В. Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 4–6.

51. Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 46–50.

52. Бирюлин Л. А. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992. 41 с.

53. Акишина А. А., Формановская Н. И. Речевой этикет (в таблицах и упражнениях). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. 87 с.

54. Чжан Хао. Речевые акты «Поздравление» и «Пожелание» в русской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 20 с.

55. Цховребова Б. Ф. Структурно-функциональные характеристики речевых формул пожелания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2002. 18 с.

56. Сулейманова С. А. О некоторых структурных особенностях пожеланий добра и зла (на материале русского и азербайджанского языка) // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 13. С. 156–160.

57. Sosa Mayor I. Routineformeln im Spanischen und im Deutschen. Einpragmalinguistische kontrastive Analyse. Wien : Präsenzverlag, 2006. 455 S.

58. Hindelang G. Skizze einer Sprechhandlungstaxonomie // Münstersches Logbuch zur Linguistik. 1978. H. 2. S. 50–67.

59. Marten-Cleef S. Gefühle ausdrücken. Die expressiven Redeakte. Göppingen : Kümmerle Verlag, 1991. 371 S.

60. Русский ассоциативный словарь. URL: <http://tesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 20.12.2021).

61. Солнцев В. М. Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 80–81.

62. Топка Л. В. Ситуация «Пожелание»: классический и прототипический подходы к исследованию // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. № 4. С. 191–199.

63. Сидорова (Малашенкова) Е. Н. Образ адресата в речевом жанре пожелания // Наука и общество : проблемы современных гуманитарных исследований. Саратов : ИЦ «Наука», 2020. С. 154–159.

64. Бабуев С. Д. Языковое своеобразие бурятских благопожеланий : дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1994. 172 с.

65. Михайлова Н. Д. Художественные особенности калмыцких народных благопожеланий // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 156–159.

66. Мейрманова Г. А. Культура общения у казахов: трансформация традиционного этикета : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 28 с.

67. Марченко Г. В. Обрядові побажання: структура і семантика тексту : дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2002. 268 с.

68. Тихонова А. В., Чибисова О. В. Благопожелания в России и Китае: лингвистическая точка зрения // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2017. № 4. С. 211–218.

69. Чжао Чжицян. Речевой жанр «пожелание» в русской и китайской интернет-коммуникации // МНКО. 2021. № 4 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

rechevoy-zhanr-pozhelanie-v-russkoy-i-kitayskoy-internet-kommunikatsii (дата обращения: 28.12.2021).

70. Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. 125 с.

71. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2009. 512 с.

72. Шлапаков О. С. Лингвостилистические особенности речевого акта «пожелание» в английском, французском, украинском и русском языках // Монографический вестник. 2015. № 20. С. 172–176.

73. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в Интернете // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. Казань : Тип. центра Казан. гос. ун-та, 2004. С. 63–67.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenii : v 7 t.* [Collected works : in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, vol. 5, pp. 159–206 (in Russian).

2. Demytyev V. V. *Teoriia rechevykh zhanrov* [Theory of Speech Genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

3. Aristotel'. Ritorika. In: *Antichnye ritoriki* [Ancient Rhetoric]. Moscow, Universitetskaia biblioteka Publ., 1978, pp. 15–166 (in Russian).

4. Tsitseron Mark Tullii. *Tri traktata ob oratorskom iskusstve. Pod red. M. L. Gasparova* [Gasparov M. L., ed. Three Treaties on Oratory]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 472 p. (in Russian).

5. Lomonosov M. V. A short guide to rhetoric for the benefit of sweet talkers. *Polnoe sobranie sochinenii : v 11 t.* [Compl. collect. works : in 11 vols.] Moscow, Leningrad, Trudy po filologii Publ., 1952, pp. 19–79 (in Russian).

6. Rannikh N. A. *Speech act of wish and ways of its expression in Russian language*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1994. 20 p. (in Russian).

7. Mekeko N. M. *Comparative analysis for the functioning of speech etiquette units of the thematic group "Wish" in English and Russian*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2001. 32 p. (in Russian).

8. Utkina M. V. *Semantics and functioning of units of the speech etiquette-thematic group "Wish" (based on Russian dramaturgy)*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2002. 234 p. (in Russian).

9. Komorova D. F. *Pragmalinguistic features of a wish in the German and Russian languages*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2005. 23 p. (in Russian).

10. Gusarenko M. K. *Discursive varieties, perlocutionary pragmatics and propositional characteristics of the wishing speech act in modern Russian language*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Stavropol', 2005. 196 p. (in Russian).

11. Vdovina E. V. *Congratulation and wish in speech etiquette : Conceptual and communicative analysis*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2007. 24 p. (in Russian).

12. Trofimova N. A. *Ekspressivnye rechevye akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskii, pragmaticheskii, grammaticheskii analiz* [Expressive speech acts in dialogical discourse. Semantic, pragmatic, grammar analysis]. Saint Petersburg, Izd-vo VVM Publ., 2008. 376 p. (in Russian).

13. Zavershinskaia I. K. Speech genre of wish and advertisement. *Cultural Linguistics*, 2008, iss. 2, pp. 107–114 (in Russian).
14. Khasimova G. G. Etiquette speech genres in the aspect of intercultural communication (based on the Russian and Bashkir languages). *Bulletin Bashkir University*, 2016, vol. 21, no. 2, pp. 360–363 (in Russian).
15. Gonchar M. S. *Wish and compliment as nationally oriented speech tactics in the speech of Russians and representatives of east asia in the Russian language*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2018. 170 p. (in Russian).
16. Sukhoterina T. P. “Congratulation” as a hypergenre of natural written Russian speech. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Barnaul, 2007. 252 p. (in Russian).
17. Zorina L. Iu. *Vologodskie dialektnye blagopozhelaniia v kontekste traditsionnoi narodnoi kul'tury* [Vologda Dialect Good Wishes in the Context of Traditional Folk Culture]. Vologda, VGPU Publ., 2012. 216 p. (in Russian).
18. Vlasova E. V. *Speech aggression in the print Media (based on German and Russian language newspapers of the 1930s and 1990s)*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2005. 215 p. (in Russian).
19. Gladrov V., Kotorova E. G. *Modeli rechevogo povedeniia v nemetskoj i russkoj komunikativnoj kul'ture* [Models of speech behavior in German and Russian communicative culture]. Moscow, IASK Publ., 2021. 472 p. (Studia Philologica) (in Russian).
20. Kostina A. V. *Massovaia kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva* [Mass culture as a phenomenon of post-industrial society]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2013. 352 p. (in Russian).
21. Kasumova G. K. Transformation of value system in the modern world. *Studia Culturae*, 2013, no. 15, pp. 170–171 (in Russian).
22. Zamorskii V. V. *Philosophical Analysis of values system of the Russian youth*. Diss. Cand. Sci. (Philos.). Moscow, 2014. 207 p. (in Russian).
23. Kitaigorodskaja M. V., Rozanova N. N. *Rech' moskvichei: Kommunikativno-kul'turologicheskii aspekt* [Speech of Moscow Residents: Communicative and Cultural Aspect]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1999. 396 p. (in Russian).
24. Borisova I. N. *Russkii razgovornyi dialog: struktura i dinamika* [Russian colloquial dialogue: Structure and dynamics]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2001. 408 p. (in Russian).
25. Norman B. Iu. Speech act of wishing from the psycholinguistic viewpoint, iss. 13. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti* [Speech act of wishing from a psycholinguistic point of view]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 2015 pp. 235–248 (in Russian).
26. Glovinskaia M. Ia. Semantics of verbs of speech from the point of view of the theory of speech acts. In : *Russkii iazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmatischekii aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 158–521 (in Russian).
27. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka : v 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian Languages : in 4 vols.] Moscow, Progress Publ., 1986–1987 (in Russian).
28. Shanskii N. M. *Etimologicheskii slovar'* [Etymological dictionary]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 542 p. (in Russian).
29. Abramov N. *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenii. 8-ye izd.* [Dictionary of Russian synonyms and expressions similar in meaning. 8th ed.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2008. 665 p. (in Russian).
30. Tolkovyi onlain-slovar' russkogo iazyka D. N. Ushakova. In: *Leksikograficheskii internet-portal : onlain-slovari russkogo iazyka*. Available at: <https://lexicography.online/> (accessed 20 December 2021) (in Russian).
31. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka : 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language : 80 000 words and phraseological expressions]. Moscow, “A TEMP” Publ., 2004. 944 p. (in Russian).
32. Shatilova L. M. *Actualization of linguistic and cultural categories of explicitness and implicitness as conceptual dominants in the German and Russian language picture of the world*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2011. 415 p. (in Russian).
33. BUSRYA 2016 – Morkovkin V. V., Bogachyova G. F., Luckaya N. M. *Bol'shojuniversal'nyjslovar' russkogoyazyka* [Morkovkin V. V., ed. Big Universal Dictionary of the Russian Language]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2016. 1456 p. (in Russian).
34. Kordi E. E. Optativity. In: *Theory of functional grammar. Temporality. Modality*. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1990, pp. 170–185 (in Russian).
35. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii) : slovar'-spravochnik. Pod red. A. P. Skovorodnikova* [Skovorodnikov A. P., ed. Effective verbal communication (basic competencies) : dictionary reference book]. Krasnoiar'sk, Siberian Federal University Publ., 2012. 882 p. (in Russian).
36. Formanovskaia N. I. To clarification of the concept of “expressive speech acts”. *Russian Language Abroad*, 1998, no. 4, pp. 40–45 (in Russian).
37. Demeshkina T. A. Genre distinctness of wishing statements. In: *Kommunikativnye aspekty slova v tekstakh raznoi zhanrov-stilevoi orientatsii* [Communicative aspects of the word in texts of different genre-style orientations]. Tomsk, Tomsk Pedagogical University Publ., 1995, pp. 45–59 (in Russian).
38. Kazakova O. A. Ritual genres as a reflection of national strategies of speech behavior of a linguistic personality. *Siberia Journal of Science*, 2011, no. 1 (1), pp. 611–616 (in Russian).
39. Trofimova N. A. *Actualization of the components of statement meaning in expressive speech acts (based on the material of modern German language)*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2009. 47 p. (in Russian).
40. Chesnokov I. I. Discursive tactics of unkind wish: indirect forms of objectification. In: *Russian Language and Literature in a Multicultural Communicative Space : materials of the intern. sci. conf. : in 2 parts. P. 2*. Pskov, Pskov State University Publ., 2012, pp. 192–197 (in Russian).
41. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communication strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, LKI Publ., 2008. 288 p. (in Russian).
42. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 423 p. (in Russian).
43. Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, Gnosis Publ., 1992. 272 p. (in Russian).

44. Fedosiuk M. Yu. Complex genres of colloquial speech: “consolation”, “conviction” and “persuasion”. In: *Russkaya razgovornaya rech' kak yavlenie gorodskoi kul'tury* [Russian Colloquial Speech as a Phenomenon of Urban Culture]. Ekaterinburg, ARGO Publ., 1996, pp. 73–94 (in Russian).
45. Borodina I. V. Genre birthday wishes as an epideictic speech. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2014, vol. 14, iss. 4, pp. 42–47 (in Russian).
46. Shmeleva T. V. Speech genre model. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh” Publ., 1997, iss. 1, pp. 88–99 (in Russian).
47. Kozhina M. N. Speech act and speech genre (some aspects of the problem). *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh” Publ., 1999, iss. 2, pp. 55–64 (in Russian).
48. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of the Theory of Discourse]. Moscow, Gnosis Publ., 2003. 280 p. (in Russian).
49. Dement'ev V. V., Sedov K. F. *Sotsiopragmaticheskii aspekt teorii rechevykh zhanrov* [Sociopragmatic aspect of the “Speech genres” theory]. Saratov, Izd-vo Sarat. ped. in-ta, 1998. 107 p. (in Russian).
50. Gol'din V. E. Problems of genre studies. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh” Publ., 1999, iss. 2, pp. 4–7 (in Russian).
51. Fedorova L. L. Topics in the study of language. *Voprosy iazykoznaviia*, 1991, no. 6, pp. 46–50 (in Russian).
52. Birulin L. A. *Theoretical aspects of the semantic-pragmatic description of imperative sentences in the Russian language*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 1992. 41 p. (in Russian).
53. Akishina A. A., Formanovskaia N. I. *Rechevoi etiket (v tablitsakh i uprazhneniiakh)* [Speech Etiquette (in Tables and Exercises)]. Moscow, Moscow State University Publ., 1973. 87 p. (in Russian).
54. Chzhan Khao. *Speech acts “Congratulations” and “Wishes” in Russian speech*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2022. 20 p.
55. Tskhovrebova B. F. *Structural and functional characteristics of speech formulas wishes*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Vladikavkaz, 2002. 18 p. (in Russian).
56. Suleimanova S. A. About some structural features of the wishes of good and evil (based on the material of the Russian and Azerbaijani languages). *Conference Proceedings NITs Sotsiosfera*, 2011, no. 13, pp. 156–160 (in Russian).
57. Sosa Mayor I. *Routineformeln im Spanischen und im Deutschen. Einpragmalinguistische kontrastive analyse*. Wien, Präsenverlag, 2006. 455 S.
58. Hindelang G. *Skizze einer Sprechhandlungstaxonomie. Münstersches Logbuch zur Linguistik*, 1978, H. 2, S. 50–67.
59. Marten-Cleef S. *Gefühle ausdrücken. Die expressiven Redakte*. Göppingen, Kümmerle Verlag, 1991. 371 S.
60. *Russkii assotsiativnyi slovar* (Russian associative dictionary). Available at: <http://thesaurus.ru/dict/> (accessed 20 December 2021) (in Russian).
61. Solntsev V. M. Variation. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Russian Encyclopedia]. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 2002, pp. 80–81 (in Russian).
62. Topka L. V. The “Wish” situation: Classical and prototypical approaches to research. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2013, no. 4, pp. 191–199 (in Russian).
63. Sidorova (Malashenkova) E. N. The image of the addressee in the speech genre wishes. In: *Nauka i obshchestvo: problemy sovremennykh humanitarnykh issledovaniy* [Science and Society: Problems of Modern Humanitarian Research]. Saratov, Its “Nauka”, 2020, pp. 154–159 (in Russian).
64. Babuev S. D. *Linguistic peculiarity of Buryat benevolence*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Ulan-Ude, 1994. 172 p. (in Russian).
65. Mikhailova N. D. Artistic features of Kalmyk folk benevolence. *Oriental Studies (Vestnik KIGI RAN)*, 2011, no. 2, pp. 156–159 (in Russian).
66. Meirmanova G. A. *The culture of communication among the Kazakhs: The transformation of traditional etiquette*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Hist.). Moscow, 2008. 28 p. (in Russian).
67. Marchenko G. V. *The Rites of the pob: The Structure and semantics of the text*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kiev, 2002. 268 p. (in Ukrainian).
68. Tikhonova A. V., Chibisova O. V. Benevolence in Russia and China: A linguistic point of view. *Vestnik of the Kemerovo State University*, 2017, no. 4, pp. 211–218 (in Russian).
69. Chzhao Chzhitsian. The “wish” speech genre in russian and chinese internet communication. *MNKO*, 2021, no. 4 (89). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-zhanr-pozhelanie-v-russkoy-i-kitayskoy-internet-kommunikatsii> (accessed 28 December 2021) (in Russian).
70. Sternin I. A. *Russkii rechevoi etiket* [Russian speech etiquette]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 1996. 125 p. (in Russian).
71. Larina T. V. *Kategoriia vevhlivosti i stil' kommunikatsii. Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Category of politeness and communicative style. Comparison of Russian and English language and culture traditions]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2009. 512 p. (in Russian).
72. Shlapakov O. S. Linguostylistic features of the speech act “wish” in English, French, Ukrainian and Russian. *Movoznavchii visnik = Linguistic Herald*, 2015, no. 20, pp. 172–176 (in Russian).
73. Vinogradova T. Iu. The specifics of communication on the Internet. In: *Russian and Comparative Philology: Linguoculturological aspect*. Kazan', Tip. Tsentra Kazan. gos. un-ta, 2004, pp. 63–67 (in Russian).

Поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 05.03.2022; принята к публикации 27.03.2022
The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 05.03.2022; accepted for publication 27.03.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 92–95

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 92–95

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-92-95>, EDN: HJUGGC

Рецензия

УДК 811.161.1'27'42(049.32)+929[Бахтин+Балашова+Дементьев]

Энциклопедическое освещение речевых жанров (Рец. на кн.: Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры : монография. М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с. (Studia Philologica))

В. И. Карасик

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Аннотация. Рецензируемая монография представляет собой анализ современного состояния и перспектив развития теории речевых жанров. Эта теория, разработанная М. М. Бахтиным, является одним из наиболее активно развивающихся направлений коммуникативной лингвистики в России. Авторы книги, известные специалисты в этой области гуманитарного знания, понимают речевой жанр как базовую единицу организации речи и приводят убедительные аргументы в пользу интегративного потенциала речевого жанра, сочетающего в себе характеристики коммуникативного и когнитивно-культурного описания языка. В книге рассматриваются аксиологические и интертекстуальные измерения речевых жанров, анализируются параметры их креативности и возможности их изучения для построения теории языковой личности. Проанализирован широкий спектр русских речевых жанров, сделан акцент на освещении жанровых особенностей интернет-коммуникации и новых жанров бытового и публичного общения, которые еще не были предметом специального изучения в лингвистике.

Ключевые слова: теория речевых жанров, М. М. Бахтин, дискурс, коммуникация, язык и культура

Для цитирования: Карасик В. И. Энциклопедическое освещение речевых жанров (Рец. на кн.: Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры : монография. М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с. (Studia Philologica)) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 92–95. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-92-95>, EDN: HJUGGC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

An encyclopedic elucidation of speech genres (Review of the book: Balashova L. V., Dementyev V. V. *Ruskiye rechevyye zhanry* [Russian Speech Genres]. Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (Studia Philologica))

V. I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute, 6 Academician Volgin St., Moscow 117485, Russia

Vladimir I. Karasik, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Abstract. The monograph under review is an analysis of the modern state and perspectives of the Theory of Speech Genres development. This theory as offered and worked out by Michael M. Bakhtin belongs to a leading trend of the communication studies in Russia. The authors of the book are well known specialists in this field of the Humanities. They understand a speech genre as a basic unit of speech organization and give convincing arguments in favor of its integrative potential which organically unites the features of communicative, cognitive and cultural description of language. The book deals with axiological and intertextual dimensions of speech genres as well as with their creative and personological properties. A wide specter of Russian speech genres has been thoroughly analyzed with an accent on modern genres emerged in the Internet communication and in various spheres of public and private behavior which have not been described in linguistics.

Keywords: Speech Genres Theory, Michael M. Bakhtin, discourse, communication, language and culture

For citation: Karasik V. I. An encyclopedic elucidation of speech genres (Review of the book: Balashova L. V., Demytyev V. V. *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian Speech Genres]. Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (Studia Philologica)). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 92–95 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-92-95>, EDN: HJUGGC

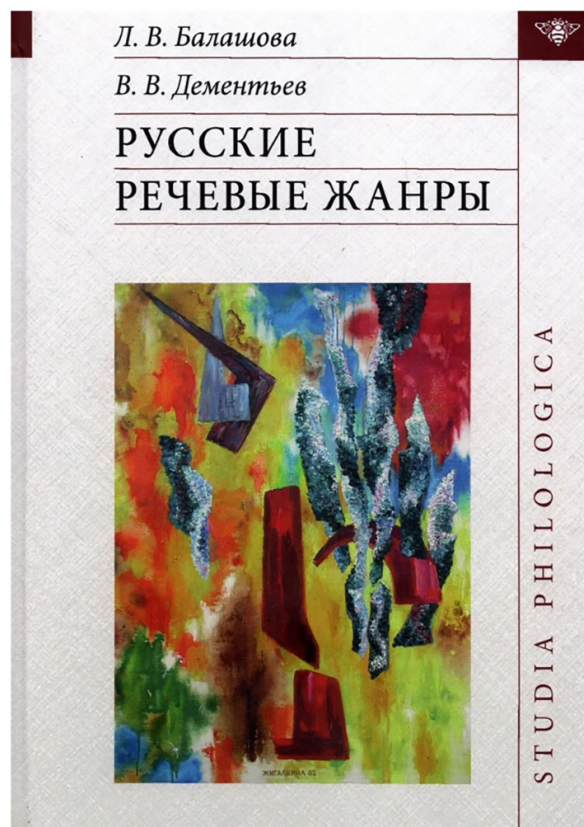
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Теория речевых жанров, выдвинутая и разработанная М. М. Бахтиным, – активно развивающееся направление отечественной коммуникативной лингвистики, объединяющее исследователей дискурса, прагматики речи и лингвокультурной специфики общения. Хотя вклад в развитие этой теории внесли представители различных лингвистических школ, приоритет в изучении русских речевых жанров принадлежит ученым, работающим в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского [1–4]. Именно здесь с 1997 по 2012 г. были опубликованы 8 выпусков сборников научных трудов «Жанры речи», а затем с 2014 г. под этим названием успешно выходит в свет международный научный журнал, получивший признание в нашей стране и за рубежом.

авторитетными специалистами в этой области знания.

Книга состоит из пяти глав. В первой главе обсуждаются ключевые проблемы современной лингвистики, органически связанные с анализом речевых жанров – лингвокультурные, когнитивные, аксиологические, интертекстуальные и персонологические характеристики языкового сознания и коммуникативного поведения. Авторы понимают речевой жанр как «ментальную модель речевой коммуникации» (с. 11) и отмечают, что несмотря на очевидные достижения в изучении таких моделей, их объяснение отличается от строго структурного описания, принятого в структурной лингвистике. Нужно подчеркнуть, что антропологический подход к изучению языка сориентирован не столько на инвентаризацию и освещение системных характеристик языковых единиц (это уже пройденный этап), сколько на интерпретацию сложных взаимосвязей между языком, культурой, личностью и коммуникативной ситуацией. В центре внимания авторов, как сказано во введении, находятся коммуникативные концепты, языковая картина мира и речевая картина современности. Отмечу, что понятие «речевая картина современности» еще не разработано в языкознании и представляет собой перспективный конструкт для описания лингвистически релевантной реальности.

Суммируя основные достижения теории речевых жанров, авторы отмечают, что эта теория дала лингвистике базовую единицу членения и организации речи – жанр, новую интерпретационную категорию, интегрирующую в себе достижения коммуникативной лингвистики и лингвокультурологии, и новую методику анализа языковых единиц, в частности методику анализа ключевых фраз (с. 16). Теория речевых жанров принципиально выходит за рамки рассмотрения языка как автономной изолированной системы (противопоставление лингвистики и экстралингвистики становится несущественным) и активно осваивает достижения лингвокультурологии, лингвоконцептологии, лингвоперсонологии и литературоведения. Это соответствует общей тенденции интеграции современного гуманитарного знания, но не размывает предметную сферу жанроведения. Закономерно в поле зрения исследователей, изучающих речевые жанры, оказываются большие тексты, хотя

Рецензируемая монография представляет собой солидный научный труд, в котором подводятся итоги и освещаются перспективы развития теории речевых жанров. Ее авторы – Л. В. Балашова и В. В. Деметьев – являются

к этикетным речевым жанрам это относится в меньшей мере. Заслуживают внимания предложенные в книге типы эксплицитных и имплицитных высказываний, рассматриваемых в жанровом аспекте и образующих условное градуальное пространство от типизированных до нетипизированных коммуникативных образований (с. 23). Авторы показывают значимость речевых жанров для понимания различных подходов к изучению дискурса и справедливо постулируют, что теория речевых жанров может рассматриваться как основа языковой системности.

В книге уделено должное внимание речевым моделям для описания русской культуры (концепции А. Вежицкой, Т. В. Шмелевой, К. Ф. Седова, Ю. Е. Прохорова и И. А. Стернина, Н. Б. Лебедевой [5–8] и др.). Весьма важным является определение коммуникативных концептов как ментальных образований, имеющих «четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание» (с. 52). Авторы предлагают важный вектор исследований концептов в жанровом аспекте: поддерживаемые и не поддерживаемые определенной лингвокультурой жанры. Дополним: это относится не только к этнолингвокультурным смысловым образованиям, но и к социально-групповым коммуникативным концептам, объединяющим носителей языка по возрасту, гендеру, месту жительства, профессии и т. д. Такой социолингвистический параметр описания речевых жанров органически вытекает из общей теории, которая развивается в рецензируемой книге. Очень важен тезис авторов о том, что «жанры речи в своей основе оценочны» (с. 60). Это положение получило подробное освещение в книге В. В. Дементьева [3]. В монографии подробно освещена оппозиция имперсональности и персональности, образующая стержневую культурологическую схему для описания различных типов языкового сознания и моделей коммуникативного поведения.

Методологически важной следует признать классификацию речевых жанров на основании доминирующей формы оценки: жанры, для которых основным оценочным признаком является их тема (праздноречевые), их стиль (художественные, политические, рекламные и др.), их композиция (жанры научного дискурса) (с. 84–85). Особое внимание в книге уделено характеристике творческого потенциала, присущего речевому жанру. Это развитие известной идеи М. М. Бахтина о противопоставлении первичных и вторичных речевых жанров (это положение стало аксиоматичным) и о степени их жесткости / свободы (этот тезис, как представляется, требует осмысления в лингвистической литературе). К числу важ-

нейших существенных характеристик речевых жанров относится система их интертекстуальных связей. В монографии показано сходство и различие между вторичными речевыми жанрами и вторичными текстами. Личностный параметр изучения речевых жанров представляет собой еще один аспект их рассмотрения. Выделяются горизонтальная и вертикальная модели в лингвоперсонологии: в первом случае рассматривается набор используемых личностью жанров, во втором – уровень речевой и общей культуры того или иного индивида (и, соответственно, типа личности). Таким образом, в первой главе монографии рельефно показаны основные векторы развития теории речевых жанров.

Во второй главе обсуждаются фатические и информативные речевые жанры, их номинации, их идиоматическое и паремиологическое выражение, их специфика в разных типах дискурса. В книге приводится классическая модель фатических речевых жанров, обоснованная в работах В. В. Дементьева [1, 2] и включающая праздноречевые жанры и жанры, прямо либо косвенно ухудшающие и улучшающие отношения между участниками общения (с. 146–147). Заслуживает внимания вывод автора о том, что «в русской типологии фатических речевых жанров “центр” (праздноречевые жанры) представляет собой значительно меньшую ценность, чем, например, в англо-американской» (с. 149). Автор называет это положение дел фатической центробежностью русской коммуникативной культуры. Вероятно, важность таких жанров прямо коррелирует со степенью самостоятельности, присущей той или иной культуре. Интересны приведенные в книге номинации речевых жанров разных типов. Отмечено, что резко отрицательную оценку получают неинформативность сообщений и их неуместность. Детально описаны наименования воздействующих речевых жанров, самой распространенной лексической группы в рамках проанализированного семантического поля. Специалисты обратят внимание на множество разностилевых обозначений речевых жанров. Отдельно описана коммуникативная компетенция носителя молодежного жаргона, рассматриваемая с точки зрения обсуждаемой теории.

Третья глава книги посвящена коммуникативно-прагматическим проблемам теории речевых жанров. Рассматривается влияние глобализации на развитие речевых жанров, включая разные типы их заимствований. Основные коммуникативные сферы, открытые для заимствований, – это СМИ, Интернет, производственные и социально-деловые отношения, политическая коммуникация, бизнес и бытовая сфера (с. 307). Интересен раздел,

посвященный экологии русских речевых жанров. Показана особая значимость интернет-коммуникации для системы развивающихся русских жанров речи. Особенно значимы в этом плане аномалии общения, объяснение которых с позиций теории речевых жанров имеет большую эвристическую ценность.

В четвертой главе монографии приводится описание отдельных жанров русской речевой культуры. Охарактеризованы разговор по душам, светская беседа, гламурное коммуникативное поведение и жанры Рунета. Дано интересное новое понимание гипертекста как возможности получения информации без коммуникации (с. 364). Детально обсуждаются Луркоморье и Википедия как интернет-ресурсы, играющие важную роль в создании и тиражировании информации, актуальной для носителей языка. В книге описаны новые жанры речи – интернет-рейтинги и онлайн-тесты, показана жанровая специфика интернет-анекдотов, новых произведений художественной литературы, телевизионных сериалов, политического и волонтерского дискурса, послания потомкам в виде «капсулы времени». Подчеркну энциклопедический охват разнообраз-

разного коммуникативного материала, проанализированного в рецензируемой монографии.

Заключительная глава книги посвящена прикладным вопросам речевых исследований (работе с языковым корпусом, поиском и классификацией ключевых фраз). Приводится анализ публикаций в сборнике и затем журнале «Жанры речи».

Подводя итоги, авторы отмечают, что «жанроведение уже разветвилось на целый комплекс с трудом согласующихся друг с другом разнообразных дисциплин, концепций, школ, представители которых часто претендуют не только на свой особый материал (что естественно, например, для жанроведческих исследований художественной литературы, рекламы, политической коммуникации, интернет-коммуникации, научной речи и т. п.), но и на свою собственную теорию и терминологию» (с. 740). Систематизация этих концепций, выделение нерешенных проблем и определение перспектив развития теории речевых жанров – важные задачи, с решением которых авторам рецензируемой книги в полной мере удалось справиться.

Книга «Русские речевые жанры» несомненно заслуживает прочтения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 37–55.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
3. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 336 с.
4. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с. (Studia Philologica).
5. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.
6. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
7. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М. : Флинта, 2007. 193 с.
8. Лебедева Н. Б. Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 116–123.

REFERENCES

1. Demyntsev V. V. Phatic Speech Genres. *Voprosy yazykoznanija* [Topics of Linguistics], 1999, no. 1, pp. 37–55 (in Russian).

2. Demyntsev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The Theory of Speech Genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

3. Demyntsev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoy kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture: The Category of Personality in Lexis and Pragmatics]. Moscow, Global Com Publ., 2013. 336 p. (in Russian).

4. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and Anthropocentric Linguistics]. Moscow, LRC Publishing House, 2016. 440 p. (Studia Philologica) (in Russian).

5. Wierzbicka A. Speech genres. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech genres : coll. sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Koledzh" Publ., 1997, iss. 1, pp. 99–111 (in Russian).

6. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech genres : coll. sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Koledzh" Publ., 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

7. Prohorov Yu. E., Sternin I. A. *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: Communicative Behavior]. Moscow, Flinta Publ., 2007. 193 p. (in Russian).

8. Lebedeva N. B. Genres of natural writing. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of Speech Genres: Everyday Communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 116–123 (in Russian).

Поступила в редакцию 17.07.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 31.08.2022
The article was submitted 17.07.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 31.08.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 96–102

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 96–102

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-96-102>, EDN: ENTANY

Рецензия

УДК 81'161.1'27'37(049.32)+929Шмелева

Друг, учитель, жанровед (Рец. на кн.: Приращение смысла: сборник научных статей к юбилею Татьяны Викторовны Шмелёвой / кол. авторов; науч. ред. А. Н. Сперанская. Москва: РУСАЙНС, 2021. 320 с.)

С. В. Волынкина

Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, Россия, 660022, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 1

Волынкина Светлана Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры латинского и иностранных языков, volinkina-zapad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0595-1636>

Аннотация. Рецензия является откликом на выход в свет сборника научных статей, посвящённого юбилею Татьяны Викторовны Шмелёвой. Статьи, вошедшие в сборник «Приращение смысла», связаны между собой личностью одного из ведущих русистов современности, её научными интересами и изысканиями, среди которых синтаксис, словесность, речевые жанры, ономастика, медиалингвистика, история науки и ключевые слова текущего момента.

В рецензии представлены описание и анализ включенных в сборник научных статей, сообщений и докладов. Дана характеристика структуры и содержания издания, обозначены наиболее заметные тенденции в изучении языка как в целом по разделам сборника, так и по отдельным научным исследованиям.

В качестве одного из достоинств сборника выделены представленные в издании авторские тексты юбиляра: программный доклад на VI Международном конгрессе исследователей русского языка, открывающий сборник «Приращение смысла», а также интервью Татьяны Викторовны, раскрывающее личность Учёного, Учителя и Человека.

Особого внимания заслуживает уникальная тематическая и композиционная организация сборника: наличие наряду с авторскими текстами Т. В. Шмелёвой статей, написанных коллегами, учениками, друзьями и близкими, привносит редкую для научных исследований диалогичность, создаёт атмосферу неспешной беседы, наполненной обсуждением научных вопросов и одновременно воспоминаниями о совместно проведённых днях/месяцах/годах, вдохновивших каждого из участников «диалога» на активную научную и творческую деятельность. Указанная диалогичность в рецензии отмечается как в виде имеющихся практически в каждой статье сборника многочисленных оценок-впечатлений о Татьяне Викторовне и работе с нею (в рецензии приводятся цитаты авторов), так и – в концентрированном воплощении – в заключительном разделе «Материалы и сообщения».

Сборник «Приращение смысла» является не только значимым научным материалом для специалистов по русскому языкознанию и современной лингвистике, но и бесценным источником информации о Человеке Татьяне Викторовне Шмелёвой.

Ключевые слова: Татьяна Викторовна Шмелёва, юбилей, научная деятельность, филология, лингвистика, речевой жанр, речеведение, семантический синтаксис, медиалингвистика

Для цитирования: Волынкина С. В. Друг, учитель, жанровед (Рец. на кн.: Приращение смысла: сборник научных статей к юбилею Татьяны Викторовны Шмелёвой / кол. авторов; науч. ред. А. Н. Сперанская. Москва: РУСАЙНС, 2021. 320 с.) // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 96–102. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-96-102>, EDN: ENTANY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

Friend, Teacher, Genre researcher (Review of the book: *Prirashcheniye smysla: sbornik nauchnykh statey k yubileyu Tatiiny Viktorovny Shmelyovoy* [Speranskaya A. N., ed. Increment of Meaning: A collection of research articles for the anniversary of Tatiana V. Shmelyova]. Moscow, RU-SCIENCE, 2021. 320 p.)

S. V. Volynkina

Prof. V. F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University of Ministry of Healthcare of the Russian Federation, 1 Partizan Zheleznyak St., Krasnoyarsk 660022, Russia

Svetlana V. Volynkina, volinkina-zapad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0595-1636>

Abstract. This review was written in response to the publication of a collection of research articles dedicated to Tatiana V. Shmelyova's anniversary. Therefore, all articles included in the collection "Increment of Meaning" are related to one of the leading Russian studies researchers of our time, her scientific interests and studies, among which are syntax, philology, speech genres, onomastics, media linguistics, history of science, and key words of the present moment.

This review describes and analyses the research articles and reports included in the collection, describes the structure and contents of the publication, identifies the most distinct tendencies in the study of language.

Some of the Tatiana V. Shmelyova's original texts are mentioned as a favourable feature of the collection – the keynote speech at the VI International Russian Language Researchers Congress which opens the collection "Increment of Meaning", as well as an interview with Tatiana V. Shmelyova which shows her personality as a Scientist, Teacher and Person.

The unique thematic and compositional structure of the collection is especially noteworthy—the fact that along with Tatiana V. Shmelyova's original texts there are also articles written by her colleagues, students and friends gives it a dialogic quality rarely seen in research papers, creates an impression of an unhurried conversation full of discussions about science and, at the same time, full of memories of days/months/years spent together that have inspired each of the participants of the "dialogue" to actively pursue their research and creative work. This dialogic quality is found in the form of other people's numerous opinions and impressions of Tatiana V. Shmelyova and their experience of working with her which are present in almost every article in the collection (this review contains their quotations) as well as in a more concentrated form in the final section "Materials and Accounts".

The collection "Increment of Meaning" is not only an important research resource for specialists in the Russian language and modern linguistics, but also an invaluable source of information about Tatiana V. Shmelyova as a Person.

Keywords: Tatiana V. Shmelyova, anniversary, academic career, philology, linguistics, speech genre, speech studies, semantic syntax, media linguistics

For citation: Volynkina S. V. Friend, Teacher, Genre researcher (Review of the book: *Prirashcheniye smysla: sbornik nauchnykh statey k yubileyu Tatiiny Viktorovny Shmelyovoy* [Speranskaya A. N., ed. Increment of Meaning: A collection of research articles for the anniversary of Tatiana V. Shmelyova]. Moscow, RU-SCIENCE, 2021. 320 p.). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 96–102 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-96-102>, EDN: ENTANY

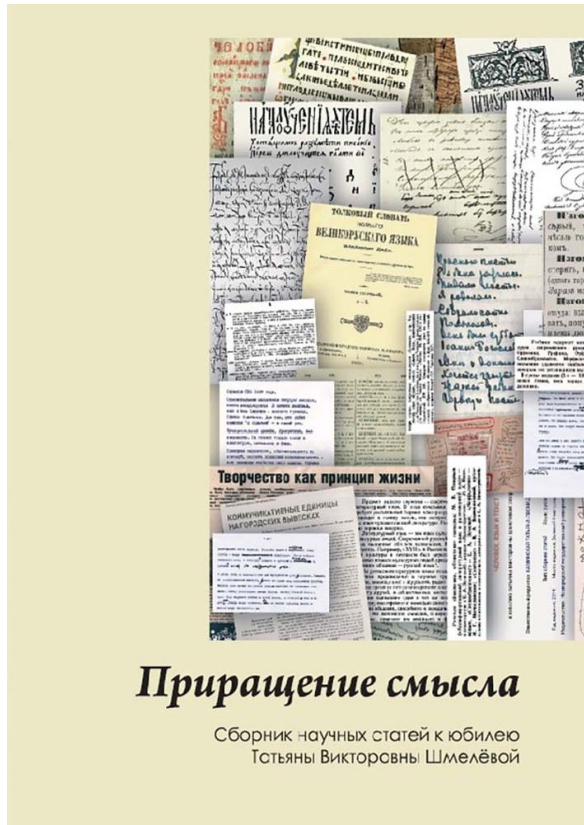
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Имя Татьяны Викторовны Шмелёвой широко известно в научной среде: ее работы по семантическому синтаксису и ключевым словам текущего момента, речеведению и речевым жанрам, ономастике и медиалингвистике – концентрат идей и стимул научных изысканий для многих русистов. Ученики и последователи Татьяны Викторовны трудятся сегодня во многих вузах России и за ее пределами, развивая научные идеи своего Учителя. Талантливый учёный, востребованный педагог, сторонница новейших подходов в языкознании Татьяна Викторовна выступает

и как активный популяризатор науки о языке, сотрудничая не только с ведущими университетами страны, но и с общеобразовательными учебными заведениями, инициируя интерес к языку тех, кто находится в возрасте самоопределения и самопознания.

С учетом того, что научные интересы юбиляра широки и разнообразны, для многих Татьяна Викторовна Шмелёва все же была и остаётся прежде всего жанроведом. Как отмечает в монографии «Теория речевых жанров» В. В. Дементьев, Т. В. Шмелёва – исследователь, входящий в список жанро-

ведов нового поколения, которые, опираясь на концепцию М. М. Бахтина, интенсивно «развивают её и определяют современный облик жанроведения» [1: 40].

В целом лингвисты едины в оценке значимости представленной в статье «Модель речевого жанра» [2] методики описания и лингвистического анализа речевых жанров: свидетельство этого – многочисленные исследования отдельных жанров речи, опирающихся на разработанный Т. В. Шмелёвой пофакторный анализ высказываний. «Можно считать, что Татьяна Викторовна заново открыла этот сюжет, обобщив сведения из разных областей филологии (литературоведение, прагматика, лексикология, грамматика, речевой этикет) и предложив «анкету РЖ». Без ссылок на эту работу не обходится сегодня ни одно жанроведческое исследование», – пишет составитель юбилейного сборника «Приращение смысла» А. Н. Сперанская [3: 618].

Актуальность созданной Татьяной Викторовной «анкеты» связана с одной из очевидных проблем в теории жанров – проблемой выделения классификационных критериев жанров речи. «Анкета» представляет собой своеобразную модель, отображающую основные признаки речевого жанра и базирующуюся на идеях М. М. Бахтина [4]. Одновременно она сопоставима и с теорией

речевых актов Дж. Л. Остина [5], манифестируя особую трактовку типологии интенций, основание которых лежит в целеполагающей семантике глаголов и имён речи [6].

Главный редактор журнала «Жанры речи» В. В. Дементьев (г. Саратов), рассматривая историю становления и развития теории речевых жанров, отмечает активность и научный успех авторов первого, одноименного с журналом, выпуска саратовского сборника, среди которых Т. В. Шмелёва, М. Ю. Федосюк, К. Ф. Седов, А. Г. Баранов, Т. В. Матвеева, Н. В. Орлова и др. Именно они «определили своим творчеством облик российской теории речевых жанров 1990–2000-х гг.» [1: 61]. По мнению В. В. Дементьева, модель описания и систематизации речевых жанров, предложенная Т. В. Шмелёвой, относится к тем редким случаям, когда красивая дедуктивная модель демонстрирует успешную реализацию на практике. Подтверждением сказанного являются «авторитетность данной разновидности компонентного анализа в жанроведческих исследованиях, её высокий индекс цитируемости» [1: 107].

Сборник, приуроченный к юбилею Татьяны Викторовны Шмелёвой, составлен таким образом, что представленные в нем наблюдения вписываются в русло как теории жанров речи, так и других исследовательских интересов юбиляра, переключаясь с её научными идеями и открытиями.

Структура сборника «Приращение смысла» организована в несколько блоков:

- доклады научных конференций;
- научные статьи, оформленные в четыре тематических раздела («Синтаксис и письмо», «Слова ключевые, модные и иные», «Словесность и речевые жанры», «Ономастика»);
- материалы и сообщения, основу которых составили впечатления и воспоминания родственников, друзей, коллег и учеников о незабываемом времени, проведенном с Татьяной Викторовной.

Основную часть сборника, представленную научными статьями, предваряют **два доклада**, манифестирующие главный содержательный интерес авторов издания – семантика и функционирование языковых единиц в разных типах дискурса.

В докладе самого юбиляра освещены актуальные проблемы современной российской лингвистики в сопряжении их с новейшими тенденциями развития русского языка: 1) тенденцией к исчерпывающему изучению русского языка и описанию всех фактов, характеризующих его функционирование; 2) тенденцией к дифференциации русистики относительно сфер общения (речи, коммуникации); 3) тех-

нологизацией лингвистических исследований, поддержанной освоением современных компьютерных технологий. При этом Татьяна Викторовна подчёркивает, что наряду с положительными тенденциями в лингвистике имеется и ряд серьёзных задач, требующих решения: 1) задача семантического изучения и описания русского языка; 2) задача изучения текста и введения знаний о нём в лингводидактику; 3) задача формирования речеведения. Понятно, что данный текст – плод размышлений высокого профессионала, глубоко осмысляющего происходящие в действительности процессы, способного увидеть ее картину в динамике, одновременно выделяя в ней главное и предлагая неординарные интерпретации происходящего. Сказанное позволяет рассматривать доклад как своего рода программу, предложенную вниманию научного сообщества, цель которой – мотивировать коллег к совершению конкретных организационных и содержательных шагов, так необходимых для развития современной русистики.

В докладе Л. П. Крысина «Повседневная городская речь и разговорная речь: сходства и различия» акцентируется внимание на характеристиках устной русской речи конца XX – начала XXI века. Исчислены и обоснованы различия между общепринятым понятием «разговорная речь» и новым для лингвистики определением «повседневной городской речи». Объясняется, что необходимость введения нового термина связана с социальными, возрастными и территориальными различиями в лексике устной городской речи, не укладывающимися в традиционные термины «разговорная речь» и «устно-разговорная разновидность литературного языка». В докладе, кроме того, дано краткое описание находящегося в стадии завершения «Толкового словаря русской разговорной речи», в частности, описаны содержащиеся в нём виды информации о слове и типовая структура словарной статьи. Работа по составлению словаря близка к завершению. И хотя, по замечанию Л. П. Крысина, она неоднократно вызывала скептические замечания и, более того, открытую критику «текучести» самого объекта – повседневной городской речи – сегодня подобные реакции уходят в прошлое, сменяясь высокой оценкой проделанного труда и глубоким уважением к авторскому коллективу проекта.

Блок научных статей открывает **раздел «Синтаксис и письмо»**. Статьи, входящие в данный раздел, организует общая методологическая установка, предлагающая рассматривать высказывание и текст в рамках семантического подхода, с учетом глобальных категорий диктума и модуса.

Так, в статье «Аналитические модусные предикаты изъяснительной конструкции» Т. И. Стекловой представлен анализ семантической нагрузки модусных предикатов (*быть в курсе, иметь в виду*) и описываются особенности их функционирования в различных типах дискурса.

Работа «Динамика членимости текста: к проблеме вариативности восприятия полипропозитивных высказываний» В. А. Мишланова и В. А. Салимовского – это попытка согласовать теорию синтаксической деривации и психологические представления о составе и динамике коммуникативной деятельности. В проведённом исследовании, на наш взгляд, сформулирована проблема взаимосвязи речемыслительного действия и деривационного шага.

Т. В. Михайлова исследует различные типы высказываний с оппозитивными смыслами в древнерусских текстах с точки зрения их реализации в разных ситуациях и контекстах; анализируется их взаимодействие с императивными высказываниями, способствующее появлению необходимых для автора древнерусского текста оценочных модусов.

Опыт изучения языкового аспекта реализации поздравления представила Т. В. Тарасенко, выделив в его структуре собственно поздравление, его причину и участников – автора и адресата, – а также пространственную координату. Данные элементы, по мнению автора, составляют специфику семантической ситуации поздравления, задавая набор используемых пропозиций, актантов и сирконстантов.

Статья Н. В. Орловой реализует один из наиболее ярко проявленных интересов Т. В. Шмелёвой – изучение медиалингвистики как одного из новых направлений в науке о языке. В статье описываются особенности передачи «чужих голосов» и голоса автора в новостном жанре. Многоголосие, ставшее объектом изучения в статье, по мнению автора, связано как с полифонией городов, так и с модусом авторизации, подробно описанным Т. В. Шмелёвой в курсе семантического синтаксиса.

Интересы автора статьи «Создание буквы ё: кто, когда, зачем» Д. Д. Беляева и чествуемого юбиляра пересекаются в области изучения алфавита и графики в целом. Исследователь подробно описывает обстоятельства появления в русской графике диграфов и буквы ё, анализирует содержательный аспект данного знака, а также его стилистические свойства.

Другой аспект того же исследовательского поля представлен в статье И. Е. Кима «Графическая синтагма и её свойства», который рассуждает о новом подходе к изучению синтагмы. В работе рассматривается поня-

тие графической синтагмы, объясняется её отличие от синтагмы как суперсегментной единицы в фонетике. Интерес представляют выявленные автором тенденции, действующие в графической синтагме и характеризующие два её важных качества: 1) центрированность и 2) автономность.

Второй раздел «Слова ключевые, модные и иные» посвящён КСТМ – *ключевым словам текущего момента* – научному объекту, ставшему популярным в современной лингвистике с лёгкой руки Татьяны Викторовны Шмелёвой. Необходимость изучения ключевых слов, отражающих языковую моду, связь времени, «текущего момента» и лексического знака, стала ещё более насущной в связи с охватившей мир пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19. «Эпоха коронавируса» кардинально изменила не только повседневную жизнь людей, но и естественным образом отразилась на словаре носителей русского языка, который стал значительно более «медицинским», включающим соответствующую узкопрофессиональную терминологию, ранее не известную человеку «не из медицины», а теперь используемую им уверенно и повсеместно. Обозначенный интерес к словам-рефлексивам, идентификаторам состояния общества, проявился в статье З. Л. Новожиловой «Время через призму слова: модные и ключевые слова текущего момента», а также в изучении авторами Сборника таких ключевых слов, как «вакцина» (Н. А. Купина), «ковид»/«covid» (И. В. Башкова), «креативный» (В. В. Дементьев). В частности, анализируя лексему «креативный», В. В. Дементьев описывает произошедшие на протяжении нескольких последних десятилетий изменения в области семантики (появление новых коннотаций) и функционирования данного слова, совершившего переход от исключительно положительного полюса оценки «креативность как творчество» к крайне отрицательному, проявленному значениями 'псевдоэлитарность', 'бездарность', 'депрессивность' и под.

Изучению слов грубо-вульгарного характера, с выраженными свойствами негативной оценочности и стилистической сниженности посвящена статья Т. М. Григорьевой ««Нелекксиконные слова» в русском языке и речи», где автором детально описываются особенности функционирования нецензурных слов в разные периоды истории русского языка.

Наконец, в аспекте реализации эстетической функции авторами Е. В. Осетровой и Ли Сине исследуется слово «глаза» в текстах русской и китайской поэзии XX века (М. Цветаевой, Ай Цина, Чжу Цзыцина). В результате проведённого исследования авторы статьи «Глаза в двух поэтических картинах

мира» делают вывод о сложной семантике понятия «глаза», которая представлена многоуровневыми ассоциациями, лишь частично совпадающими в национальных культурах России и Китая. В качестве ведущего выразительного средства для описания глаз используется метафора, которая демонстрирует оппозицию двух языковых культур: сопоставление глаз с водной стихией в китайской поэзии противопоставлено сравнению глаз с огнём, вулканом и солнцем в русском поэтическом тексте М. Цветаевой.

Третий раздел «Словесность и речевые жанры» объединяет работы авторов, исследующих речевые произведения разных типов с учётом разработанной Т. В. Шмелёвой модели речевого жанра, а также с пониманием важности рассмотрения текста в новых коммуникативных сферах и средах. В раздел вошли статьи авторов, представляющие новые речевые жанры – панчи рэп-исполнителей и ответы священника на вопросы зрителей в прямом эфире, – а также понятие медиареальности в медийном речеведении («Рэп-новгородика в текстах В. Карпушкина» В. К. Андреева; «Авторское начало в жанре ответа на вопрос (на материале ответа священника на вопрос в прямом эфире)» И. В. Шалиной; «Коммуникативная неудача журналиста как объект изучения медийного речеведения» Ю. В. Щуриной).

В раздел включены и статьи, в которых речевые высказывания общепринятых жанровых типов и традиционного функционирования исследуются с новых лингвистических позиций. В работе Н. Б. Кошкарёвой и Е. Н. Шарангович орфографическое правило рассматривается как вторичный информативно-императивный речевой жанр и конструируется его жанровая модель, в которой уточняются основные жанрообразующие признаки (Кошкарёва Н. Б., Шарангович Е. Н. «Орфографическое правило как речевой жанр»). Исследователи А. П. Романенко и З. С. Санджи-Гаряева посредством семантического инструментария описывают портрет советского служащего в прозе И. Ильфа и Е. Петрова (анализируются такие значимые параметры, как наименование персонажа, внешность, атрибуты, речь, обстоятельства госслужбы и т. д.) («Семиотический портрет советского служащего у И. Ильфа и Е. Петрова» А. П. Романенко, З. С. Санджи-Гаряевой). При этом особое внимание уделяется *чистке* как ключевому элементу контекста сферы госслужбы и как культурному явлению описываемого периода.

Статья И. М. Широниной посвящена истории экземпляра книги советского педагога-методиста Марии Александровны Рыбниковой («Экземпляр книги М. А. Рыбниковой

с дарственной надписью: из истории советской филологии 1920-х годов» И. М. Широина). Автором предпринята попытка восстановления некоторых фактов биографии и личности адресата, а также воссоздаётся историко-культурный фон зарождения и развития советской гуманитарной науки в первые годы после Октябрьской революции.

Заключительным в блоке научных статей стал раздел «Ономастика», отражающий один из наиболее устойчивых научных интересов Татьяны Викторовны Шмелёвой. В названном разделе М. Ю. Федосюк и И. И. Бакланова рассуждают о наименованиях улиц в системе внутригородской топонимии, выделяют и описывают два основных типа: названия-прилагательные и названия-генитивы, объясняя актуальность последних наличием у них пропагандистской и мемориальной функций (««Улицу Карломарксовскую никто не предложил» (сложные прилагательные во внутригородской топонимии)» М. Ю. Федосюка и И. И. Баклановой). Т. Г. Никитина и Е. И. Рогалева развивают исследовательские новации Т. В. Шмелёвой в сфере годонимии и годонимической лексикографии, представляя новые словарные проекты Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского государственного университета («Годонимическая лексикография: новое, псковское, совместное» Т. Г. Никитиной и Е. И. Рогалевой).

Наблюдения над наименованиями «русских» магазинов в Израиле изложены в статье «Вкус родины: о названиях “русских” продуктовых магазинов в Израиле» Т. В. Кадаш. В качестве главных атрибутов анализируемых наименований автор называет консерватизм, сближающий их с советскими эмпоронимами, и отсылки к реалиям «стран исхода».

Наконец, уникальный исследовательский опыт в области ономастики представлен в работе А. Н. Сперанской «Виртуальный город: ономастические предпочтения китайских студентов», где описаны результаты занятий по языку города с китайскими студентами, изучающими русский язык. К названным результатам относятся, в частности, создание картотеки урбанонимов, придуманных китайскими студентами для виртуального города; выявленная в ходе анализа собранных урбанонимов тенденция именования улиц по смежности с городским объектом, по сторонам света, по ремеслу и по внешнему признаку.

Обобщая впечатления от представленных в сборнике исследований и находясь в рамках целеполагания жанра рецензии, выскажем некоторые критические замечания и возможные рекомендации, отнюдь не умаляющие значимости вышедшего издания.

Целостное осмысление изученных материалов привело к мысли, что научные исследования ведущих учёных в данном случае могли бы быть дополнены работами авторов из «молодой когорты». Думается, что привлечение в сборник молодёжи – сегодняшних студентов и аспирантов Татьяны Викторовны – не только содержательно разнообразило бы сборник «Приращение смысла», но стало бы и ответом на запрос самого юбиляра, обозначившего актуальные проблемы в языке и лингвистике в статье «Современная русистика: ведущие тенденции и нерешённые задачи», открывающей праздничное издание. Из 35-ти опубликованных в сборнике статей лишь две – 1) «Глаза в двух поэтических картинах мира» Е. В. Осетровой и Л. Сине, 2) «Виртуальный город: ономастические предпочтения китайских студентов» А. Н. Сперанской – вводят в научный оборот студенческие исследования, базирующиеся на идеях Татьяны Викторовны.

Вторым – в общем формальным – замечанием может быть недостаточное последовательная организация структуры сборника. Так, например, статья Т. В. Тарасенко «Поздравление: языковой аспект» тематически соответствует изучению жанров и, на наш взгляд, должна быть включена в третий раздел «Словесность и речевые жанры». Имеющаяся же в указанном разделе статья И. М. Широина «Экземпляр книги М. А. Рыбниковой с дарственной надписью: из истории советской филологии 1920-х годов» имеет биографическое и историко-культурное содержание, не обнаруживая связей с речеванровой проблематикой указанного раздела.

«Человек интереснее своей статьи...»

Образ Татьяны Викторовны как человека интересного и многим интересующегося, глубокого и многогранного, вдохновлённого и вдохновляющего красной нитью проходит через все статьи, доклады и сообщения, собранные в сборнике «Приращение смысла».

Как пишет в предисловии к сборнику его научный редактор и ученица Татьяны Викторовны Шмелёвой Алевтина Николаевна Сперанская, во многом данная книга сделана для того, чтобы показать **человека**, который, по меткому замечанию самой Татьяны Викторовны, «интереснее своей статьи».

Для сегодняшних студентов, начинающих и опытных учёных, всех интересующихся актуальными проблемами русского языка, но не имевших возможности учиться у Татьяны Викторовны Шмелёвой, собранные в сборнике материалы будут не только значимым научным материалом, но прежде всего бесценным источником информации о научном и жизненном опыте взаимодействия с выдающимся

Учителем. Приведём лишь некоторые цитаты из статей сборника, позволяющие познакомиться с Татьяной Викторовной:

- «Многогранность научных интересов Т. В. Шмелёвой позволяет в юбилейном сборнике откликнуться на самые разные проблемы, которые неизменно интересно решает Татьяна Викторовна», – Н. В. Орлова (с. 80);
- «Автор данной работы находится под обаянием Татьяны Викторовны Шмелёвой и её идей с самого начала обучения в Красноярском университете. <...> Татьяна Викторовна каузировала интерес к оценке, императивам, а шире – к модальности, особенностям глагольной семантики в эмоционально насыщенных текстах», – Т. В. Михайлова (с. 49);
- «Давнее знакомство не только с работами, но и лично с Т. В. Шмелёвой позволяет мне утверждать, что Татьяна Викторовна очень интересный, самобытный и разносторонний лингвист. Наши научные интересы пересеклись в области теории речевых жанров и синтаксиса, причём моё увлечение семантическим аспектом синтаксиса – это заслуга в первую очередь Татьяны Викторовны», – Т. И. Стеклова (с. 25);
- «Будучи изначально и прежде всего синтаксистом, Татьяна Викторовна проявила себя не просто как чрезвычайно разносторонний языковед, а как яркий представитель современного гуманитарного знания, как учёный-“текстоцентрист”, который через текст (исследуя текст и то, что за текстом) стремится проникнуть в глубины ментального мира человека», – В. А. Мишланов, В. А. Салимовский (с. 35);
- «На рубеже веков, в период интенсивных изменений, происходивших в русском языке, Татьяна Викторовна Шмелёва ввела в научный оборот понятие «ключевое слово текущего момента». Она выделила дифференциальные признаки этого понятия, предложила непротиворечивую процедуру анализа ключевых слов», – Н. А. Купина (с. 109);
- «Языковая семантика – один из профессиональных интересов Т. В. Шмелёвой,

который в разном объёме и применительно к разным объектам реализуется во множестве её работ, носящих не только собственно научный, но и методический характер. Этим интересом Татьяна Викторовна заразила своих учеников, которые теперь передают его студентам и коллегам», – Е. В. Осетрова, Ли Сине (с. 161);

- «...Предложенное Т. В. Шмелёвой понятие «модели», «схемы», «портрета», «анкеты», «канона», «типового проекта» речевого жанра по своей значимости можно сопоставить с формированием аллоэмиической терминологической системы языкознания XX века», – Н. Б. Кошкарёва, Е. Н. Шарангович (с. 221) и мн. др.

Как видно, интересы Татьяны Викторовны Шмелёвой чрезвычайно разнообразны; бесспорно её умение увлечь и мотивировать учеников на вдохновенный научный труд, увлечённое и творческое отношение к каждому из исследуемых аспектов языка (а их немало в научной биографии Татьяны Викторовны). Отдельно отмечается способность выдающегося учёного видеть за деталями – общее, за текстом – человека.

Данная идея находит своё концентрированное воплощение в заключительном разделе сборника «Материалы и сообщения». Эта часть книги, в противовес основной, является менее академичной, скорее, мемуарной. В ней читатель знакомится с другой Татьяной Викторовной – мамой, свекровью, соседкой, другом, наставником. В сообщениях близких и друзей Татьяна Викторовна предстаёт человеком, увлечённым жизнью, открытым всему новому, лишённым научного снобизма в отношении любых изменений в жизни общества, в языке и речи. Все без исключения сходятся в одном: чем бы ни занималась Татьяна Викторовна, где бы ни жила, чем бы ни была увлечена, – всегда и во всём это максимальное погружение в выбранное дело, проживание текущего жизненного сюжета с полной отдачей сил и чувств. Возможно, именно такое отношение к жизни и работе является той заразительной силой, тем обаянием, о котором пишут авторы Сборника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
2. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–99.
3. Сперанская А. Н. «Можно только научиться». К юбилею Татьяны Викторовны Шмелёвой // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8, № 3. С. 614–620.

4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237–289.

5. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике : Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22–140.

6. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Вып. 2. Берлин, 1990. С. 20–32.

REFERENCES

1. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of Speech Genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).
2. Shmeleva T. V. Speech genre model. *Zhanry rechi : sb. nauch. st., vyp. 1* [Speech Genres : coll. of sci. arts, iss. 1]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh" Publ., 1997, pp. 88–99 (in Russian).
3. Speranskaya A. N. "One can only learn". For the anniversary of Tatiana Viktorovna Shmelyova. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2021, vol. 3, no. 8, pp. 614–620 (in Russian).
4. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. In: *Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 237–289 (in Russian).
5. Ostin Dzh. L. A Word as an action. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike : Teoriya rechevykh aktov. Vyp. 17* [New in foreign linguistics : The theory of speech acts. Iss. 17]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 22–140 (in Russian).
6. Shmeleva T. V. Speech genre. Possibilities of describing and using it in language education. *Russistik*. Berlin, 1990, iss. 2, pp. 20–32 (in Russian).

Поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 16.03.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 21.02.2023. Подписано в свет 01.03.2023.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 12.13 (13.0). Тираж 100. Заказ 13-Т.

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.